Поэты «ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ»

Перевод с латинского

Издательство
Московского университета
2003

УДК 82.009:7
ББК 63.3(4)
П67

Вступительная статья *М.Л. Гаспарова*
Составление и примечания *М.Л. Гаспарова, Ю.Ф. Шульца*
Общая редакция *М.Л. Гаспарова*

Поэты "Латинской Антологии": Пер. с латинско-
П67 го / Вступ. ст. М.Л. Гаспарова. Сост. и примеч. М.Л. Гаспарова, Ю.Ф. Шульца. Общая ред. М.Л. Гаспарова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — 224 с.
ISBN 5-211-04406-1

"Латинская Антология" — позднеантичный сборник небольших стихотворений, составленный в римской Африке в начале VI в. В нем представлено более 20 авторов. С этим конкретным литературным памятником и знакомит русских читателей данная книга. Глубоко продуманные и стилистически выверенные переводы вандальских школьных стихов впервые выходят отдельным изданием.

Для специалистов по классической филологии и всех интересующихся Античностью.

УДК 82.009:7
ББК 63.3(4)

ISBN 5-211-04406-1

«ЛАТИНСКАЯ АНТОЛОГИЯ» В ВАНДАЛЬСКОМ КАРФАГЕНЕ

Слова «латинская антология» без кавычек означают любой сборник произведений или отрывков из латинской поэзии. Слова «Латинская Антология» в кавычках означают конкретный литературный памятник — сборник небольших стихотворений, составленный в римской Африке, в Карфагене, в начале VI в. н.э., когда — в представлении большинства нынешних читателей — уже не существовало ни Римской империи, ни античной литературы. С этим малоизвестным памятником и хотела бы познакомить русских читателей эта книга.

Заглавие это не принадлежит древним составителям, оно дано издателями Нового времени. Дано оно по аналогии. Само слово «антология» — греческое, означает оно «цветник». Когда кончилась классическая эпоха греческой литературы и александрийские ученые сосредоточенно занялись сохранением и изучением древних поэм и трагедий, то одному поэту пришло в голову, что точно так же заслуживают сохранения и мелкие стихотворения древних и новых греческих поэтов — те, которые тогда назывались «эпиграммами». Он собрал из них все, что мог, и к собранному написал стихотворное предисловие, где изысканно сравнивал каждого поэта с каким-либо цветком, а весь сборник с цветником — «антологией». Этот сборник, несколько раз переработанный, дошел до нас и обычно называется «Греческая Антология». «Латинская Антология» — его аналог, только гораздо более скромный.

Неизвестно, знал ли неведомый составитель африканского сборника о «Греческой Антологии» — может быть, и знал. Неизвестно, стремился ли он к такой же полноте. Он немало выписывает

из главного римского эпиграмматиста Марциала (I в. н.э.), из стихотворений, приписывавшихся философу Сенеке, романисту Петронию, эпику Вергилию, из стихотворных упражнений императоров Августа, Адриана, Галлиена. Но обстановка не способствовала такой собирательской деятельности. Время было неспокойное, связи между разными концами Римской империи нарушились, приходилось ограничиваться тем материалом, который был под рукою здесь, в римской Африке. Так и получилось, что главным содержанием «Латинской Антологии» стала школьная поэзия римской Африки конца V — начала VI в. н.э., времени вандальских королей.

Римская Африка — это территория современного Туниса. Из всех областей Средиземноморья она попала под римскую власть одной из первых — тому уже было шесть с половиной столетий. Центром ее был город Карфаген и прилегающая речная долина — плодородная земля, исправно снабжавшая зерном заморский Рим. Поэтому она была основательно колонизована римлянами: города Карфаген, Утика, Цирта, Гиппон, Лептис, Цезарея, Тамугади до сих пор поражают взгляд своими развалинами. В каждом городе было все, без чего не могли жить досужие римские граждане: цирки для скачек, амфитеатры для гладиаторских битв, театры для мимов и пантомим, термы (бани) для отдыха и общения, портики для прогулок и бесед и, конечно, школы. Римской литературе Африка дала ритора Фронтона (наставника императора Адриана), ритора Апулея (автора «Золотого осла»), поэта Немесиана, грамматика Доната, вычурного энциклопедиста Марциана Капеллу. Римской церкви Африка дала неистового Тертуллиана, рачительного Киприана, «христианского Цицерона» Лактанция и гениального Августина. Августин умер в 430 г. — как раз в то время, когда в Африку пришли вандальские завоеватели.

Вандалы были одним из множества германских племен, хлынувших в Западную Европу в 406 г., когда римские императоры не могли больше держать рейнскую границу и отвели войска. Сперва они осели в Испании (где имя их осталось в названии Андалусия — из «Вандалусия»), в 429 г. были вытеснены оттуда в Африку, в 439 г. взяли Карфаген. Их поддерживало местное берберское население, ненавидевшее римлян; поддерживали сельские колоны-арендаторы, на труде которых процветали досужие

города; поддерживали христиане-донатисты, озлобленные на господствующую церковь и проповедовавшие возврат к первоначальному христианству, в котором все равны. Вандалы враждовали как с империей, так и с церковью: они крестились, но не в ортодоксальную веру, а в арианскую, по-военному считавшую, что Бог-Сын не равен, а подчинен Богу-Отцу. Если слово «вандал» стало означать «злодей», то это не столько оттого, что они больше других разоряли и грабили (и готы, и византийцы, и арабы грабили не меньше), сколько оттого, что католическая церковь ненавидела их как еретиков.

Вандальское королевство в Африке продержалось сто лет — при королях Гензерихе (439—477), Хунерихе (477—484), Гунтамунде (484—496), Фрасамунде (496—523), Хильдерихе (523—530), Гелимере (530—534). Расцветом его было правление Фрасамунда: пышные постройки, покровительство писателям, союз с Теодорихом Готским, хозяином Италии; несколько стихотворений во славу Фрасамунда и его дел мы найдем в «Латинской Антологии». Но расцвет был недолгим. Вандалы не смешивались с римским и берберским населением, они лишь налегли на него тонким господствующим слоем и эксплуатировали землю и людей с разорительной торопливостью. Когда в 533—534 гг. империя собралась с последними силами и из Константинополя приплыл с маленьким войском полководец Велисарий, королевство рухнуло, пленный Гелимер был проведен в триумфе по столице, а Северная Африка еще на полтораста лет вернулась под римско-константинопольскую власть — до нашествия арабов.

Вандальские хозяева правили Африкой, опираясь на тот же чиновничий аппарат, который был и при римлянах. Для пополнения аппарата по-прежнему нужны были образованные люди, способные писать внятные и выразительные отчеты снизу вверх и директивы сверху вниз, а для праздничных случаев — ораторы, способные сочинить и произнести панегирическое слово.

Чтобы иметь таких людей, нужно было сохранять и поддерживать латинские школы. Система школьного образования была отлажена в Римской империи хорошо и давно, и в основе ее было именно владение речью: в начальной школе — грамотность, в средней — чтение и толкование классических писателей во главе с Вергилием, в высшей (до которой доучивались, конечно,

только молодые люди из богатой провинциальной знати) — царица всех наук, красноречие. Обучение красноречию начиналось с пересказов, затем следовали рассуждения (например, похвала скромному образу жизни или обличение переменчивости судьбы), сопоставления (например, кто полезнее людям, пекарь или повар?), описания (цветущего сада, дворца, бань...), «этопеи» — речи от такого-то лица в такой-то ситуации («что написала бы Энею Дидона, прежде чем покончить с жизнью» — такая этопея в стихах тоже есть в «Латинской Антологии»), и, наконец, высший класс — увещательные и состязательные речи по поводу вымышленных судебных дел («контроверсии» и «свазории»).

Стихотворчество не входило в программу риторических упражнений: Античность помнила, что «ораторами делаются, а поэтами рождаются». Но конечно, в школьной обстановке культа слова любая попытка сочинять стихи могла только приветствоваться. Умение владеть стихом было приметой образованного человека: на каждого профессионального стихотворца приходились десятки любителей. Их-то стихотворная продукция и составила, по-видимому, весь материал «Латинской Антологии», с подписями и без подписей.

Действительно, в «Антологии» значатся более двадцати имен, но все это лица в литературе случайные. Галлиен — это недолгий римский император III в.; Флор — ритор из свиты Адриана, римского императора II в. (может быть, он же автор дошедшей до нас краткой и пышной «Истории римских войн» по Титу Ливию); Луксория рукопись именует «светлейшим мужем», Октавиана — «сиятельнейшим мужем»; Тибериана, может быть, можно отождествить с вельможей, который был наместником Африки и Галлии в IV в., а Пентадия — с адресатом одного из христианских сочинений Лактанция; странствующим ритором был Веспа, грамматиками — Симфосий и «12 мудрецов» с их звучными именами. Тукциан, Региан, Поннан, Модестин, Линдин, Флорентин, Коронат, Феликс — имена, ничего никому не говорящие. Все это — дилетанты, для которых стихи лишь один из способов показать свою принадлежность к ученому и просвещенному обществу. Здесь нет «самовыражения»: каждый стремится «быть как все». Если снять в этом томе авторские имена, то он может показаться написанным одним поэтом. Такая однородность — не недостаток,

это признак развитой, устоявшейся и самосознательной поэтической культуры.

О чем писали эти авторы? Мы привыкли, что литература — это прямое или хотя бы косвенное отражение современной действительности; здесь мы этого не найдем. Эти стихи писались во время исторических катастроф, решавших судьбу Европы, но в стихах они почти не оставили следа, Римская империя стала варварской — но об этом мы догадываемся лишь по непривычно звучащим именам в стихах Луксория да по одинокой эпиграмме «О варварских пиршествах». Римская империя стала христианской — но на это указывает разве что стихотвореньице Кальбула во славу Святого Креста. Оглядываясь вокруг себя, наши авторы видят не черты нового, а только черты старого или, точнее, черты вечного: Вечного Рима, вечного мифа, вечного быта. Античный человек привык к неменяющемуся миру, к самоподдерживающемуся хозяйству, к вечным этическим и эстетическим ценностям, и он хотел, чтобы поэзия утверждала для него именно этот мир. Поэтому и частный быт здесь привычно уютен, и государственный мир привычно великолепен, несмотря на то что порой эпиграмма описывает «храм, разрушенный для постройки стен», а адресаты ее носят германские имена.

Содержание «Латинской Антологии» больше всего напоминает нам о школе. Оно похоже на список картинок в букваре (хотя букварей, да еще с картинками, у римлян и не было): лимон, гиацинт, роза, виноградная гроздь, муравей, стол с фигурой орла, водоналивное колесо, магнит, Архимедов глобус, канатоходец, актер-пантомим, птица Феникс, кентавр Хирон, Ахилл и Гектор, Солнце и Луна, девять муз и т.д. — все предметы и образы, с которыми каждый сталкивается в быту или в первом школьном чтении. Некоторые из них пользовались особым предпочтением: например, пейзажи («Прекрасный луг», описания садов), диковинки природы («Магнит», «Хрусталь, внутри которого лед»), удивительные достижения ума (прекрасные постройки, прирученные звери, произведения искусства), изображения великих людей («Эпитафия Вергилию» и пр.). Здесь задача поэта заключалась в том, чтобы увидеть в знакомом предмете что-то неожиданное и выразить это в кратких словах. Другой вид школьной поэзии — наоборот, такой, в котором ничего неожиданного

нет, а нужно пересказать, ничего не потеряв, что-то общеизвестное: «запоминательные стихи», например, содержание 12 книг «Энеиды», девять муз, семь планет, изречения семи греческих мудрецов и т.п. Здесь задача была в том, чтобы уложить в метр и ритм заранее заданные слова, на этот метр нимало не рассчитанные. Наконец, третий вид школьного стихотворства — промежуточный: это стихотворные пересказы мифов (например, «Любовь Марса и Венеры»). Здесь задача была в том, чтобы найти такую степень подробности изложения, при которой миф естественнее всего вместился бы в заданный собьем — в 6, 60 или 600 стихов: такая «амплификация», или «контракция», тоже входила в круг умения каждого ритора.

Для читателя наших дней, понятным образом, более всего сохраняют художественную действенность приемы первого рода. Есть однообразное изящество в том искусстве, с которым стихотворец открывает в простейшем предмете диалектический парадокс, заостряет его в антитезу и увенчивает сентенцией, часто с мифологической аналогией. Вот муравей: он мал, но собирает великие запасы зерна, и если могучий бог Плутон похитил когда-то Прозерпину, дочь урожайницы-Цереры, то крошка-муравей похищает саму Цереру. Вот актер-пантомим: он молчит, но молча говорит; он один, но в то же время и многие; он перед нами сам, но и не сам. Вот Феникс: он умирает, чтобы жить; вот Нарцисс: от зеркальной воды в нем зажегся любовный огонь; вот горячие источники в Байях: в них вода и огонь не губят, а поддерживают друг друга; вот картина: она не живая, но полна жизни; вот невеста в брачную ночь, и поэт к ней обращается: «Дай себя победить — и этим одержишь победу». Простейший и нагляднейший набор таких парадоксов представляет один из самых непритязательных циклов нашей книги — «Загадки Симфосия», где ключ говорит: «Я мал, но сила моя велика; запертое я открываю, а открытое запираю; я берегу дом, а меня берегут в доме» и т.п. Это лишнее напоминание, что не следует считать риторику праздной выдумкой разлагающейся цивилизации — корни ее глубоко в фольклоре.

Если стихотворение должно быть большим, то каждая из частей парадокса может растягиваться или за счет детализации, или за счет привлечения сравнений. Искусство детализации у поэтов

риторических школ достигает редкой тонкости: достаточно обратить внимание на описание распускающихся и увядающих роз в стихах «Антологии», на нагромождение чувств — «замер, дрожит, удивлен...» — в миниатюре Пентадия о Нарциссе. Искусство сравнения было еще общедоступней: здесь традиционная мифология была неистощимым арсеналом. Упоминание о дружбе почти автоматически вызывает под пером стихотворца имена Ореста и Пилада, Тесея и Пирифоя, Ниса и Евриала; женская верность — это Пенелопа, Лаодамия, Евадна; целомудрие — Лукреция; разлука — Дидона, Ариадна, Филлида; безумие — Орест, Геркулес, Беллерофонт; наказание преступников — Тантал, Сизиф, Иксион, Титий, Данаиды; божественная ученость — Пифагор или Нума Помпилий; земная — семь греческих мудрецов; врач вызывает в памяти Феба-Пеона или Эскулапа, учитель — кентавра Хирона, и все эти свойства так же неотъемлемы от этих образов, как палица у Геракла, копье у Ахилла, лук у Одиссея.

Развернутые таким образом мотивы облекаются в слова. Здесь опять-таки используется для украшения целый ряд изысканных оборотов: поэт старается каждое существительное снабдить эпитетом (эта привычка продержится, не прерываясь, до XVIII в., если не дольше), называет хлеб Церерой, вино Вакхом, огонь Вулканом, а для географических и мифологических имен у него есть целый запасник косвенных синонимов и перифраз: музы — это Аониды или Пиериды, Вакх — Либер или Лиэй, Солнце — Титан или Гиперион, Марс — Градив, Вулкан — Мульцибер, а Венера — и Диона, и Эрицина, и Киферея, и Идалия, и Пафия; Ахилл — это Пелид (по отцу) или Эакид (по деду), Одиссей — «дулихиец», Гомер — «меониец», римляне — «энеады», оливковое масло — «аттическое» или даже «актейское», александрийский папирус — «фаросский», «нареотийский», «канопский». Так каждое слово рассчитано на то, чтобы всколыхнуть в памяти читателя всю толщу культурно-исторических ассоциаций. Каждое сочетание слов — тем более: античный читатель, помнивший наизусть своих школьных классиков, легко узнавал за редким эпитетом или причудливым поворотом фразы дальний вергилиевский или овидиевский образец. Поэты сами обыгрывали это и писали «центоны», мозаические стихи, составленные из полустиший Вергилия без единого собственного слова; серией таких

центонов начинается и сохранившаяся часть «Латинской Антологии», хоть в переводе они здесь не представлены.

Неудивительно, что отточенный по таким образцам стих у поздних латинских поэтов ровен и гладок. За разнообразием размеров они не гонятся, всему предпочитая надежно отработанные гексаметр и элегический дистих. Лишь изредка для щегольства Луксорий начинает свою книгу эпиграмм подборкой стихов разными размерами; или неизвестный поэт сочиняет «Пасифаю» в виде подтекстовки к перечню всех лирических размеров Горация; или Пентадий и его подражатели пишут (в подражание случайному двустишию Овидия) «змеиные стихи» с повторяющимися полустишиями; или даже «анациклические стихи», которые могут читаться слово за слово от конца к началу, не выбиваясь из смысла и ритма. Это были как бы фигуры высшего версификаторского пилотажа, ни для кого не обязательные, но напоминающие о том техническом совершенстве, к которому должен стремиться поэт.

Таковы были стихи, составившие африканскую антологию начала VI в.: по большей части эпиграммы, но вместе с ними и небольшие поэмы, как у Репосиана, и стихотворные этопеи и контроверсии, о которых уже упоминалось, и т.п. Считается, что дата «Антологии» — не позже 534 г., когда пало вандальское королевство: под византийской властью составитель, вероятно, не стал бы включать в книгу панегирики вандальским правителям. (А может быть, и стал бы: Античность понимала, что не всякая риторика есть политика.) Кто был составителем, мы не знаем: один издатель «Антологии» считал составителем Луксория или кого-нибудь из его друзей, другой — «сиятельного Октавиана, сына Кресцентинова, 16 лет», но и то и другое предположение одинаково плохо обоснованы. Всего в «Антологии» около 380 стихотворений (не считая выписок из Марциала и других авторов). Они образуют 24 раздела разной величины (из них первые пять не сохранились). Среди этих разделов — цикл вергилианских центонов, цикл «змеиных стихов», стихотворная контроверсия, стихотворная свазория, стихотворная этопея, героекомическое прение Веспы, «Ночное празднество Венеры», «Загадки Симфосия», «Книга эпиграмм» Луксория, а в промежутках между ними

еще несколько стихотворных циклов, объединенных по не всегда понятным признакам.

Сохранившаяся рукопись «Антологии» лет на полтораста моложе создания сборника: 188 больших листов, писанных в конце VII — начале VIII в. Она называется «Салмазиевским кодексом» по имени французского филолога Клавдия Салмазия (Клода Сомэза), который получил ее в 1615 г. В 1759—1773 гг. ее использовал немецкий филолог П. Бурманн-младший, собравший из всех источников мелкие латинские стихотворения разных веков под заглавием «Антология старинных латинских эпиграмм и стихотворений». В 1835 г. переработанное издание этого свода выпустил Г. Мейер под заглавием «Латинская Антология». Так установилось нынешнее ее заглавие. Только в 1869 г. в издании А. Ризе (под заглавием «Латинская Антология, или Дополнение к латинской поэзии») стихи «Салмазиевского кодекса» были отделены от стихов иного происхождения и напечатаны как единое целое.

В эту книгу переводов вошло около трети состава «Салмазиевского кодекса» и в дополнение к нему некоторые стихотворения той же эпохи из других рукописей и (в последнем разделе) сохранившиеся в надписях на камне. Ни филологи, ни тем более русские переводчики не баловали вниманием эти произведения «упадочной», как казалось, эпохи. Первым в России обратил на них внимание В.Я. Брюсов, для своей неизданной книги переводов «Римские цветы» сделавший несколько переводов (из Пентадия, Тибериана, Флора и др.), а для своей книги стилизаций «Сны человечества» написавший несколько интересных подражаний поэтам «Латинской Антологии». Отдельным изданием стихи из «Латинской Антологии» по-русски выходят впервые; около 60 стихотворений переведены впервые для настоящего издания.

М.Л. Гаспаров

ВСТУПЛЕНИЕ

(Р. 90, Б. 278)

Все, чем резвилось дитя, чем тешился возраст любовный,
В чем пиерийскую соль сеял болтливый язык,
Все в эту книгу вошло. И ты, искушенный читатель,
Перелистав ее всю, выбери что по душе.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ХВАЛА СОЛНЦУ

(Р. 389, Б. 543)

В пору, когда от земли небеса отделила природа,
Солнце вывело день, недвижные тучи на небе
Разорвало и явило свой лик в розовеющем мире,
И в светоносном полете сверкнули прекрасные звезды.
Хаос был бессолнечным днем. А теперь мы впервые
Свет познаем и небес ощущаем тепло золотое.
Эти живые родят семена человечью породу,
Это начало всех тварей земных, и морских, и крылатых, —
Все в нем, что в небесах, на земле и в воде обитает.
С этой поры теплота, охватившая мир, разлилася,
Жизни сладостный дар простирая в медовом потоке.
В час, как из розовых бездн встают неустанные кони,
Ноздри вздымая высоко и свет на скаку выдыхая,
Мрак разрывается солнцем — и вот, золотое, с востока

Светочи сеет оно огневые по нивам эфирным.
Там, где всходит Титан в шафранное золото мира,
Все раскрывается въявь, что скрывалось в молчании ночи:
Вот уж сверкают леса и поля, и цветущие нивы,
Море недвижно лежит, улеглись обновленные воды
Рек, и свет золотой бежит по трепещущим струям.
Вот у крылатых коней натянулись, сверкая, поводья,
Ось золотая горит, колесница золотом блещет
И в драгоценной красе подобна сиянию Феба.
Феб над миром царит, времена утверждает и гордо
Светлую голову ввысь из зыби возносит к эфиру.
Только его одного из богов, царящего в мире,
Нам и дано узреть, и следят его шествие нивы.
О, сколь дивно добро, творимое пламенной мощью:
Он, посылая лучи, ощущеньями нас наделяет,
Плоть отселе, и жизнь отселе, и все в его власти.
Феникс нам служит примером, из пепла родившийся снова,
Что от касания Феба все жизнь получает на свете.
Смерть дает ему жизнь, в злом роке он черпает силы,
Был он для смерти рожден, но в огне он обрел возрожденье;
Гибнет он множество раз и, воспрянув, опять умирает.
Он на утесе сидит в лучах и сиянии Феба,
Жар, насылаемый смертью, что снова приходит, впивает.
Солнце сияньем пурпурным земли заливает пределы,
Солнцу навстречу земля выдыхает весной ароматы,
Солнцу навстречу луга зеленеют сочной травою,
Солнце — зерцало небес, подобие божеской мощи,
Солнце вовек не стареет, летя через быстрое небо,
Солнце — лик мировой, средоточье подвижное неба,
Солнце — благая Церера, и Либер, и самый Юпитер,
Солнце — Тривии блеск, и божеств в нем тысяча слито,
Солнце лучи разливает с несущейся в небе квадриги,
Солнце и гиперборейскую ночь сменяет рассветом.

Солнце, Олимп озарив, возвращает нам день лучезарный,
Солнце восходит — и лира ему откликается нежно,
Солнце зашло — но волна теплоту сохраняет светила,
Солнце — лето, осень, зима и весна, что желанна,
Солнце — час, и день, и месяц, и год, и столетье,
Солнце — эфирный шар, сияющий золотом миру,
Солнце — друг земледельца, надежда пловца в океане,
Солнце собой возрождает все то, что способно меняться,
Солнце в движении вечном бледнеть заставляет светила,
Солнцу ответствует море покойным сверканием глади,
Солнцу дано весь мир озарять стремительным жаром,
Солнце — мира и неба краса, и для всех неизменно,
Солнце — и дней и ночей божество, конец и начало.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ХВАЛА ЛУНЕ

(Р. 723, Б. 111, 163)

Гордость вселенной — Луна, наибольшее в небе светило,
Солнечный блеск отраженный — Луна, сиянье и влажность,
Месяцев матерь — Луна, возрожденная в щедром потомстве!
Небом, подвластная Солнцу, ты звездной упряжкою правишь,
Ты появилась — и родственный день часы набирает;
Смотрит отец-Океан на тебя обновленной волною;
Дышит тобою земля, заключаешь ты Тартар в оковы;
Систром звуча, воскрешаешь ты зимнее солнцестоянье.
Кора, Исида, Луна! Ты — Церера, Юнона, Кибела!
Чередованию дней ты на месяц даруешь названье,
Месяца дни, что на смену идут, опять обновляя;
Ты убываешь, когда ты полна; и, сделавшись меньше,
Снова полнеешь; всегда ты растешь и всегда убываешь.
Так появись и пребудь благосклонна к молениям нашим,
Дружных тельцов, что идут в твоей светоносной упряжке,
Ты средь созвездий направь по пути благосклонной Фортуны.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ХВАЛА ОКЕАНУ

(Р. 718, Б. 111, 165)

Волн повелитель и моря творец, владеющий миром,
Все ты объемлешь своей, Океан, волною спокойной,
Ты для земель назначаешь пределом разумным законы,
Ты созидаешь моря, и источники все, и озера,
Даже все реки тебя своим отцом называют.
Пьют облака твою воду и нивам дожди возвращают;
Все говорят, что свои берега без конца и без края
Ты, обнимая, сливаешь с густой синевой небосвода.
Феба упряжке усталой ты отдых даруешь в пучине
И утомленным лучам среди дня доставляешь питанье,
Чтобы сверкающий день дал горящее Солнце народам,
Если над морем царишь ты, над землями, небом и миром,
То и меня, их ничтожную часть, услышь, досточтимый
Мира родитель благой; я с мольбою к тебе обращаюсь:
Где б ни судили мне грозные судьбы довериться морю,
Морем твоим проплывать и по грозно шумящим просторам
Путь совершать, сохрани ты корабль на пути невредимым,
Глубь голубую раскинь по спокойной спине без предела;
Пусть, лишь колеблясь слегка, лазурью кудрявятся воды,
Только б надуть паруса и оставить в бездействии весла.
Пусть возникают теченья, которые силой могучей
Движут корабль; я их рад бы считать и рад их увидеть.
Пусть же борта корабля в равновесье всегда пребывают,
Вторит журчанье воды кораблю, бороздящему море.
Счастливо дай нам, Отец, закончить плаванье наше,
На берегу безопасном доставь в долгожданную гавань
Спутников всех и меня. И поскольку ты это даруешь,
Я благодарность тебе принесу за дар твой великий.

(*Перевод Ю. Шульца*)

МОЛЕНИЕ ЗЕМЛЕ

(Р. 5, Б. III, 138)

Земля святая, мать всего живущего,
Все ты рождаешь, все ты возрождаешь вновь,
И все, что есть, питаешь силой жизненной.
И высь, и хлябь — все под твоим блюстительством:
Ты погружаешь мир и в тишину и в сон,
И вновь выводишь свет и прогоняешь тьму.
Ты мрак подземный хаоса безмерного
В себе скрываешь, ты и бури с грозами
Уздаешь и на волю выпускаешь их,
Взметая зыбь, вздымая ночь, взбивая шторм,
Но вновь являешь взорам солнце доброе.
Пока живем, ты нас питаешь силами,
Когда умрем, в тебя бездушный ляжет прах,
И все твое опять к тебе воротится.
Воистину Великая ты Мать Богов,
Затем, что чтишься выше всех иных божеств,
Богам и смертным ты родоначальница,
Все чрез тебя и зреет и рождается,
Могуча ты, царица ты, богиня ты.
Тебя молю, твою зову божественность:
Дай без усилья все, о чем прошу тебя,
И я воздам достойной благоверностью.
Услышь меня, богиня, и способствуй мне,
Яви желанье, подари просимое:
Твоим величьем травы порожденные
Всем племенам на благо и во здравие
Пусть мне откроют мощь свою целебную —
Приди ко мне с врачующим всесилием!
Да будут благотворны зелья травные:
Пусть всяк, кому я дам их и кто примет их,
Твоею властью исцелится. Вновь и вновь
Молю, Богиня: пусть моленье сбудется!

(*Перевод М. Гаспарова*)

МОЛЕНИЕ ВСЕМ ТРАВАМ

(Р. 6, Б. 111, 140)

Днесь вас молю я, травы все могучие,
Величье ваше я молю, которое
Земля, что вас рождала, всем вам в дар дала.
Она вложила в вас лекарство к здравию
С величьем вашим, чтобы неизменно вы
Всем людям были помощью полезнейшей.
Склонившись, умоляю и взываю к вам:
Сюда, сюда спешите с вашей силою!
Ведь та, кто вас творила, разрешила мне,
Чтоб я сбирал вас, надо мною бодрствует
Блюститель врачеванья. О, насколько днесь
Вся ваша сила может, дайте средство нам
К спасенью здравья. Милость для меня, молю,
Свершите вашей силой, чтоб во всех делах,
Что б я из вас ни сделал и кому б ни дал,
Являлся вместе с вами там благой исход,
Скорейшее целение. Да будет мне
От вашего величья благосклонного
Дано сбирать вас ....
И пусть сложу плоды вам и признательность
Во имя той, что вам велела вырасти.

(*Перевод Ю. Шульца*)

НОЧНОЕ ПРАЗДНЕСТВО ВЕНЕРЫ

(Р. 200, Б. 307)

Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Вновь весна, весна и песни; мир весною возрожден.
Вся любовь весной взаимна, птицы все вступают в брак,
Дождь-супруг своею влагой роще косы распустил,
И Диона, что скрепляет связь любви в тени ветвей,
Обвивает стены хижин веткой мирта молодой,

На высоком троне завтра будет суд она вершить.
Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Из высоко бьющей крови волн пенящихся своих,
Средь морских просторов синих и своих морских коней
Из дождей-супругов создал Понт Диону в плеске волн.
    Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Ведь сама богиня красит цветом пурпурным весну,
Теплым ветра дуновеньем почки свежие растит,
Распускает их на ветках и сверкающей росы
Рассыпает капли-перлы — этой влажной ночи след.
И, дрожа, слезинки блещут, вниз готовые упасть.
Вот стремительная капля задержалась на лугу,
И, раскрывшись, почки пурпур, не стыдясь, являют свой.
Влажный воздух, что ночами звезды светлые струят,
Утром с девушек-бутонов покрывала снимет их.
Всем Диона влажным розам повелела в брак вступить.
Создана Киприда кровью, поцелуями любви,
Создана она из перлов, страсти, солнечных лучей.
И стыдливость, что скрывало покрывало лишь вчера,
Одному супруга мужу завтра явит не стыдясь.
    Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Нимфам всем велит богиня к роще миртовой идти.
Спутник дев, шагает мальчик, но поверить не могу,
Что Амур не занят делом, если стрелы носит он.
Нимфы, в путь! Оружье бросил и свободным стал Амур;
Безоружным быть обязан, обнаженным должен быть,
Чтоб не ранил он стрелою и огнем не опалил.
Все же, нимфы, берегитесь! Ведь прекрасен Купидон,
Ибо он, и обнаженный, до зубов вооружен.
    Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Целомудренно Венера посылает дев к тебе.
Об одном мы только просим: ты, о Делия, уйди,
Чтобы лес звериной кровью больше не был обагрен.

И сама б тебя просила, если б упросить могла,
И сама тебя позвала б, если б ты могла прийти,
Ты могла б три ночи видеть, как ликует хоровод;
Собрались народа толпы, чтобы весело плясать
Средь увитых миртом хижин, на себя надев венки.
   Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Трон убрать цветами Гиблы повелела нам она:
Будет суд вершить богиня, сядут Грации вблизи.
Гибла, всех осыпь цветами, сколько есть их у весны!
Гибла, рви цветов одежды, Эннский расстели ковер!
Нимфы гор сюда сойдутся, будут здесь и нимфы сел,
Кто в лесной тиши, и в рощах, и в источниках живет.
Мать-Богиня им велела всем с Амуром рядом сесть,
Но ни в чем ему не верить, пусть он даже обнажен.
   Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Пусть она в цветы оденет зеленеющую сень;
Завтра день, когда впервые сам Эфир скрепляет брак.
Чтобы создал год весенний нам отец из облаков,
В лоно всеблагой супруги ливень пролился — супруг.
Слившись с нею мощным телом, он плоды земли вскормил,
А сама богиня правит и рассудком, и душой,
Проникая в нас дыханьем сил таинственных своих.
Через небо, через землю, через ей подвластный Понт
Напоила семенами непрерывный жизни ток,
Чтобы мир пути рожденья своего познать сумел.
   Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Ведь сама она троянских внуков в Лаций привела,
Из Лаврента деву в жены сыну отдала сама.
Вскоре Марсу даст из храма деву чистую она,
И сабинянок, и римлян ею был устроен брак;
От него квириты, рамны, внуки Ромула пошли;
И отец, и юный цезарь тоже ею рождены.
   Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!

Села полнятся блаженством, села все Венеру чтут:
Сам Амур, дитя Дионы, говорят, в селе рожден.
И его, лишь он родился, поле приняло на грудь
И, приняв, дитя вскормило поцелуями цветов.
Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!
Выше дроков на полянах бычьи лоснятся бока:
Без помехи жаждет каждый брачный заключить союз.
Овцы скрылись в тень деревьев, с ними их мужья — самцы.
Птицам певчим повелела петь богиня — не молчать;
Оглашаются озера резким криком лебедей,
В пышной тополевой сени Филомела вторит им.
Верь, любви волненье слышно в мелодичной песне уст,
И на варвара-супруга в ней не сетует сестра.
Вот запела. Мы умолкли. Где же ты, весна моя?
Словно ласточка, когда же перестану я молчать!
Музу я сгубил молчаньем, Феб не смотрит на меня.
Так Амиклы их молчанье погубило навсегда.
Пусть полюбит нелюбивший; кто любил, пусть любит вновь!

(*Перевод Ю. Шульца*)

ПЕСНЯ ГРЕБЦОВ

(Б. 111, 167)

Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
Моря бескрайнего бог, улыбаясь безоблачным ликом,
Гладь широко распростер, успокоив неистовство бури,
И, усмиренные, спят неспокойно тяжелые волны.
Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
Пусть заскользит, встрепенувшись, корабль под ударами весел.
Небо смеется само и в согласии с морем дарует
Нам дуновенье ветров, чтоб наполнить стремительный парус.
Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!

Нос корабельный, резвясь как дельфин, пусть режет пучину;
Дышит она глубоко, богатырскую мощь обнажая
И за кормой проводя убеленную борозду пены.
Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
Слышится Кора призыв, так воскликнем же громкое: эй-а!
Море запенится пусть в завихрениях весельных: эй-а!
И непрерывно в ответ берега откликаются: эй-а!

(*Перевод Ю. Шульца*)

ФЛОРЕНТИН

ПОХВАЛА ЦАРЮ ФРАСАМУНДУ

(Р. 376, Б. 530)

Царский праздник воспеть новогодним желаю обетом,
Праздник державной красы Фрасамунда, славного в мире.
В крае ливийском могуч, он всех затмевает, подобно
Солнцу, в чьих лучах бледнеют иные светила.
Все в нем сошлось: благочестие, нрав, проницательный разум,
Доблесть, облик, краса, отвага, мужество сердца,
Бодрственный дух и мыслительный дар превыше всех прочих.
Впрочем, о чем говорить? К чему окольные речи?
Держит он властной рукой все самое лучшее в мире!
Сколько в Парфии есть драгоценных каменьев в нагорьях,
Сколько лидийский Пактол струит сияющих зерен,
Сколько в китайских краях пестреет крашеных тканей
В дар, ожидающий сока червца, чтобы ярким багрянцем
Царские члены облечь, достойной данью владыке,
Сколько родят блестящих олив африканские почвы, —
Кратче сказать, все земные дары, знаменитые в людях,
Здесь сошлись в державе твоей, которою правишь
Ты многомощной рукой, умножая ее достоянье.
Не от тебя ли давно просиял оплот Карфагена,

Коему вслед неравной стопой грядут Алианы,
Тою же честью славны и великой пылая любовью
Ко своему царю? Карфаген повелел им возникнуть
В избранной лучшей земле, в живительном веянье ветра,
Чтобы достойными стать явленья царя-венценосца,
И для того-то гремит плесканье во мраморе моря,
И для того-то встает над землей изумрудная зелень,
Чтобы и суша и хлябь ласкали взор властелина.
Но Карфаген превыше высот сохранит свою славу —
Ибо царит Карфаген, Карфаген торжествует в триумфах:
Рода Асдингов оплот Карфаген, Карфаген, просиявший
Над африканской землей Карфаген, Карфаген, вознесенный
Блеском наук Карфаген, Карфаген, учеными славный.
Многим народом богат Карфаген, Карфаген всепресветлый,
Стены широко простер Карфаген, Карфаген многодомный,
Сладостный Карфаген, Карфаген, изливающий нектар,
В цвете своем Карфаген с Фрасамундова трона царящий.
Здесь да пребудет вовек неизбывно блаженна держава,
Вновь и вновь обновляя в годах сияние празднеств, —
Все мы наши мольбы возносим ко Господу Богу.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ТУКЦИАН

ПЕСНИ И ЛЮБОВЬ

(Р. 277, Б. 471)

Песни рождают любовь, и любовью рождаются песни:
Пой, чтоб тебя полюбили, люби, чтоб тебя воспевали,

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПЕНТАДИЙ

СУДЬБА

(Р. 234, Б. 408)

Дело, хотя и одно, постоянную терпит превратность, —
Вспять, но несхожим грядет дело, хотя и одно.
Мстящей рукою разя, для сестры была любящей Прокна, —
Сына убила она, мстящей рукою разя.
Магии песен вверясь, отомстила Колхидянка мужу,
Ибо преступной была, магии песен вверясь.
Так Эвридику супруг возвратил моленьями к жизни
И, провинясь, потерял так Эвридику супруг.
Кровью краснеют плоды, обагренные гибелью Фисбы,
Белые прежде — теперь кровью краснеют плоды.
Дивным искусством Дедал убежал из Миносова царства —
Сына зато потерял дивным искусством Дедал.
С даром Палладиным в ночь все беспечными были фригийцы,
Так и погибли они с даром Палладиным в ночь.
То, что на небе сын, это радостью было для Леды,
Но для матери скорбь, что не на небе другой.
Жертвою пасть на алтарь обречен был гость Бусирида, —
И Бусирид обречен жертвою пасть на алтарь.
Жизнь Ипполиту Тесей испросил, принесши обеты,
Выбрал же вместо того смерть Ипполиту Тесей.
Гибельным древом была против братьев она справедливо,
Эта свирепая мать гибельным древом была.
Брошена мужем во сне у моря рыдала Критянка,
Радость на небе нашла, брошена мужем во сне,
Нес златорунный баран над морем летящего Фрикса,
Гелла свалилась, кого нес златорунный баран.
Много детей народив, возгордилась тем Танталида,
Муки она приняла, много детей народив.
Было Пелида копье, врагу нанесшее рану,

Но и лекарством ее было Пелида копье.
Судно, что морем плыло, достигло до гавани самой,
Но утонуло в порту судно, что морем плыло.
День роковой тороплив, и, рожденный, дитя умирает,
Первый души его день — день роковой тороплив,
С радостью беды идут по закону творения рядом,
Вместе все время они: с радостью беды идут.

(*Перевод Ю. Шульца*)

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

(Р. 235, Б. 409)

Вижу, уходит зима; над землею трепещут зефиры,
Воды от Эвра теплы: вижу, уходит зима.
Всюду набухли поля, и земля теплоту ожидает,
Зеленью новых ростков всюду набухли поля.
Дивные тучны луга, и листва одевает деревья,
Солнце в долинах царит, дивные тучны луга.
Стон Филомелы летит, недостойной, по Итису-сыну,
Что на съедение дан, стон Филомелы летит.
С гор зашумела вода и по гладким торопится скалам,
Звуки летят далеко: с гор зашумела вода.
Сонмом весенних цветов красит землю дыханье Авроры,
Дышат Темпеи луга сонмом весенних цветов,
Эхо в пещерах звучит, мычанию стад подражая,
И, отразившись в горах, эхо в пещерах звучит.
Вьется младая лоза, что привязана к ближнему вязу, —
Так, обрученная с ним, вьется младая лоза.
Мажет стропила домов щебетунья-ласточка утром,
Новое строя гнездо, мажет стропила домов.
Там под платаном в тени забыться сном — наслажденье;
Вьются гирлянды венков там под платаном в тени.
Сладко тогда умереть: жизни нити, теките беспечно!
И средь объятий любви сладко тогда умереть.

(*Перевод Ю. Шульца*)

НАРЦИСС

(Р. 265, Б. 422)

Тот, чьим отцом был поток, любовался розами мальчик,
И потоки любил тот, чьим отцом был поток.
Видит себя самого, отца увидеть мечтая,
В ясном, зеркальном ручье видит себя самого.
Тот, кто дриадой любим, над этой любовью смеялся,
Честью ее не считал тот, кто дриадой любим.
Замер, дрожит, изумлен, любит, смотрит, горит, вопрошает,
Льнет, упрекает, зовет, замер, дрожит, изумлен.
Кажет он сам, что влюблен, ликом, просьбами, взором, слезами,
Тщетно целуя поток, кажет он сам, что влюблен.

(*Перевод В. Брюсова*)

МОГИЛА АЦИДА

(Р. 88Б, Б. V, 83)

Ацида здесь, на вершине горы, ты видишь гробницу,
Видишь бегущий поток там, у подножья холмов?
В них остается доныне память о гневе Циклопа,
В них печаль и любовь, светлая нимфа, твои!
Но, и погибнув, лежит он здесь, погребен, не без славы:
Имя его навсегда шумные воды стремят.
Здесь он еще пребывает, и кажется нам, он не умер:
Чья-то лазурная жизнь зыблется в ясной воде.

(*Перевод В. Брюсова*)

ХРИСОКОМА

(Р. 267, Б. 424)

Хрисокома спаслась от меча грозившего мужа,
Свой покрыла она грех соучастьем судьи.

(*Перевод В. Брюсова*)

О ЖЕНСКОЙ ВЕРНОСТИ

(Р. 268, Б. 425)

Бурному морю доверь корабли, но не женщине душу,
Ибо морская волна верности женской верней.
Жен добродетельных нет, а если какую и встретишь,
Все же, неведомо как, злом обернется добро.

(*Перевод М. Гаспарова*)

МОДЕСТИН

СПЯЩИЙ АМУР

(Р. 273, Б. 429)

Как-то младенец Амур, побежден легкокрылой дремотой,
В зарослях мирта лежал на траве, увлажненной росою.
Тут-то, скользнув из пропастей Дита, его обступили
Души, которых когда-то терзал он жестокою страстью.
«Вот он, вот мой охотник! Связать его!»—Федра вскричала.
Злобная Сцилла в ответ: «По волосу волосы вырвать!»
«Нет, изрубить на куски!» — Медея и сирая Прокна,
«Душу исторгнуть мечом!» — Дидона и Канака просят,
«Бросить в огонь!» — Эвадна, «Повесить на дереве!» — Мирра,
«Лучше в реке утопить!» — Аретуса кричит и Библида.
Тут, проснувшись, Амур: «Ну, крылья, на вас вся надежда!»

(*Перевод М. Гаспарова*)

ГАЛЛИЕН

ЭПИТАЛАМИЙ

(Р. 711, Б. 113)

...Радуйтесь, о молодые! Равно соревнуйте всей силой
Мышц меж собой: да дивятся ропотам вашим — голубки,
Вашим объятиям — плющ, створки раковин — вашим лобзаньям.

Вволю резвитесь! Но бдящих лампад не гасите: лампады
Все по ночам следят, ничего наутро не помнят...

(*Перевод В. Брюсова*)

АВИД

К НОВОБРАЧНОЙ

(Р. 29, Б. 218)

Тканью льняной прикрытую грудь обнажи из-под ткани,
Дайся тому, кто теперь тебе муж, не пытайся ногтями
Ранить ему лицо, но пугайся его посяганий:
Брачная ночь страшна, но брачная ночь не опасна!
Так не противься, а дай победить — одержишь победу.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ОКТАВИАН

ЭПИТАЛАМИЙ

(Р. 22, Б. 212)

Ныне ступайте, союз сочетайте с ложем стыдливым
  И научитесь нести шалости пылкой любви;
Пусть же объятья скрепит мать нежных Амуров: владеет
  Всей Идалией она, в Книде, благая, царит;
Пусть установит согласье своим благосклонно величьем,
  Пусть же отцы молодых дедами станут скорей.

(*Перевод Ю. Шульца*)

К ЗАСТОЛЬНИКАМ

(Р. 719 С, Б. 122)

О сотрапезники! Ныне угрюмые бросьте заботы,
  Чтобы сверкание дня сумрачный дух не смутил.
Речи тревоги душевной пусть будут отвергнуты, чтобы,
  Ей не поддавшись, душа дружбе предаться могла.

Радость не вечна: часы улетают; так будем смеяться —
Трудно у судеб отнять даже единственный день.

(*Перевод Ю. Шульца*)

КОРОНАТ

(Р. 225—228, Б. 401—404)

КУРИЦА С НАЧИНКОЙ

Стихи безымянные:
Внутренней плоти лишась, приняла она в теплую полость
Новую плоть. Дала, взяла и от этой потери
Многую прибыль имеет. Ущерб обернулся наживой.
Стихи сиятельного мужа Короната:
Мертвая стала добычницей. Мать чревата птенцами,
Но не своими. Богата чужим, а себя потеряла.
Стихи Доната:
Яйца одно за другим влагаются в полое чрево,
И от такой полноты взбухает куриное тело:
В мертвой больше яиц, чем она принесла бы живая.
Стихи сиятельного мужа Короната:
Прокна убила детей, и детей убила Медея.
Здесь же мать в себя приняла и деток, и дедов,
И сестер. Умирая, она тяжелеет потомством.

(*Перевод М. Гаспарова*)

РЕГИАН

КУПАНЬЯ В БАЙЯХ

(Р. 271, Б. 427)

Прежде чем в Байские воды войти, благая Венера
Сыну Амуру велела с факелом в них окунуться.
Плавая, искру огня обронил он в студеные струи.
Жар растворился волне: кто войдет в нее, выйдет влюбленным.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПРЕКРАСНЫЙ ЛУГ

(Р. 272, Б. 428)

Марс, владыка войны, любезный Венере соложник,
Здесь спокойно люби. Вот место для нежных объятий:
Влага — преграда Вулкану, а тень — защита от Солнца.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ФЕЛИКС

АЛИАНСКИЕ ТЕРМЫ

1. (Р. 210, Б. 389)

Здесь, где сверкают теперь изваянья из дивных металлов,
   Чудо-творенье блестит мрамором светлым своим,
Почва иссохшая прежде скорбела под пыльной травою,
   И на прибрежной земле праздный пылился песок.
Вместо этого здесь небосводом воздвигнулся купол,
   И по уклонам его камни сбегают к стенам.
Это король Фрасамунд посвятил на общую радость,
   Чтобы надолго продлить свой процветающий век.
Вкус изменив, ароматна вода, повеленьям покорна,
   И пробивает струей сладкие там родники.
В страхе Вулкан, что нежданно подобные термы воздвиглись,
   Сам он дрожащей рукой придал им огненный жар.

(*Перевод Ю. Шульца*)

2. (Р. 211, Б. 390)

Термами Байев строенье, преславное всюду, кичится
   И изобильем ключей множит там ясные дни.
Здесь это зданье король Фрасамунд лишь за год построил,
   Славным подарком таким время свое одарив.
К старцам с одышкою здесь вновь приходят цветущие силы,
   Ванны живые собой слабые греют тела.

С родственной вместе водой здесь сливается жар равномерно,
Хладные токи воды с жаром соседним слились.
Жар здесь полезен и он не вреден для всякого тела,
Жар сей желанный еще новых желаний предмет.
Каждому хочется здесь лечиться дольше и дольше:
Смерть не берет того, кто омывается здесь.

(*Перевод Ю. Шульца*)

РЕПОСИАН

ЛЮБОВЬ МАРСА И ВЕНЕРЫ

(Р. 253, Б. 420)

Знайте, кто слышит меня: безопасной любви не бывает!
Даже Венера, чей пылок пожар, чьи воинствуют страсти,
Хоть и могли бы ее оградить Купидоновы крылья,
Хоть и царица она и в украдках любви и в уловках,
Но для себя и она не нашла сокровенных приютов.
О жестокий Амур, беспощадный и к матери милой,
Новый ты правишь триумф, ненасытный триумфами мальчик?
Мало славы тебе, что бессильны Юпитера громы, —
Для полноты похвальбы, довлеющей огненным стрелам,
Тонкие цепи, дитя, назови Венеры и Марса!
Марс — влюблен, Марс — пленник любви, под ярмом и в оковах,
Марс, ужасатель войны! Твое торжество знаменуя,
Гордую шею пригнул он под иго твоей колесницы!
Ратный Градив, царь брани и ран, теперь — новобранец
Робкий в стане твоем: всех страшащий, тебя он страшится
И направляет свой шаг, как велят влекущие узы.
Музы, явитесь, молю! Пока Марс и пока Киферея
Самым мозгом костей разымчивый чувствуют трепет,
Губы мешают с губами и сладкими вздохами дышат,
Вы мне сплетите ученую песнь про Вулкановы сети,
Сети, обвившие Марса-бойца и Венерины руки,

Нежные столь, что под тяжестью роз они томно бледнели.
Есть рассказ: богиня, отрада Вулкана и Марса,
В час недолжной любви на ложе недолжного мужа,
Солнцем уличена, в неразвязные ввергнулась путы,
Члены сковала ей жесткая цепь, железные ковы
Из-под супружеских рук. Придала ему силы обида
Иль вдохновила любовь? Зачем усердствуешь, злобный,
Ради Венеры металл в циклопическом пламени плавя?
Розы возьми, из роз сплети ей ревнивые узы!
И не накидывай сам их, а нежному вверь Купидону,
Чтобы суровым узлом не поранить лилейных ладоней.
Роща была, для Марса ее избрала Киферея
После того, как почил Адонис, и когда бы не Солнце,
Были бы скрыты они. Здесь все достойно Киприды,
Здесь ей молится Библ, и здесь ей Грации служат.
Здесь над сочной землей не встают повсеместные травы:
Пурпуром пышут цветы, белизной багряницу расшили
Светлые лилии; там — изнеженный вскинулся лотос,
Там — или лавр, или мирт. Непраздны нависшие ветви —
В них меж зеленой листвы плоды ароматные блещут.
Роза цветет, фиалки цветут, все запахи дышат,
Между фиалок видны гиацинтов веселые кудри,
Все здесь служит любви, все клонит дары перед нею.
Золото здесь не горит, не сверкают порфирные ткани:
Ложе — цветы, и цветы — в головах, и цветы — покрывало;
Это природа сама рассыпает щедроты Венере.
И не простым тростником осеняются зыбкие воды —
Тем, из которого точит Амур беспощадные стрелы!
Вот он, приют, богиней любви предназначенный негам:
Марса здесь она ждет! Где вы, Грации, где вы, Хариты,
Где ты, жестокий малыш, почему не цветы в его пальцах?
Розы на ложе рассыпь, заплети цветущие цепи,
В розовый узел завей красу головы материнской!

Пусть их алый убор небрежным перстом осыпая,
С каждым она лепестком вдыхает благоуханье,
Нежные руки тебя опояшут, богиня, цветами,
А чтобы острым шипом не поранились нежные груди,
Листьями стебли овей, на которых красуются розы:
Это — забота для вас, служительниц радостной рощи!
Мало того: чтоб любовь Кифереи была невредима,
Ветви пригните к ветвям, сплетите их бережным кровом,
Частой листвою держите лучи прозорливого бога!
Так, в дубраве своей ожидая воителя Марса,
В дальних краях огнем и мечом наводящего ужас,
Тешилась, окружена девическим Пафия сонмом.
Здесь о любовных она страстях небожителей пела,
То отвечая словам веселым движением стана,
То стопу за стопой вынося к переменчивой пляске,
То на высоких носках быстро двигая стройную голень,
То приседая легко на изогнутой крепкой лодыжке.
Здесь вплетала она цветы в амвросийные кудри
И несравненный убор венчала божественным гребнем.
В этих забавах царица любви часы коротая,
Неутоленным своим утешения ищет желаньям
И сожалеет, что к ней не спешит долгожданная радость.
Вот, однако, и Марс, еще пышущий яростным боем,
Ей предстает, победитель войны, побежденный любовью.
Не испугай, брось грозную сталь, одень себя в розы!
Ах, сколько раз, сколько раз притворным Пафия гневом
За опозданье коря, отводила от милого очи!
Сколько раз заносила она цветочные плети,
Нежным ударом грозя! Сколько раз (не к соблазну ли друга?)
Медлила губы отдать нависавшему к ним поцелую
И преграждала порыв, не давая излиться желанью!
Полно! Откинуто мощной рукой копье боевое
И, отлетев, повисает, удержано миртовой вязью.

Мальчик, меч подхвати! Вы, Грации, шлем развяжите!
Вы, Библиады, расслабьте доспех на груди необорной,
Пусть расстегнутся ремни, разомкнутся железные пряжки
Панциря, пусть остальные и щит, и оружие примут!
Где же фиалки? Ликуй, Купидон! Твоим мановеньям
Ныне покорствует бог, ужасный целому миру!
Пусть же вместо ремней оружейных цветочные цепи
Щит ему обовьют, а мечом будет алая роза!
К ложу восходит Маворс, всем весом тяжкого тела
Он пригнетает цветы, приминает красу их покрова.
Всходит Венера вослед, едва по цветущим ступая,
Чтобы случайным шипом не поранились нежные стопы.
Вот, перевив волоса, чтоб не смяли их пылкие ласки,
С тела она своего дает соскользнуть одеянью
И полускрытую страсть обнажает рукой утомленной.
А из распахнутых роз, впиваясь алчущим оком,
Марс Киприду следит и трепещет пожаром желанья.
Пафия возлегла. О шепот, о нежные речи,
О святой Купидон, владыка любовного часа!
О, как губы смешались с губами, припав в поцелуе!
Как сплелись и застыли в объятиях тело и тело!
Правую Марс оторвал ладонь от богининой груди,
Левой его руке тяжело под закинутой шеей,
И опирается он на лилеи и нежные розы.
Легких касания ног возжигают влюбленного бога
Жаром, угодным богине. Уже утомленные члены
Ярого бога объемлет покой, а в груди еще пышет
Прежняя страсть, и не гаснет пожар, и волнуется пламя.
Он и в дремоте своей выдыхает долгие вздохи,
Полные жара любви, снедающей самые недра.
С ним Венера вдвоем, томимая знойной отравой,
В жгучем пылает огне, и сон ее неспокоен.

О блаженнейший вид! Осеняет тела обнаженных
Дремы властная длань. Лежит на руке белоснежной
Светлая шея, и грудь сияет двойною звездою.
Полуоткинувши стан, изогнула упругую спину
Пафия, боком своим прижимаясь к Марсову боку,
С друга не сводит очей и смежает медлительно веки,
Но и во сне хороша. А меж тем на дубравной опушке
Марсов доспех ворошит Купидон: металл за металлом,
Панцирь, щит, клинок, шелом с устрашающим гребнем,
Все перевил он в цветы, и ворочает тяжкую пику,
И удивляется сам, как стрелы его всемогущи.
Вот уже Феб воссиял в середине небесного круга,
Пламенный, меря часы растущим пространством полета,
И огневых удержал скакунов. О неверный свидетель,
О завистливый свет! Утехи влюбленной Венеры
Выданы зорким лучам. Предстают правосудному взгляду
Марс, Венера, Амур: меж листьями веток дробятся
Пятна света, и скрыть вину уже невозможно —
Видел солнечный бог, коней с крутизны устремляя,
Как пламенел любовью Градив на ложе Киприды.
О тщета всех надежд! Неужели богам и богиням
Тоже нет бестревожных отрад? Любимый Любовью,
Кто бы себя не почел безопасным под сенью подруги?
Боги уличены — на что же надеяться смертным
В их неурочной любви? Кому и какими богами
Взмолишься, прелюбодей? О каком воззовешь ты покрове?
Нет и Венере покрова самой! Сжимая поводья,
Феб лицо обратил к дубраве, скрывавшей влюбленных,
И произносит такие слова: «Зачем расточаешь
Стрелы свои, Купидон? Не твоей ли матери рана
Мне облегченье дает? О любовь моя, будь беззаботна:
Ты не вина для суда, ты только предмет для сказаний».

Так промолвив, он горькую весть обращает к Вулкану:
«Слишком беспечный супруг, скажи, где твоя Киферея?
Ждет ли тебя в слезах? Блюдет ли любовную верность?
Если тебе от нее и впрямь незнакома обида,
Может быть, скажешь: где Марс, кому сам ты выковал копья?»
Молвил и света поток обрушил на рощу богини,
Всем сияньем своим обличая вину вероломной.
Оцепенел владыка огня пред лицом преступленья.
Сквозь онемелую скорбь с трудом прорывается ярость:
Буйно гремят слова, несутся горькие стоны,
Бьется нутро, и сквозь гнев тяжело вздымаются вздохи.
Грозный, в этнейские недра грядет; звучит повеленье —
Руки рвутся к труду, скорбь множит уменье усердных.
Как они вместе сильны — бог, искусство, супружество, пламя,
Скорбь, обида и гнев! Не успел супруг объясниться,
Как уж выходит на месть, сжимая казнящие узы.
Вот он в рощу вступил, ни Харите незрим, ни Амуру,
Негодованье свое мастерству хитроумному вверив —
И нечувствительный взмах налагает на сонные руки
Крепкую вязь, осторожно примкнув им запястье к запястью.
Марс пробуждается, с ним и богиня прекрасная рядом;
Может быть, он бы и смог разорвать оковавшие цепи —
Но удержала любовь: не поранить бы руки подруги.
Что, испугался теперь, Купидон? За щитом и под шлемом
Ищешь приюта, злодей? А Марс угрюмые взоры
Злобно кидает вокруг, уличенный на месте любовник.
Лишь Киферея одна, не смущенная тем, что раскрылось,
В помысле держит ответную месть, за коварством коварство
Перебирает умом, и любовь ей — орудие казни:
Цель близка, и уже рога изгибаются бычьи
Дочери Феба, в соблазн двуприродной манящие страстью.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПОННАН

УМИРАЮЩАЯ КЛЕОПАТРА

(Р. 274, Б. 430)

Облик нильской царицы представлен искусной рукою
На живописной доске. И кажется: змейке приятно,
К полной припавши груди, укусом вливать в нее гибель.
Словно живые они: содрогается тело от боли,
И на глазах от яда змеи умирает картина.

(*Перевод М. Гаспарова*)

АЛКИМ

О ГОМЕРЕ И ВЕРГИЛИИ

(Р. 713, 740, Б. 115, 192)

1.

«Есть ли кто равный и есть ли кто сходный певцу-меонийцу?»
Этот услышав вопрос, Феб рассмеялся и рек:
«Ежели кто-то, Гомер, проложил тебе в песнях дорогу,
Так для кого-то, Гомер, путь пролагаешь и ты».

2.

Первым в списке певцов если вычеркнуть имя Гомера,
Рядом с первым стоять все-таки будет Марон.
Если оставить Гомера, а вычеркнуть имя Марона –
Первому имени вслед явится долгий разрыв.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВАРИАЦИИ ДВЕНАДЦАТИ МУДРЕЦОВ, ОДНОСТИШНЫЕ

ОБ ИГРЕ В ЗЕРНЬ

(Р. 495—506, Б. 132)

ПАЛЛАДИЙ:
Алчность вредна: безумная жадность туманит рассудок.

АСКЛЕПИАДИЙ:
Умный бесхитростен будь, а неумный послушествуй умным.

ЕВСФЕНИЙ:
Зернь вредна кошельку, а пуще вредна разуменью.

ПОМПИЛИАН:
Кто кого победил, не гневайся над побежденным.

МАКСИМИН:
Ежели полон сундук, отчего не потешиться зернью?

ВИТАЛИС:
Кто с деньгами придет, тот выйдет отсюда без денег.

БАСИЛИЙ:
Ежели жаден игрок, конец ему будет недобрый.

АСМЕНИЙ:
Добрым людям — мир: не ропщи на других, проигравший.

ВОМАНИЙ:
Нет таких, кому всегда и всюду удача.

ЕВФОРБИЙ:
Я как Фурия стал: их трое, я буду четвертый.

ЮЛИАН:
Гордую душу смири, если хочешь играть поздорову.

ГИЛАСИЙ:
Пусть умолкнет гнев: отступитесь от буйного нрава.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВАРИАЦИИ ДВЕНАДЦАТИ МУДРЕЦОВ НА ТЕМУ

ЭПИТАФИИ ВЕРГИЛИЯ

(Р. 507—518, Б. 133)

Тема

В Мантуе был я рожден, у калабров умер, покоюсь
В Парфенопее; я пел пастбища, села, вождей.

Вариации

АСКЛЕПИАДИЙ:

Я, Марон, воспевал пастуха, посевы и брани.
В Мантуе был я рожден, в Парфенопее лежу.

ЕВСФЕНИЙ:

Здесь Вергилий лежит, который прославил стихами
Пастбища, труд на полях, мужа фригийского брань.

ПОМПИЛИАН:

Кто воспевал стада, поля и битвы героев,
Тот в калабрийской земле умер и здесь погребен.

МАКСИМИН:

Песнями славя стада, и села, и брань, и героя,
Я, Вергилий, стяжал славное имя в веках.

ВИТАЛИС:

Родина — Мантуя, имя — Вергилий, песни — дубравы,
Села и буйная брань, Парфенопея мне — гроб.

БАСИЛИЙ:

Тот, кто украсил стихом дубравы, поля и сраженья,
Здесь под плитою лежит: это писатель Марон.

АСМЕНИЙ:

Я — пастуший поэт, но пел и села и битвы;
Ныне здесь я лежу, горьким покоем объят.

ВОМАНИЙ:

Рощи покинув, к полям, поля покинув, к сраженьям
   Дивный песенный дар музу Маронову влек.

ЕВФОРБИЙ:

Песни я пел пастухам, советы давал земледельцам,
   Битвы в стихи облекал; умер, и здесь погребён.

ЮЛИАН:

Здесь обретает покой Вергилий, что сладостной песней
   Пана труд полевой пел и жестокую брань.

ГИЛАСИЙ:

Я воспевал пастухов, научил возделывать поле,
   Битвы вождей описал, ныне лежу под землей.

ПАЛЛАДИЙ:

Здесь Вергилий почил — поэт, чья сельская муза,
   Рощи забыв и поля, пела героя и брань.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВАРИАЦИИ ДВЕНАДЦАТИ МУДРЕЦОВ НА ТЕМУ

О ЧЕТЫРЕХ ВРЕМЕНАХ ГОДА

(Р. 567—578, Б. 138)

Тема

(Овидий. «Метаморфозы», II, 27—30)

Там молодая весна в цветущем венке предстояла,
Лето нагое за ней с охапкою спелых колосьев,
Осень стояла, вся в пятнах вина от растоптанных гроздьев,
И ледяная зима, взлохматившись волосом белым.

Вариации

БАСИЛИЙ:

В вешнюю пору земля цветами пестрит свое лоно.
В жаркое лето поля приносят обильную жатву.
Осень полнит чаны вином из гроздного сока.
Мощь зимы облегает льдом бегущие воды.

АСМЕНИЙ:

Стужу прогнавши, весна ласкает светлое небо.
Лето пашет поля, палимое Фебовым зноем.
Осенью близость зимы умеряет жару холодами.
А наступивши, зима кует оковами реки.

ВОМАНИЙ:

Всходят весною цветы в лугах самоцветным убором.
Знойное лето поля одевает в Церерино злато.
Полные гроздья с лозы обирает наставшая осень.
Зимнее небо из тягостных туч осыпает морозы.

ЕВФОРБИЙ:

Рада весною цветочным венкам золотая Венера.
Рыжей Цереры удел — плодородное летнее время.
Осень сберет виноград во славу могуществу Вакха.
Зимняя стужа царит над землей в свирепости ветра.

ЮЛИАН:

Вешней порою земля цветы рассевает по травам.
Лето зноем растит в бороздах многоплодные жатвы.
Нежный лозный побег приносит осенью гроздья.
Зимний потом покрывает поля белеющий иней.

ГИЛАСИЙ:

Вешней веселой порой украшается поле цветами.
Следом колосья встают косматою летней щетиной.
Осень вином молодым орошает горячие губы.
А под холодной зимой леса листву отрясают.

ПАЛЛАДИЙ:

Нежная вяжет весна венки из цветов пестроцветных.
Жнет колосья в снопы опаленное солнцами лето.
Вакх виноградной лозой обымает осеннее время.
Снежным покровом зима печально кутает землю.

АСКЛЕПИАДИЙ:

Как драгоценные камни, весной звездятся соцветья.
Лето, пылая, родит урожай многоплодною почвой.
Всюду несется осенней порой аромат винограда.
Стынут реки зимой, и в лесах обнажаются ветви.

ЕВСФЕНИЙ:

Лучшей красою весны краснеют цветы на полянах.
Дыбится дар Цереры в полях под пламенным летом.
Вакх, твоею течет осеннее влагою время.
В снежный зимний покров облачают землю морозы.

ПОМПИЛИАН:

Пестрой весной согревается воздух дыханьем Зефира.
Пересыхают ручьи под знойным веяньем лета.
Но умягчает жару осенний струящийся нектар.
Медленный зимний дождь с небес выпадает со снегом.

МАКСИМИН:

Теплой весны краса, расцветают цветы, улыбаясь.
Волнами ходят поля под веяньем летнего ветра.
Осенью вяз лозою обвит, и снимаются гроздья.
Зимний мороз срывает красу усталого леса.

ВИТАЛИС:

Благоуханной весной цветы разноцветные всходят.
Летом богиня с серпом над долгими жатвами медлит.
Осень точит из собранных гроздьев вино молодое.
Снегом дряхлеют седым ледяные фракийские зимы.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВАРИАЦИИ ДВЕНАДЦАТИ МУДРЕЦОВ НА ПРОИЗВОЛЬНЫЕ ТЕМЫ

(Р. 627–638, Б. 143–154)

ГИЛАСИЙ

ДВЕНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ ГЕРКУЛЕСА

Был Немейский лев укрощен его подвигом первым.
Подвиг второй конец положил почкованию Гидры.
Третьей жертвою стал огромный вепрь Эриманфский.
Жребий четвертый упал на лань с золотыми рогами.
В пятый раз прогудел его лук для птиц Стимфалийских.
Был добычей шестой ему пояс от чресл Ипполиты.
Авгию стойло царю труд седьмой промывает волною.
Долгой была с быком восьмая борьба, но победной.
Царь Диомед девятым погиб со своими конями.
Стал трехтелый ему Герион одоленьем десятым.
Подвиг его предпоследний — пес Цербер под солнечным светом.
И золотые плоды он взял последней наградой.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПАЛЛАДИЙ

ОРФЕЙ

Оный фракийский певец (всем ведомо!) пел такие песни,
Что укрощались яростные звери,
Реки не смели течь, пернатые складывали крылья,
Глухие камни чувствовали трепет,
Звонкою лирной игрой чаруемы, гибкие деревья
На вещее чело склоняли сени.

Знаю: это не так, поэты рассказывают басни —
Нельзя вдохнуть в бесчувственное чувства.
Просто умел он смягчать внушеньями всех, кто дик и злобен,
И умный голос правил грубой жизнью.
Так научил он людей общению, так исправил нравы.
Так вся на свете правда — от Орфея.

(*Перевод М. Гаспарова*)

АСКЛЕПИАДИЙ

ФОРТУНА

Ты, Фортуна, сильна и переимчива,
Все покорно твоим произволениям.
Ты недобрых щадишь, добрых не милуешь
И не можешь ни в чем быть постоянною.
Ты порою до звезд высишь ничтожного,
Смертный рушишь удар на неповинного,
Справедливых томишь тяжкою бедностью,
Недостойных даришь всеми богатствами.
Отмеряет твой суд, вечно неправедный,
Юным — раннюю смерть, старым — отсталую,
Нечестивым — почет, честным — бесчестие.
Между злом и добром ты неразборчива,
Вероломна, зыбка, верткая, скользкая,
Не надолго тобой славен прославленный
И не вечно тобой мучим оставленный.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЕВСФЕНИЙ

АХИЛЛ

Я — Пелеев сын, прославленный отпрыск Фетиды,
Имя мое гремит доблестью ратных заслуг.
Много я раз во прах повергал враждебные сонмы,
Многие сотни бойцов в бегство один обращал.
Высшая слава моя — моею рукою сраженный
Гектор, грознейший враг для арголийских полков,
Он заплатил мне за смерть товарища — Менетиада,
Гибель его обрекла в жертву мечу Илион.
Даже когда я упал под коварной стрелою на вражью
Землю, слава моя встала превыше небес.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПОМПИЛИАН

ГЕКТОР

Отчей защитник земли, храбрейший из юношей, Гектор,
Самый последний оплот многострадальных троян,
Пал, сражен могучим копьем ратоборца Ахилла,
Пал и с собою унес все, чем держался Пергам.
Яростный Эакид проволок его вслед колеснице
Вкруг городской стены, долго спасаемой им.
О злополучный день, сколько мук ты доставил Приаму,
Сколько Гекубе слез и Андромахе кручин!
Скорбный, однако отец откупил сыновнее тело,
Горько оплакал и здесь, в этом кургане, сокрыл,

(*Перевод М. Гаспарова*)

МАКСИМИН

БУКВА «У»

Пифагорический знак, двурогой расшедшийся веткой,
Образ являет очам путей человеческой жизни.
Правая ветвь — это путь добродетели: с первого взгляда
Он каменист, он крут, он труден стопе восходящей,
Но на вершине его усталым покой уготован.
Левый путь поначалу удобен, и ровен, и мягок,
Но обольстившихся ждут обрыв и острые скалы.
Кто на неторном пути из любви к добродетели сможет
Все препинанья попрать, тот стяжает прекрасную славу.
Кто же, ленивой душой, погрязнув в роскошестве праздном,
Будет беспечную мысль уклонять от трудов предлежащих,
Тот провекует свой век убого, позорно и скудно.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВИТАЛИС

ЛЮБОСТРАСТИЕ И ВИНО

Не поддавайся безудержной страсти к Венере и Вакху,
Ведь причиняют они нам одинаковый вред.
Силы у нас истощает Венера, а Вакха избыток
Нам расслабляет стопы, сильно мешая в ходьбе.
Многих слепая любовь понуждает к открытию тайны;
Хмель, безрассудству уча, также о тайном кричит.
Пагубной часто войны Купидон бывает причиной;
Так же нередко и Вакх руки к оружью стремит.
В страшной войне погубила Венера бесстыдная Трою,
По и лапифов, Вакх, в битве не ты ль погубил?
Оба они, наконец, приводят в неистовство разум,
И забывают тогда люди и совесть и стыд.

Путами спутай Венеру, надень на Лиэя оковы,
Чтоб не вредили тебе милости этих богов!
Жажду лишь пусть утоляет вино, а благая Венера
Служит рожденью, и нам вредно за грань перейти.

(*Перевод Ю. Шульца*)

БАСИЛИЙ

ДВЕНАДЦАТЬ КНИГ «ЭНЕИДЫ»

В первой книге Эней приплывает к ливийскому граду.
Как Илион повергся под меч — повествует вторая.
Третья поет морские пути троянцев от Трои.
В книге четвертой — рассказ о двух ранах несчастной Элиссы.
В пятой славится честь, что Анхисовой воздана тени.
Память хранится в шестой о схожденье Энеевом в Тартар.
Книга седьмая взметает враждой италийцев на тевкров.
Помощь Энею восьмая дает и оружие в руки.
Давнов сын в девятой бушует пред новою Троей.
Битвы на тускских брегах воспеваются в книге десятой.
Смертью Камиллы грозит предпоследняя книга латинам.
Гибель Турна конец полагает войне и поэме.

(*Перевод М. Гаспарова*)

АСМЕНИЙ

ПОХВАЛА САДУ

Явитесь, Музы, дочери Юпитера,
Воспеть хвалу в честь сада плодоносного.
Целебное питанье телу он дает,
И часто земледельцу он дарит плоды,
И овощи, и много всевозможных трав,
И лозы в ярких гроздьях, и плоды дерев.

Красою величайшей этот полон сад:
Очарованье с пользой сочеталось в нем.
Воды кристальной влагой этот сад омыт,
Ручей поит посевы, бороздой струясь.
Кругом цветы пестреют на стеблях своих,
Подобно самоцветам крася все вокруг.
Чуть слышится жужжанье благодатных пчел:
Они росу сбирают и пыльцу цветов.
Лозою плодоносной вяз-супруг обвит,
И листья, тень даруя, вьются вкруг опор.
Деревьев сень сомкнулась в теневой навес:
Ветвей сплетенье солнца не пускает зной.
Щебечут звонко птицы—говорливый хор,
Их песнопенье нежит непрерывно слух.
Сад — сладость, он забвенье, утоленье — власть,
Он избавляет душу от теснин тоски,
Дарует крепость телу, взор к себе влечет.
Он полнотою счастья награждает труд
И садоводу умножает радости.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ВОМАНИЙ

БОЛЕЗНЬ

Ливор — страшный недуг — ведет к сухотке,
А достигнув костей, мозг костный губит
И вбирает в себя всю кровь суставов.
В исступленье больной такую участь
Справедливо клянет, себе противен.
Стон больного — жестоких болей признак;
Слышен скрежет зубов, и крик, и вздохи;
Хладен пот; он клянет недуг знакомый,
Черный яд с языка его стекает,

Бледность мертвенным цветом красит щеки,
Худоба обнажает кости тела.
И не милы ему ни свет, ни пища,
Нет отрады в питье, Лиэй противен,
Даже если б Юпитер сам бокалы
Предложил, а дала б их выпить Геба,
Или сам Катамит подал бы нектар.
Нет покоя ему, и сон неведом;
А палач изнутри терзает тело.
Возбуждает внутри он тайно ярость,
Простирает к лицу Эринний факел.
Словно Тития коршун, он несется,
Непрестанно терзая, гложет разум;
И живет под больною грудью рана:
Не излечит ее рука Хирона.
Феб бессилен пред ней и дети Феба.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЕВФОРБИЙ

СИРЕНЫ

Девы Сирены отца Ахелоя из уст неустанных
Пестрые песни вели, дивный сплетая напев.
Их голоса, о, их голоса изволением Музы
Всеми умели звенеть звуками нежных фимел.
Было в них все: и дудки, и трубы, и гнутые роги,
Все, чем из тысячи горл тонкая флейта звучит,
Лира, кифара, свирельный тростник, соловьиные трели
И лебединая песнь в час, когда близится смерть.
Их голосов перелив, завлекая пловцов обольщенных,
Хищно пленных топил средь ионических волн.
Только приспевший Улисс, потомок Сизифовой крови
Тех, с которыми плыл, свычною хитростью спас.

Воском залил он слух товарищей, гребших у весел,
В узы он заключил ловкие руки свои.
Так миновали его корабли неприветливый берег,
Сестры же смолкли навек, ринувшись с кручи в поток.
Так одолел он соблазн прекрасных, но гибельных песен,
Так он на смертный конец певчих чудовищ обрек.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЮЛИАН

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АСМЕНИЯ

Ясный брызжет Титан сияньем безоблачным в небо;
День, отрадный для всех, встает в чистейшем эфире;
Вы же, юноши, вы, благосклонствуя сердцем и словом,
Справьте сей праздничный срок, и да сбудутся наши моленья,
Чтобы в годичном кругу вновь и вновь наставал он блаженно,
И приносили певцу дары сыновья-Асмениды...
. . . .

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВЕСПА

ПРЕНИЕ ПЕКАРЯ С ПОВАРОМ

(Р. 199, Б. 379)

Трижды три сестры, наставницы всякого знанья,
С гор Пиерийских сойдите и правьте моею рукою!
Тот я, Веспа, молюсь, которому милостью вашей
Многих народ городов дарил вниманье и славу.
Больший замыслил я труд, слагаю сладчайшую песню,
Будет не только в ней мед, но и нечто от мудрости права.
Подал в суд хлебопек, соперником выступил повар,
Им судья — Вулкан, которому ведомы оба.
Первым пекарь выходит и первую речь начинает

(Вся у него голова от пыли мучной поседела):
«Мощью Цереры клянусь, клянусь Аполлоновым луком,
Дивно, воистину дивно: едва могу я поверить,
Как это кухарь посмел держать ответ предо мною?
С мужем, чьи руки творят хлеба для всех на потребу,
Как он дерзнул тягаться о том, кто полезнее людям?
Право мое подтвердят календы нового года,
С ними же все, кто меня испытали в дни сатурналий,
В дни, когда для пиров я готовлю отменные яства.
Вспомни, вспомни, Сатурн, твоих участника празднеств
И за усердье мое укрепи мне манием душу!
Ты нам открыл муку, и с нею — века золотые:
Если бы ты не послал Церере священного дара,
Грыз бы и до сих пор под дубом желуди повар!
Каждому надобен хлеб, никто его не отвергнет:
Чем бы стали без хлеба пышнейшие пиршества наши?
Хлеб нам силы дает, хлеб в первую голову нужен;
Сеет его земледел, лелеет эфир высочайший;
Хлеб родитель Эней к нам вез от берега Трои;
И без него — ничто поварские твои притязанья!
Ты ль, новобранец, посмел сражаться со мной, ветераном,
С тем, кого научил искусству выделывать хлебы
Сам Цереал из Песта, наставник всякого знанья?
Или не ведаешь ты, каковы Пифагора заветы?
Да не дерзнет никто вкушать кровавого мяса!
Если убьете овец, говорил он, кто вас оденет?
Если убьете волов — без пользы останутся плуги,
И не подарит земля плодородная щедрою жатвой.
Впрочем, тебя равняя со мной, я себя унижаю,
Ибо я властью моей самим небожителям равен!
Грозен громом Юпитер — а я грохочу жерновами.
Марс кровавым ярмом гнетет земные народы —
Я же бескровно во прах повергаю желтую жатву.

Есть у Кибелы тимпан — а я решетом потрясаю.
Тирс у Вакха в руках — а я орудую скалкой.
Вакху сопутствует Пан — и хлеб называется «панис».
Все, что я в руки беру, исполняется сладости дивной:
Мы, не жалея сил, для народа печем кулебяки,
Жарим сочни в жиру, готовим канопские сласти,
Янусу дарим печенье, супругам лепешки на сусле.
Истинно, ведома всем пирожных сладость изделий,
Так же, как ведома всем поварских жестокость деяний:
Ты пировать во мраке заставил беднягу Фиеста,
Ты, нечестивец, Терею зарезал Тереева сына,
Из-за тебя соловей тоскует в вечерней дубраве,
И под застрехой касатка лепечет о страшном убийстве.
Нет, ничего не свершил, ничего не внушил я такого:
Первое место — мое, и мне причитается пальма».
Кончил речь хлебопек, и повар, ответствуя, начал
(Весь от усердья в золе, а лицо измазано сажей):
«Если права поваров посмел оспаривать пекарь,
Сам торгующий дымом и сам сознающийся в этом,
Веры ему не давай, потому он на выдумки мастер,
И оттого, как Сизиф, всегда ворочает камень
Он, который сумел из муки, орехов и меда
Столько повыдумать блюд. Таково ли мое достоянье?
Лес дает нам зверей, рыб — море, небо — пернатых;
Бромий дарует вино, Паллада приносит оливу,
Шлет кабанов Калидона, чьих ланей солю я и перчу,
Я потрошу куропаток, и часто Юнонина птица
Блещущий перьями хвост предо мной расстилает покорно.
Хлеб, которым ты чванишься, хлеб, который ты славишь,
Сам этот хлеб, поверь, без всего, что при нем подается,
Будь он медовым насквозь, никому не придется по вкусу.
Кто не восхвалит меня, возлагателя рыбы на блюдо,

Видя, как ромб, едва из воды, блестит на подносе!
Мало того: докажу, что с богами я более сходен!
Вакх Пенфея сразил — мне бык заменит Пенфея.
В пламени умер Алкид — и пламя меня опаляет.
Словно Нептун, заставляю кипеть я воду в кастрюле.
Феб-Аполлон касается струн искусной рукою—
Тех же бычьих кишок мои касаются пальцы.
Я холощу петухов, как галлов Великая Матерь!
Всяк у меня на пиру получит желанную долю:
Ноги — страдалец Эдип, Прометей истерзанный — печень,
Голову — юный Пенфей, а Титий — опять же печенку;
Тантал, от голода сух, наделить его просит желудком;
Дам Актеону оленины, дам Мелеагру свинины,
Пелию — мясо баранье, Аянту — мясо говяжье;
Я предложу Орфею кишки, а мышцу — Леандру;
Матка — Ниобы удел, языком Филомелу утешу;
Перья отдам Филоктету, а крылья, по чести, Икару;
Бычий окорок дам Европе, другой — Пасифае;
Рыбку дам золотую Данае, и лебедя — Леде;
Но приговор судьи да положит конец словопренью!»
Молвив, повар умолк. И Мульцибер так заявляет:
«Повар, ты нравишься мне, но и ты мне по вкусу, пирожник.
Равными вас признаю: мне, богу, вы ведомы оба.
Пагубен добрым раздор, да будет меж вами отныне
Мир, а не то погашу я огонь в очагах у обоих!»

(*Перевод М. Гаспарова*)

ФЛОР

О ТОМ, КАКОВА ЖИЗНЬ

(Р. 247—252, Б. 414—419)

1.

Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил,
На коре пометил имя той, которую любил.
Ни конца нет, ни покоя с той поры для страстных мук:
Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв.

(*Перевод В. Брюсова*)

2.

Два есть бога-огненосца: Аполлон и Дионис.
Оба в пламени повиты, дух в обоих огневой.
Оба жар приносят людям: тот лучами, тот вином.
Этот гонит сумрак ночи, этот — сумерки души.

(*Перевод М. Гаспарова*)

3.

Злой не может уродиться злым от чрева матери.
Но становится злодеем, кто со злыми водится.

(*Перевод Ф. Петровского*)

4.

Презирай чужие нравы, много в них зазорного.
Лучший в мире образ жизни — гражданина римского.
Мне один Катон милее, чем Сократов тысяча.
Всякий это заявляет, но никто не делает.

(*Перевод М. Гаспарова*)

5.

Плохо, если ты без денег; плохо, если при деньгах.
Плохо, если ты смиренен; плохо, если ты наглец.
Плохо, если ты безмолвен; плохо, если говорлив.
Плохо, если нет подружки; плохо, если есть жена.

(*Перевод М. Гаспарова*)

6.

Каждый год приносит новых консулов, проконсулов,
Лишь цари и лишь поэты не родятся каждый год.
(*Перевод Ф. Петровского*)

ЭПИГРАММА ФЛОРА НА ИМПЕРАТОРА АДРИАНА

Цезарем быть не желаю,
По британцам всяким шляться,
(По германцам) укрываться,
От снегов страдая скифских.
(*Перевод Ф. Петровского*)

ОТВЕТ ИМПЕРАТОРА АДРИАНА ФЛОРУ

Флором быть я не желаю,
По трактирам всяким шляться,
По харчевням укрываться,
От клопов страдая круглых.
(*Перевод Ф. Петровского*)

ЛИНДИН

О ВОЗРАСТЕ

(Р. 286, Б. 217)

Если хочешь ты жизнь прожить счастливо,
И Лахеса дала б увидеть старость, —
В десять лет ты резвись и забавляйся,
В двадцать должен отдаться ты наукам,
В тридцать лет ты стремись вести процессы,
В сорок лет говори изящной речью,
В пятьдесят научись писать искусно,
В шестьдесят насладись приобретенным.
Семь десятков прошло — пора в могилу;

Если восемь прожил — страшись недугов;
В девяносто — рассудок станет шатким;
В сто — и дети с тобой болтать не станут.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ТИБЕРИАН

РУЧЕЙ

(Б. III, 264)

По долине, по поляне пробегал, звеня, ручей.
Затканный в цветы, смеялся искорками камешков.
Ветерок над ним, играя, ласково повеивал,
Темной лавра, светлой мирта шелестящий зеленью,
А кругом цвела цветами мурава зеленая,
И румянилась шафраном, и белела лилиями,
И фиалки ароматом наполняли рощицу.
А среди даров весенних, серебрящихся росой,
Всех дыханий благовонней, всех сияний царственней,
Роза, пламенник Дионы, возносила голову.
Стройно высились деревья над росистою травой,
Ручейки в траве журчали, пробиваясь там и тут,
И во мшистые пещеры, оплетенные плющом,
Просочась, точили влагу каплями хрустальными.
А по веткам пели птицы, пели звонче звонкого,
Вешнее сливая пенье с нежным воркованием.
Говор вод перекликался с шелестами зелени,
Нежным веяньем зефира сладостно колеблемой.
Зелень, свежесть, запах, пенье — рощи, струй, цветов и птиц —
Утомленного дорогой радовали путника.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПТИЦА
(Б. 111, 264)

Птица, влажной застигнутая тучей,
Замедляет полет обремененный:
Ни к чему непрестанные усилья,
Тягость перьев гнетет ее и давит —
Крылья, прежней лишившиеся мощи,
Ей несут не спасение, а гибель.
Кто, крылатый, стремился к небосводу,
Тот низвергнут и падает, разбитый.
Ах, зачем возноситься так высоко?
Самый сильный — и тот лежит во прахе!
Вы, с попутным несущиеся ветром
Гордецы, не о вас ли эта притча?

(*Перевод М. Гаспарова*)

КАЛЬБУЛ

СТИХИ О СВЯТОМ КРЕСТЕ
(Р. 379, Б. 533)

Крест своей мощью святой и небес, и созвездий достигнул:
Тело имев на себе, к звездам он Бога вознес.
Козней мирских сторонясь, воспользуйся знаменьем крестным:
С ним твоя вера тебе будет защитой от зла.
Крест Господень со мной, Крест, который я чту неизменно,
Крест мне убежище, Крест — это спасенье мое.

(*Перевод Ю. Шульца*)

СУЛЬПИЦИЙ ЛУПЕРК

О ТЛЕННОСТИ

(Р. 648, Б. 118)

Суждена всему, что творит природа,
Как его ни мним мы могучим, — гибель.
Все являет нам роковое время
Хрупким и бренным.
Новое русло пролагают реки,
Путь привычный свой на прямой меняя,
Руша пред собой неуклонным током
Берег размытый.
Роет толщу скал водопад, спадая,
Тупится сошник на полях железный,
Блещет, потускнев, украшенье пальцев —
Золото перстня...

(*Перевод В. Брюсова*)

О ЖАДНОСТИ

(Б. 119)

О неуемная жажда людская к безмерным стяжаньям!
О неистовый жар, алчущий тщетных богатств!
Злата неистовый голод и страсть, коей нет насыщенья,
Гибели чтобы ценой всякое зло продавать.
Так Эрифила раскрыла супружнюю тайну, чтоб этим
Злато добыть — эту суть всяческих грязных злодейств!
Так сквозь засовы когда-то в саму Акрисийскую деву
Златом-растлителем втек прелюбодейства разврат.
О, как обманно порой ненасытная жажда владенья
Обуревает у нас злом непотребным сердца!
Ночью без сна богатей пусть лежит на золота груде,
Страстью жестокой объят, как бы умножить добро,
Скверная бедность вовек не оставит богатого скрягу:
В алчности множа добро, всё он как нищий живет.

Страх здесь законов какой, уважение к правде какое?
Если к растущим деньгам рвенье засело сильней,
Души родных погубить, кровь брата пролить он готовый, —
Алчность несытая в нем всякого чувства сильней.
Свойство богатых — всегда домогаться сокровищ суетных,
Средь барыша о стыде и не помыслит богач,
Ради корысти такой готов и храмы разрушить,
Неба взалкать повелишь — будет он рваться туда.
Странно, что юноши римлян не учат искусств благородных,
В поте лица не сидят над красноречьем они,
Чтобы награды и славу за речи судебные после
И состоянье корням варварским всем предпочесть.
Есть и такие, кого к нарушению честных союзов
Противоправно стремит жадности бледный порок.
Римская речь позабыта, язык взбаламученный рушит
Злые шуток слова ужасом звуков своих.
К вере хотя бы пленяет надежда благая потомков?
Может быть, что-то они взяли от чести у нас?
Вид головни обожженной, изъеденной временем века,
Как он подходит к телам из стародавних могил!
Спутаны волосы, лик устрашающ, виски в утесненье,
Щеки пропали, и вот челюсти прямо торчат,
Ноздри — приплюснуты все — лежат искривленным изгибом,
Странно гола голова, губы распухли — мертвы.
В опустошенный живот, что уж груза лишен, позвоночник
Ломится, голень пуста — только колени торчат.
Жуткий в несчастиях вид, но и этого вида позорней
То, что темнеет, — бледна, — кожа от зависти вся.

(*Перевод Ю. Шульца*)

КАТОН

ДЕВЯТЬ МУЗ

(Р. 664, Б. 111, С. 243)

Клио деянья поет и былые века возвращает.
Сладкую речь в дыхание флейт влагает Эвтерпа.
Талия вольную молвь привечает комической сцены.
Скорбь Мельпомена свою изливает в трагическом клике.
Движет, множит, живит Терпсихора лирою чувства.
Пеньем, лицом и стопой правит плектр плясуньи Эрато.
Смысл речей в мановенье руки Полигимния сжала.
Зрит Урания путь светил в кругах поднебесных.
Песнь о героях ведет по книжным столбцам Каллиопа.
Движет девятерых круговая мощь Аполлона:
Он в середине сидит и все собою объемлет.

(*Перевод М. Гаспарова*)

1. ПОСВЯЩЕНИЕ ФАВСТУ

Я отважился, дорогой товарищ,
Твоему уступая пожеланью,
Славный Фавст, искушеннейший грамматик,
Нас дарящий испытанною дружбой,
Вслед за древними и свои ребячьи
Стихотворства на разные предметы,
За которые, право, я краснею,
Не считая их стоящими чтенья,
Хоть юнцам они были и по вкусу,
В этой книжке собрать в одно собранье
И послать их тебе, чтоб оживил их
Ты в приязненной памяти, а после,
Если хочешь, разметил бы заглавья
И другим бы товарищам отправил,
Потому что уж если ты решишься
Предложить их ученому вниманью,
То вина наша будет обоюдна:
Ты повинен, что счел их неплохими,
Я повинен, что зря тебе поверил
И твое пожелание исполнил.
Пусть, однако, не станут мне позором

Эти шутки в веселых эпиграммах,
Сочиненные некогда с прохладцей
Без оглядки на правила приличья.
Ну а чем они могут быть приятны,
Поясню я в другом стихотвореньe.

(*Перевод М. Гаспарова*)

2. ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Читатель добрый, у тебя немало ведь
Стихов старинных на любые вкусы есть;
Зачем же взял ты в руки эту книжечку,
Хранилище безделок легкомысленных,
Игрушку лет далеких ученичества?
Быть может, любишь ты стихи ученые
Без призвука, однако, тяжкой трудности,
Без блеска, суеты, высокоумия?
Тогда начни: нашел ты то, что надобно,
Теперь порхай по веселящим зрелищам.

(*Перевод М. Гаспарова*)

3. ОБРАЩЕНИЕ К СВОЕЙ КНИГЕ

Если, книжка, твой путь — к книгохранилищам
Тех вельмож и того пышного форума,
Где у каждого свой вкус из читателей,
Если прочь ты ушла от сочинителя,
У которого ты в пасмурной хижине
Только книжных червей тешила пищею,
Если взор на тебя бросит презрительный
Карфагенская чернь или же римская,
Ты скончайся с таким скромным двустишием:
«Лучше жизнь провождать у очагов своих,
Чем искать похвалы ложно заманчивой».

(*Перевод М. Гаспарова*)

4. ПОЧЕМУ В ЭТОЙ КНИГЕ ТОЛЬКО МАЛЕНЬКИЕ ЭПИГРАММЫ

Ежели кто упрекнет, что эта короткая книга
    Вся состоит из таких тоже коротких стихов,
Пусть он припомнит: и год из маленьких месяцев сложен,
    И ни зимой, ни весной дни не бывают длинны.
Пусть он подумает: часто от малого большая прибыль,
    Даже приятным вещам мера бывает нужна.
Если же краткость моя нимало ему не приятна,
    Тоже неплохо: зато раньше придет ей конец.
Будь моя книга из нескольких книг, да к тому же и длинных,
    Верно, была бы она хуже и много скучней.

(*Перевод М. Гаспарова*)

5. О РЫБАХ, ПРИНИМАВШИХ КОРМ ИЗ РУК

Рыба, вскормленная в доме, в водоеме царственном,
Каждый день, разинув ротик, просит пропитания
И плывет на зов, не труся ни крючка, ни невода.
Хорошо ей плавать между берегом и берегом,
Вдалеке от бурь мятежных и опасных омутов,
У нее свое здесь море и свое приволие.
Так-то, нежною головкой живо шевелящую,
Научает даже рыбу голод красноречию.

(*Перевод М. Гаспарова*)

6. О РУЧНОМ ВЕПРЕ, ВСКОРМЛЕННОМ В ТРИКЛИНИИ

Вепрь, для бога войны рожденный жить на кручах гор,
В чащах круша дерева, шумящие под бурями,
Корм принимает из рук в чертогах раззолоченных,
Буйный смиряя нрав привычкою к покорности.
Он беломраморных стен не тронет бивнем пенистым,
Комнатных пышных убранств копытом не запачкает —

Так он жмется и льнет к руке господской ласковой,
Словно в служители взят не Марсом, а Венерою.

(*Перевод М. Гаспарова*)

7. О ЕГИПЕТСКОМ ВОЗНИЦЕ, КОТОРОГО НИКТО НЕ МОГ ОБОГНАТЬ

Сын богини Зари, под Троею ратовал Мемнон
И, сокрушенный, пал от Пелеидовых рук.
Ты же, как видно, рожден не Зарею, а черною Ночью,
Твой отец — Эол, ветры же — братья твои.
Нет, не родится Ахилл, который тебя одолеет:
Ликом ты с Мемноном схож, долей, однако, не схож.

(*Перевод М. Гаспарова*)

8. О БЕШЕНОМ ГРАММАТИКЕ

Ты, знаток стихов и поэтов древних,
Что, кичась, детей обучаешь малых
И кому юнцы, замирая, внемлют,
Словно ты в речах изощрен, наставник,
Почему, ответь, устрашая гневом,
Ты на руку скор и на бич, почтенный?
Видя этот гнев, поневоле скажешь:
Не грамматик ты, недостоин быть им,
Но причислен будь ты к Орестам буйным.

(*Перевод М. Гаспарова*)

10. КАРЛИКУ, ГНЕВЛИВОМУ И КРИКЛИВОМУ

Телом и голосом ты подобен крикливым цикадам:
Те хоть зимою молчат, ты не молчишь никогда.
Только начнешь — и трудно понять, откуда твой голос:
Ищем, где же крикун, и никого не найдем.
Как уместился столь яростный гнев в столь маленьком теле?
Легок, приятель, твой вес, но тяжеленек твой нрав.

(*Перевод М. Гаспарова*)

11. РАЗВРАТНИКУ, КОТОРЫЙ ЖАЛОВАЛСЯ, ЧТО СПЬЯНУ ОН НЕ МОГ НАСЫТИТЬ ЛЮБОВЬ

Часто сытишь любовь ты, очень часто,
И не знаешь пощады; только спьяну
Ныне слезы ты льешь, что быть не в силах,
Много выпив вина, прелюбодеем.
Пусть не сытит любовь, молю, Луцина!
Иль всегда он пусть пьет и стыдно страждет,
Или пусть от любви отраву примет.

(*Перевод В. Брюсова*)

13. НИЩЕМУ КОЛДУНУ

Ты, не имея хлеба ни крошки,
Взяться решился за волхкованье
И неумело шаткой стопою
Бродишь меж прахов спящих в могилах.
Но заклинаньям нет отголоска,
Сколь ни старайся пеньем голодным
Тартар растрогать в тщетной надежде
С бога Плутона взять подаянье
На прокормленье. Право, ты мог бы
С большим успехом ждать, что получишь
Чье-нибудь в пищу мертвое тело.

(*Перевод М. Гаспарова*)

14. СОКОЛИНОМУ ОХОТНИКУ, ТОЛСТОМУ И НЕУДАЧЛИВОМУ

Ты, бессердечный Мартин, насильственным голодом мучишь
Птиц, чтобы сделать их злей. При твоей толщине необъятной,
Право, нехорошо заставлять их страдать худобою.
Лучше бы им налететь и хозяйской насытиться тушей,
Чем ни за что ни про что погибнуть голодною смертью.

(*Перевод М. Гаспарова*)

15. ЛЕКАРЮ-СВОДНИКУ

Оттого, что тебя, Марин любезный,
Столько дней мы не видели, а нынче
Видим бледного — я было подумал,
Что варил ты лекарство от горячки,
Или робких юнцов учил науке,
Или в книжных системах разбирался.
Оказалось — отнюдь! Ты был в притоне,
Посетителям девок предлагая,
Хоть и сам бы им мог служить за девку,
Подопечных своих ничуть не хуже.
Что ж, мой лекарь, такой я понимаю
К ним подход с медицинской точки зренья:
Это значит — ты вовсе не мужчина
И с тебя поглядения довольно.

(*Перевод М. Гаспарова*)

17. ДИАКОНУ, ПОСПЕШАЮЩЕМУ В ХАРЧЕВНЮ

Что так спешишь и куда, голодный священнослужитель?
Иль не псалмы, а вино сердцем владеет твоим?
Полно! Стол тебя ждет для святынь, а не пьяных напитков,
Чтобы не кружки считать, а поднебесную рать.

(*Перевод М. Гаспарова*)

19. О МОРСКИХ ПТИЦАХ, ИЗ ПОЛЕТА ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ К ХОЗЯИНУ

Какой счастливец — наш молодой Фридамал!
Какой счастливец — милостью божеских сил!
Морские птицы сами слетелись к нему:
Они забыли дальний прохладный затон,
Где плеск их крыльев медленной вторил волне.
Являя миру свежий приют твоих рощ,

Они в неволю правят покорный полет,
А их былая родина им не нужна.

(*Перевод Ю. Шульца*)

21. ПОДАГРИКУ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ОХОТУ

Поглядите, как Скрюченный гоняет
Кабанов и оленей в конной скачке!
Никого не нагонит он, не схватит,
Обессиленный мучающей болью,
Но приятно ему, что молодые:
«Удалец», — говорят о нем. Однако
Неужели милей ему кончина
На скаку, чем на выстеленном ложе?

(*Перевод М. Гаспарова*)

22. ЕМУ ЖЕ, КОТОРЫЙ ИМЕЛ МНОГО ДЕВИЦ И ДЕРЖАЛ ИХ ПОД ОХРАНОЙ

Скрюченный, ты упражняешь себя над множеством девок,
Но ни с одной не сумел нужную силу явить.
Тем не менее держишь ты их взаперти, как наложниц,
(Поберегись: меж рабов тоже Юпитеры есть!).
Ежели впрямь ты без сил, то зачем напрягаешься тщетно
И увлекаешься в блуд воображеньем одним?

(*Перевод М. Гаспарова*)

23. ЛЕКАРЮ, ЖЕНАТОМУ НА ТРИЖДЫ ОВДОВЕЛОЙ ЖЕНЩИНЕ

Насытив три гробницы,
Три погребенья справив,
Морщинистая баба,
Предав одной судьбине
Столь разных трех супругов,
Должна теперь назваться

Твоей женою, лекарь!
Но ты ведь мертв и вживе,
Затем, что лучшей частью
В мужья совсем не годен.
Но я-то понимаю,
Зачем выходит Павла
За никакого мужа:
Ей просто захотелось
Сменить свой вдовий траур
На брачную одежду.
И вот она, злодейка,
Уже в четвертом браке —
Дай бог ей быть и в пятом!

(*Перевод М. Гаспарова*)

24. КАРЛИЦЕ-ТАНЦОВЩИЦЕ, ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ МИФЫ ОБ АНДРОМАХЕ И ЕЛЕНЕ

Карлица пляшет для нас Андромаху и пляшет Елену:
Всех, кто ростом велик, любит она представлять.
А между тем ведь сама она мельче пигмейской девчонки
И Андромахе достать вряд ли смогла б до колен.
Видимо, кажется ей, что роль ее делает выше
И что трагический жест — это трагический рост.
Ах, малютка, зачем обольщаться пустою надеждой?
Лучше Ферсита сыграй — это как раз для тебя!

(*Перевод М. Гаспарова*)

25. ПЬЯНИЦЕ, КОТОРЫЙ НИЧЕГО НЕ ЕЛ, А ТОЛЬКО ПИЛ

Столько чаш осушил один ты, сколько
Остальные все — а душе неймется.
Дар Цереры, видно, тебе противен,
Нет иных забот — раздобыть вина бы.

Не могу тебя человеком, Нерфа,
Я назвать — кувшин ты с широким горлом!
(*Перевод Ю. Шульца*)

26. ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ СЛАВЫ В ЦИРКОВОЙ КОНЮШНЕ

Той же, какою тебя написал на конюшне художник,
Ты благосклонно сойди к нашей упряжке коней
И неизменно всегда приноси в состязаньях победу
Тем, над дверями кого спутницей храброй сидишь.
(*Перевод Ф. Петровского*)

27. ЕЩЕ О ТОМ ЖЕ САМОМ

С подлинным, Слава, лицом тебя живопись изобразила,
И оживляют, горя, женственный облик глаза.
Хоть и несешься везде быстролетно по кругу земному,
Очаровательней ты, сидя на этих дверях.
(*Перевод Ф. Петровского*)

28. СОСЕДУ-ЗАВИСТНИКУ

Отчего на меня злишься ты до смерти,
Отчего моему дому завидуешь?
Ведь и сам ты живешь в смежном строении,
И одной лишь стеной мы разгорожены.
Впрочем, все таковы — я и не жалуюсь,
Что себе одному ждешь ты внимания.
Будь по-твоему! Бог дай тебе пялиться
На себя одного взглядом завистливым.
(*Перевод М. Гаспарова*)

29. ГОРБУНУ, ХВАСТАЮЩЕМУСЯ МНИМОЙ ЗНАТНОСТЬЮ

Себе ты измышляешь родословную,
То возводя себя надменно к Юлиям,
То к Меммиям, то к полубогу Ромулу.
Но много ль в этом пользы для горбатого?
Ничуть хребту не легче от тщеславия.
Брось похвальбу, не беспокой покойников:
Чье ты отродье, видим мы по облику.

(*Перевод М. Гаспарова*)

30. СТИХОТВОРЦУ, КОТОРЫЙ ХВАСТАЛСЯ, ЧТО СТИХИ ЕГО ПОЮТ УЛИЧНЫЕ ПЕВЦЫ И ХВАЛЯТ МАЛЬЧИШКИ

Тешат глупых юнцов песни Зиновия,
Оглашает их звук шумные площади,
К самым злачным местам льнет неученый стих.
А Зиновий и рад: верит, наверное,
Что в потомство несет славу достойную.
Так и птица себе кажется певчею,
Испуская одни хриплые посвисты.

(*Перевод М. Гаспарова*)

31. ГЕРМАФРОДИТКЕ

Облик женского пола двоевидный!
Страсть тебя заставляет быть мужчиной,
Но само твое тело хочет мужа.
Ты, бесплодно горя желаньем ласки,
Дать не в силах любовь — чтоб дали, просишь!
То, чем женщиной ты себя считаешь,
Уступи — и всецело стань девицей!

(*Перевод В. Брюсова*)

32. ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ СПАЛ ДНЕМ И НЕ СПАЛ НОЧЬЮ

Целый день, Ликаон, храпишь ты усталою грудью —
Видимо, страшен тебе радостный солнечный свет.
Целую черную ночь, напротив, ты глаз не смыкаешь —
Видно, не хочешь ты жить так, как все люди живут.
Что ж, коль таким создала сама тебя матерь-природа,
Прочь к антиподам ступай — вот где отчизна твоя!

(*Перевод М. Гаспарова*)

33. О САРКОФАГЕ, УКРАШЕННОМ НЕПРИСТОЙНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

Бальб на гробнице своей изваянья бесстыдные сделал —
Чем он срамил небеса, тем же и Тартар срамит.
Горе! Жизни лишась, не лишился он мерзкого нрава —
Нет и в Аиде конца наглому блуду скульптур.

(*Перевод М. Гаспарова*)

36. МУЖУ, КОТОРЫЙ ОТДАВАЛ ЛЮБОВНИКАМ ЖЕНУ, ЧТОБЫ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ

Детным бездетный зваться желая,
Стал ты, любезный, милой супруге
В браке законном прелюбодеем,
Чистую выдав всем на потребу
Ради ублюдков, чьих — неизвестно.
Было бы это менее гадко,
Если, Прокопий, сын твой подросший,
Мать расспросивши, мог бы хоть вызнать,
Чьим сорняком он вырос в посеве.

(*Перевод М. Гаспарова*)

40. ХОЗЯИНУ, КОТОРЫЙ ЗВАЛ ГОСТЕЙ, ЧТОБЫ БРАТЬ С НИХ ПОДАРКИ

Рад я, Блумарит, что меня так часто
В пышное свое ты зовешь застолье,
Но за чей же счет? Я твоей оравой
Разорен вконец. Не корми же стольких,
Или же меня не зови на это,
Или же с меня не бери подарков.
Если ты иначе никак не можешь,
То и я к тебе не желаю в гости.

(*Перевод М. Гаспарова*)

42. ПОХВАЛА ВОЗНИЦЕ ПАРТИИ ЗЕЛЕНЫХ

Йектофиан, счастливый возница зеленого сонма,
Ты колесницей своей правишь, как древний герой:
Ловкой рукой устремляешь коней, куда пожелаешь,
И выгибаешь свой путь за поворотным столбом.
Меньше велик Танталид с плечом из кости слоновой:
Он лишь одну одержал, ты же — без счета побед.

(*Перевод М. Гаспарова*)

43. ЛЮБОВНИКУ БЕЗОБРАЗНЫХ ЖЕНЩИН

Любит девок Мирон, но только уродливых девок,
И убегает от тех, кто поприглядней собой.
Можно представить себе, Мирон, каковы твои вкусы,
Что негритянка тебе скифской девицы милей!
Впрочем, для нас не секрет, почему ты уродливых ищешь:
Те, что получше лицом, разве с тобою пойдут?

(*Перевод М. Гаспарова*)

44. О СОБАКАХ С ОБЕЗЬЯНАМИ НА СПИНЕ

Дивное зрелище вновь представлено тирскому люду:
   Вот обезьяны на псах, и не противятся псы!
Добрые это сулит времена счастливому царству —
   Даже и дикая тварь чувствует мир и закон.

(*Перевод М. Гаспарова*)

46. ПОХВАЛА САДУ ЕВГЕЦИЯ

Сад, где легкой стопой текут Напеи,
Где дриады шумят зеленым сонмом,
Где Диана царит средь нимф прекрасных,
Где Венера таит красы сверканье,
Где усталый Амур, колчан повесив,
Вольный, снова готов зажечь пожары,
Ацидальские где резвятся девы,—
Там зеленой красы всегда обилье,
Там весны аромат струят амомы,
Там кристальные льет источник струи
И по лону из мха, играя, мчится,
Дивно птицы поют, журчанью вторя.
Тирских всех городов любая слава,
Пред таким уголком склонись покорно!

(*Перевод Ю. Шульца*)

47. АЗАРТНОМУ ИГРОКУ, КОТОРЫЙ ДУМАЛ, БУДТО КОСТИ ЕМУ ПОСЛУШНЫ

Любит играть Ватанант, но совсем он играть не умеет:
   Все ожидает, что кость ляжет по воле его.
Ежели плохо она и не теми ложится очками,
   Сразу в неистовстве он, бледен, бушует, кричит,
Волю дает и речам и рукам, задыхается хрипло,
   Вместо веселой игры в смертный бросается бой,

Стол опрокинет, скамью, расшвыряет и доски и кости,
Пальцами деньги когтит, хищницы-гарпии злей.
Если же вдруг по воле судьбы и случайной удаче
Раз или два для него выигрыш выбросит кость,
Так и вздувается он, так и выгнется бледною шеей,
Так и бушует — сильней, чем бушевал, проиграв.
Нет, «игра мудрецов», как видно, ему не подходит,
Больше ему по душе фурий безумных игра.

(*Перевод М. Гаспарова*)

48. ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ОХОТНИКА С ГЛАЗАМИ НА ПАЛЬЦАХ РУКИ

Ежели ловкой рукой он метил в свирепых медведей,
То не знавало копье промаха, насмерть разя.
Так что глаза потому у портрета ты видишь на пальцах,
Что обладала рука зоркая зреньем очей.

(*Перевод Ф. Петровского*)

49. ЕЩЕ О ТОМ ЖЕ САМОМ

Изображение глаз на руках у охотника видно:
Зреньем искусство двойным здесь наделило его.
И, направляя копье быстролетное, тотчас охотник
Этим на верную смерть жертву свою обрекал.
Зоркость природная здесь побеждалась делом отважным,
И обладала уже собственным зреньем рука.

(*Перевод Ф. Петровского*)

52. НА СМЕРТЬ СВАРЛИВОЙ КРАСАВИЦЫ

Всем была хороша Катуция, только сварлива:
Так умела смотреть, словно Горгона сама,
Так умела кричать, что смолкал перед яростным криком,
Слова не смея сказать, глупо испуганный муж.

Как он ее ни любил, но, глядя несмеющим взглядом,
Он цепенел, словно сам в камень бывал обращен.
Ныне она умерла, отошла в преисподние сени
И с Персефоною там, верно, уже на ножах.

(*Перевод М. Гаспарова*)

53. НА СМЕРТЬ ДВУХ УЗНИКОВ, УБИВШИХ ДРУГ ДРУГА ОБЩИМИ ОКОВАМИ

Скованы цепью одной, два узника рядом сидели
По приговору суда возле тюремных дверей.
Вдруг между ними двумя возникла жестокая свара:
Голод, как тягостный хмель, им одурманил умы.
Не кулаками они разили, не били ногами,
Нет, вместо рук и ножей собственной цепью дрались.
Кто же будет теперь страшиться оков приговорных,
Если казнящая цепь может оружием стать?

(*Перевод М. Гаспарова*)

55. НА ЦАРСКОГО ЧИНОВНИКА, СИЛОЮ ОТБИРАЮЩЕГО ЧУЖОЕ ДОБРО

Ночью и днем Евтих не дает покоя оружью,
Ломится силой в дома и забирает добро.
Если же вдруг отказ и отпор от кого-нибудь встретит,
Мигом берется за меч: «Все — достоянье царя».
Что остается творить врагу, разбойнику, вору,
Если такие дела делает царский слуга?

(*Перевод М. Гаспарова*)

57. СТАРИКУ, КОТОРЫЙ, МОЛОДЯСЬ, ЗАВЕЛ НАЛОЖНИЦ

Что ты бранишься, чудак, что кудри твои поседели?
Ты ведь и вправду старей Феникса в дряхлых годах!
И почему ты решил, что скроешь глубокую старость,
Ежели платных наймешь девок тебя веселить?
Этим ты не вернешь притворную юность — напротив,
Каждая въяве поймет, как ты и тяжек, и стар.

(*Перевод М. Гаспарова*)

58. ЕМУ ЖЕ, НА ЕГО СЛОВА, БУДТО ОН НИКОГДА НЕ УМРЕТ

Сколько продлился бы век утроенный старца Приама,
Сколько ворона живет, сколько выносливый слон,
Столько ты протянул свою долгосрочную старость
И утверждаешь теперь, будто совсем не умрешь,
Будто вовеки твою не подрубит судьбу Лахесида
И бесконечною нить будет на ткацком станке.
Это не так: придет к тебе смерть, придет, хоть и поздно,
В пору, когда у тебя память совсем отшибет.
Хуже нет наказанья, чем жизнь доживать обессилев,—
Тяжко подолгу нести то, что дано не навек,

(*Перевод М. Гаспарова*)

59. ЭПИТАФИЯ ДОЧЕРИ ОАГЕЙСА, СКОНЧАВШЕЙСЯ ВО МЛАДЕНЧЕСТВЕ

Горе! О злобная смерть, великим враждебная судьбам,
Даже и нежным годам ты светишь недоброй звездою!
В этом почила гробу Дамира, царское чадо,
Жизнь оборвав на четвертом году невинного века.
О, как быстро тоска затмевает радостный светоч!
Кто бы розу сорвал, не будь эта роза прекрасна?
Эта недолгая жизнь достойна всяческой славы:

Милым лицом, говорливостью уст, стыдливостью взгляда
Опережала она свои природные годы.
Сладок был ее лепет, о чем бы она ни болтала,
Нежные губы ее изливали медвяные звуки,
Как по весне расточают напев звонкогорлые птицы.
Ныне царство небес приемлет в звездные сени
Чистую душу и там лелеет в праведных сонмах.
Только родитель ее Оагейс, ливийский защитник,
В ратных трудах услышавши весть о дочерней кончине,
Принял внезапную весть тяжелее, чем вражьи удары,
И над печалью вождя сама зарыдала Победа.

(*Перевод М. Гаспарова*)

60. ОБ АМФИТЕАТРЕ, ПОСТРОЕННОМ В ПРИМОРСКОЙ ВИЛЛЕ

Встали в сельской дали гремящие амфитеатры,
  Видят впервые леса дивных заморских зверей,
Пахарь глядит с борозды на труд, неведомый плугу,
  И мореход с корабля тешится видами игр.
Меньше не стали поля, а стали они плодородней,
  С них устремляется прочь, чуя угрозу, зверье.

(*Перевод М. Гаспарова*)

64. О ГОРЯЧИХ КОРСИКАНСКИХ ВОДАХ

Кручи в сверканье своем средь лесов, покрывающих горы,
  Пики, что ныне еще ужас внушают зверью,
Прежде забытые, лес отнимал дремучий у солнца,
  На бездорожную глушь тягостный мрак наводя.
Ныне как вас восхвалить и в песне громкой прославить?
  Ведь исцеленье само водружено среди вас.
Здесь перед самым порогом неведомый жар возникает,
  Им преисполнясь, земля теплые воды дает.
[Кто не почел бы бесплодной ее? Но весной оживает,

Пышной травою одет, выгон дымящийся там.]
Недра земли превосходно для тела рождают припарки,
Жар благотворным огнем меру природе кладет.
[Пусть, уступая огню, растекаются твердые камни —
Дерзкие травы растут средь негорящих огней.]

(*Перевод Ю. Шульца*)

69. О МЕДНОЙ ХИМЕРЕ

Эта бронзой блестящая Химера
Изрыгала губительное пламя,
Но, пройдя сквозь него, безвредна стала.

(*Перевод М. Гаспарова*)

70. О СТАТУЕ ВЕНЕРЫ, НА ГОЛОВЕ КОТОРОЙ ВЫРОСЛИ ФИАЛКИ

В неживой красоте белого мрамора
Ныне явлена жизнь плотью Киприлиной:
Жар любви разлился в каменной статуе,
И цветы расцвели на голове ее.
Если лоб осенен нежной фиалкою —
Верю: чресла взойдут алыми розами!

(*Перевод М. Гаспарова*)

71. СЛЕПЦУ, КОТОРЫЙ ОЩУПЬЮ УЗНАВАЛ КРАСИВЫХ ЖЕНЩИН

Света не видя лбом сиротливым,
Слепо блуждая, пылкий любовник
Женское тело гладит руками
И осязает нежные члены
Краше и чище белого снега.
Право же, вряд ли он пожелает
Сделаться зрячим: что ему зренье?
Похотью движим, видит он зорче.

(*Перевод М. Гаспарова*)

72. КОСМАТОМУ ФИЛОСОФУ, ПО НОЧАМ ЗАБАВЛЯЮЩЕМУСЯ С ДЕВИЦАМИ

Бородой космат, головой нестрижен,
Устрашая взгляд волосатым телом,
Ты для всех велик, как могучий стоик.
Ты среди мужчин соблюдаешь скромность
И не ищешь днем утоленья страсти,
Чтоб тебя накрыть не могли на месте.
Но когда темно, ты отводишь душу
И, трудясь вовсю, подминаешь девок.
По дневным речам ты — собрат Катону,
А в ночных делах ты — инкуб-давитель.

(*Перевод М. Гаспарова*)

73. О ЩЕНКЕ-МАЛЮТКЕ, ПОСЛУШНОМ ХОЗЯИНУ

Очень мал мой щенок, но мне оттого и милее:
Он умещается весь в ямке ладони моей.
Стоит мне слово сказать — он бежит и услужливо лает,
И, как живое дитя, хочет ко мне подскочить.
Нет в нем той красоты, за которой таится уродство:
В маленьком тельце его все — утешенье для глаз.
Мягкую пищу жует, мягко спит на уютной подстилке,
Весело ловит мышей, лихо дерется с котом.
Хрипло умеет рычать — и как только горла хватает!
А уж умей он болтать — то-то он был бы речист!

(*Перевод М. Гаспарова*)

74. О РУЧНЫХ БАРСАХ, ПОМОГАВШИХ В ОХОТЕ СОБАКАМ

В былом осталась слава бога Либера,
Индийских рысей власти подчинившего,
Который хищных впряг пред колесницею,
Хмельных и разучившихся свирепствовать.

И вел их в узах, окруженный сонмищем.
Чудесней — вам дарованное зрелище!
Мы видим: барсы, тигров устрашавшие,
Укрощены, и ныне, воздух нюхая,
Меж ловчих псов несутся за добычею
И, не сожрав, влекут ее охотнику.
О страх перед людьми, не ты ль учителем
Тому, что дикий зверь забыл о дикости
И голодает, но добра не трогает?

(*Перевод М. Гаспарова*)

76. БЕЗОБРАЗНОЙ ПЛЯСУНЬЕ, ПЛАТИВШЕЙ СВОИМ ЛЮБОВНИКАМ

Гаттула, ты за любовь предлагаешь любовникам плату?
   Прежде себе заплати, прежде себе полюбись!
Зря расточаешь дары, зря направо сулишь и налево,
   Лучше возьми у меня, только свое убери!
Нет влюбленных таких и нет таких сумасшедших,
   Чтоб не сказали, что ты худших страшилищ страшней!
Если такой и бывал, то пусть он восстанет из мертвых
   И на потеху свою примет твой дар и тебя.

(*Перевод М. Гаспарова*)

78. КРАСАВИЦЕ, ПРЕДАННОЙ ЦЕЛОМУДРИЮ

Чудо твоей красоты ослепительно и совершенно —
   Ты же всегда норовишь лишь непорочность блюсти.
Диву даешься, зачем получила ты власть над природой —
   Нравом Паллада своим, телом — Киприда сама.
Вовсе не радость тебе получить наслаждение в браке,
   Даже и видеть совсем ты не желаешь мужчин.
В сердце, однако, моем ядовито-блаженная дума:
   Право, ну как это ты можешь не женщиной быть?

(*Перевод Ю. Шульца*)

80. ПОХВАЛА РОЗЕ О СТА ЛЕПЕСТКАХ

Верю, что Солнце златое восходом окрасило розу,
Иль из лучей предпочло сотканной видеть ее,
Или, коль сто лепестков отличают розу Киприды,
Значит, Венера сама кровь излила на нее.
Роза — созвездье цветов, светоч розовых зорь над полями,
Цвет с ароматом ее стоят небесной красы.

(*Перевод Ю. Шульца*)

81. О СТАТУЕ ГЕКТОРА, ПОТЕВШЕЙ ПРИ ВИДЕ АХИЛЛА

Здесь, в Илионских стенах, из паросского сделаны камня
Гектор, фригийский герой, и напротив — Ахилл мирмидонский.
Но человеческий пот проступает на мраморном теле,
Словно страшит истукан истукана, как Гектор Ахилла.
Чудо Тартар явил небывалое нашему веку:
Верно, боги на свет извели преисподние души
Или же чары искусств одолели закон Либитины.
Если же нет, то верно одно: из паросского камня
Гектор стоит и страхом живым подтверждает, что умер.

(*Перевод М. Гаспарова*)

82. О ЖЕНЩИНЕ ПО ИМЕНИ МАРИНА

Некто, страстью горя, схватив нагую Марину,
В море, в соленой волне с нею сошелся, как муж.
Не порицаний — похвал достоин любовник, который
Помнит: Венера сама в море была рождена!

(*Перевод М. Гаспарова*)

83. ОБ ОАГЕЕВОМ САДЕ, ГДЕ ПОСАЖЕНЫ БЫЛИ ВСЕ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ

Средь исполинских строений, вздымающих стены высоко,
Дивный раскинулся сад — он и хозяину мил.
Здесь из различных семян растут жизненосные травы,
Свойства лечебные их нам исцеленье несут.
Все здесь наука имеет для Феба с Асклепием: явно
Здесь от недугов любых средство открыто тебе.
Я полагаю, что сад — это неба частица, где правят
Боги, ведь травам дано самую смерть победить.

(*Перевод Ю. Шульца*)

86. О ЛОТОСЕ, РАСТУЩЕМ ПОД КРЫШЕЙ

Орошавшийся нильскими струями,
Простирающий лиственные сени,
К окружающей зелени привычный,
В нашем доме разросся колокасий
И, поправши для нас свою природу,
Крепче вырос под крышей, чем на воле.

(*Перевод М. Гаспарова*)

89. О КОШКЕ, КОТОРАЯ УМЕРЛА ОТ УДАРА, ПОДАВИВШИСЬ МЫШЬЮ

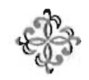
Кошка, огромную мышь пожирая несытою пастью,
В этом вкусном пиру встретила горький конец.
То, что терзала она, ей стало причиной терзанья:
Жизнь пожелав подкрепить, в рот приняла она смерть.

(*Перевод М. Гаспарова*)

90. О ЦАРСКОЙ ПРИЕМНОЙ КОМНАТЕ В АНКЛАХ

Дивной блестит красотой строенье царя Хильдерика,
Все в нем: искусство, талант, роскошь, богатство и труд.
К Солнцу шлет он лучи, не от Солнца лучи принимает:
Мрамор навстречу заре сам расцветает зарей.
Пол безоблачно бел, как будто под снежным покровом,
Кажется, сделаешь шаг—ноги провалятся в снег...
....

(*Перевод М. Гаспарова*)

IV

Загадки Симфосия

В те времена, когда в ежегодную почесть Сатурну
Долгий праздник шумел, любезный веселому люду,
После застолий, насытившись всласть и выпивши вволю,
Вслед за хмельной воркотнёю старух и трезвоном мальчишек
Все начинали болтать вперебой языком непросохшим.
Каждый был, как умел, неуклюже словоохотлив,
Каждый подолгу старался такую выдумать шутку,
Чтобы других превзойти, но чаще всего понапрасну.
Тут-то случалось порой, в замену тяжелого спора,
Тешить друг друга игрой, на разгад предлагая загадки.
Вот и теперь, так как стыдно молчать одному средь собранья,
И ничего я не взял про запас из живых разговоров,
Эти стихи я сложил, как пришлось, не готовившись, сразу,
Ведь неразумно казаться разумным среди неразумных —
Так не сердись же, читатель, на то, что хмельна моя Муза.

1. ГРИФЕЛЬ

Гладок мой верхний конец, а нижний вовсе не гладок,
Ловкой руке то одной, то другой стороной я полезен,
То, что создаст одна моя часть, уничтожит другая.

2. ТРОСТНИК

Глубям прибрежным сосед, я дружен с любящим богом,
Сладостным Музам пою, а окрасившись черною краской,
Помощь несу языку, и персты мне опорою служат,

3. ПЕРСТЕНЬ С ПЕЧАТЬЮ

Я — нетяжелый груз на дальней конечности тела.
Так я в привычку вошел, что как будто рожден с человеком.
Лик у меня один, а лиц бывает немало.

4. КЛЮЧ

Малою силой моей я немалое делаю дело.
Замкнутый дом мне открыт, а открытый становится замкнут.
Я берегу для хозяина дом, а он меня в доме.

5. ЦЕПЬ

Вся в железе, сама я других заключаю в железо.
Скована я для того, чтобы сковывать тех, кто не скован,
Многих могу расковать, а меня лишь немногие могут.

6. ЧЕРЕПИЦА

Тело мне — ком земляной, а силы мои — от Вулкана,
Вышла я из земли, а живу под небесною высью,
Часто бываю влажна, но всегда лишь на малое время.

7. ДЫМ

Много вызвал я слез, хоть и не был причиною горя.
Путь мой к небу ведет, но тяжелый мне воздух преграда.
Тот, кто меня породил, и сам без меня не родится.

8. ТУЧА

Цветом я не черна, но обликом ночи подобна.
Я прихожу среди белого дня, и всюду темнеет.
Звезды, однако, во мне не блестят и луна не сияет.

9. ДОЖДЬ

Я — обвал с небесных высот, протяженный и долгий.
Воздух меня пропустил сквозь себя и позволил мне выпасть.
Та же заводь меня приняла, что меня испустила.

10. ЛЕД

Был я когда-то волною и вновь скоро буду волною,
Ныне сковали меня оковы сурового неба.
Я не снесу ни напора от ног, ни тепла от ладоней.

11. СНЕГ

Легкий прах водяной, я медленно падаю с неба.
В холоде сух, в тепле увлажнен, в жаре растекаюсь,
Суша покроется мной и мною наполнятся реки.

12. РЕКА И РЫБЫ

Есть на земле обитель, немолчным полная шумом.
Шумом полна обитель, но вечно молчит обитатель.
В вечном движенье обитель и в ней, но не с ней, обитатель.

13. ЛАДЬЯ

Длинная, быстрая, мчусь, порожденная пышной дубравой,
Полое тело мое наполняют несчетные толпы,
Много я знала дорог, но нигде не оставила следа.

14. ЦЫПЛЕНОК В ЯЙЦЕ

Первые дни моей жизни являют великое чудо,
Я еще не был рожден, но уже я покинул утробу,
Я уже был рожден, но никто меня в мире не видел.

15. ГАДЮКА

Я, рождаясь на свет, несу моей матери гибель.
Но как погибла она, так и я в свое время погибну.
Там же скрыт мой конец, где скрыто было начало.

16. КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Буквы кормят меня, хоть я и читать не умею.
Век прожив среди книг, не стал от того я ученей.
Всех причастился я Муз, но прибыли в этом немного.

17. ПАУК

Ткацким владеть ремеслом меня научила Паллада.
Но ни станок, ни челнок для моей не надобны ткани.
Рук у меня ни одной, но славно работают ноги.

18. УЛИТКА

Дом мой ношу на спине, привыкнувши к вечным скитаньям.
Край меняю на край, но никто мне не скажет: «изгнанник».
Небо в союзе со мной: ему я такая угодна.

19. ЛЯГУШКА

Громко мой голос звучит, отдаваясь окрестной водою.
Сам он себе похвала, но никто его больше не хвалит.
Песни пою и пою, но никто не рад моим песням.

20. ЧЕРЕПАХА

Медленным шагом иду, драгоценной красуясь спиною.
Дан великий мне дар, но жестоким условием скован:
Петь я могу, но живая молчу, а пою лишь по смерти.

21. КРОТ

Слепы мои глаза и вечным окутаны мраком.
День мой — как черная ночь, и нет мне на небе солнца.
Любо мне жить под землей: так сам никому я не виден.

22. МУРАВЕЙ

Предусмотрителен я и тяжелым трудом не гнушаюсь:
Сам нелениво ношу запасы на долгую зиму.
Каждая ноша мала, но вместе их собрано много.

23. МУХА

Да, я не знаю стыда: до стыда ли голодному брюху?
Я исчезаю в мороз, а летом опять возвращаюсь.
Но чтоб меня отогнать, довольно и мнимого ветра.

24. ХЛЕБНЫЙ ЧЕРВЬ

Пагубный житель в зерне, досадный гость селянину,
Ростом я не велик, а имя мое многосложно.
Знаю, Церера мне враг, но кормит она меня сытно.

25. МЫШЬ

В маленьком доме живу, где дверь постоянно открыта.
Малою пищей кормлюсь, однако же краденой пищей.
Имя такое ношу, как римский некогда консул.

26. ЖУРАВЛЬ

Буква в свитке небес, пера летучего росчерк,
Мчусь я к кровавой войне, где крылья — пособники Марсу,
И не пугаюсь врага, если враг — тоже птичьего роста.

27. ВОРОНА

Девять жизней живу, если правду молвили греки.
В черный одета я цвет, хоть горе тому не причина.
Ни на кого не сержусь, но на каждого каркаю мрачно.

28. ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Имя дал мне зверек, ничуть на меня не похожий.
Крылья мои широки, но в перья они не одеты.
Сумрак — время мое, и дневному я свету не верю.

29. ЕЖ

Тыном щетинится дом, но маленький в доме хозяин.
Выставив спину свою, всю в остро отточенных копьях,
Вооруженным жилье свое сделал жилец безоружный.

30. ВШИ

Есть обычные звери и есть необычная ловля:
Если поймаешь его, то отбросишь такую добычу,
Если не сможешь поймать, то возьмешь и хранить ее будешь .

31. ФЕНИКС

Жизнь приносит мне смерть, а смерть приносит рожденье.
Должен я умереть, еще не увидевши света.
Манов, подземных богов, зову я своими отцами.

32. БЫК

Царский прелюбодей, деревянной любовник подруги,
Я с Киликийской горой ношу одинакое имя
И хоть брожу по земле, но знакомы мне тропы и в небе.

33. ВОЛК

Зубы свирепы мои, копытным ужасные тварям,
Ими терзаю я плоть, до кровавой дорвавшись добычи,
И высоко возношу к небесам мой яростный голос.

34. ЛИСА

Телом невелика я, но дух мой приметнее тела.
Хитрая тонким чутьем, я на много способна уловок,
Даже умна, если можно назвать животное умным.

35. КОЗА

Хоть и длинна моя шерсть, я — кормилица высшего бога.
Легким я шагом брожу по кручам вершин неприступных,
И на призыв пастуха мой дрожащий ответствует голос.

36. СВИНЬЯ

Я — немалый приплод, взращенный в щетинистом чреве.
Шею пригнувши к земле, грызу я опавшую пищу.
Имя же схоже мое с подземным божественным Орком.

37. МУЛ

Ни на отца, ни на мать не похож я сыновним обличьем.
Смешанной кровью живу, двух родов недостойный потомок.
Сам я рожден, как и все, от меня же никто не родится.

38. ТИГР

Имя реки я ношу, а быть может, она мое носит.
С ветром в браке живу, сама быстрее, чем ветер.
Он моим детям отец и другого не надо мне мужа.

39. КЕНТАВР

Две руки и четыре ноги в моем обладанье.
Я — един, и я — не един, на себя не похожий,
Сам я иду и себя я везу: тело телу опора.

40. МАК

Большеголовый стою, но скрываю мельчайшие члены.
Только одна подо мною нога, но длинна непомерно.
Сон — мой любящий друг, но сам я спать не умею.

41. МАЛЬВА

Лапы мои ни дать ни взять как гусиные лапки.
Только у гуся их две, у меня же гораздо их больше.
Гусь на своих стоит, а я свои вверх поднимаю.

42. СВЁКЛА

Греческим словом зовет меня Рим, но грек — не латинским.
Я на столах бедняков бытую в убогих харчевнях.
Мать мне — земля, омовенье — вода, умащенье — олива.

43. ТЫКВА

Я на весу рождена, на весу вырастаю и крепну.
Влага меня на весу питает и ветер качает.
Если не в воздухе я, то не быть мне большой и удачной.

44. ЛУК

Я не кусаюсь ничуть, но всех укушу, кто укусит.
Тем не менее все кусать кусачего рады.
Нет у меня зубов, и укусы мои не опасны.

45. РОЗА

Красным цветом меня, рождая, земля напитала,
А для защиты его даны мне острые копья.
Всем бы я хороша, но век, мне отпущенный, краток.

46. ФИАЛКА

Невелика я собой, но великим пользуюсь даром:
Полон и сладок мой вздох, хоть исходит из малого тела.
Нет в ростке моем пагуб, и я за вину не краснею.

47. ЛАДАН

Сладостный запах дубрав, я томлюсь от огня и от дыма.
Вышнему небу угодно ввергать меня в жгучее пламя.
А между тем я не грешен ни в чем по уставу природы.

48. МИРРА

Слезы меня породили, слезам я стала заменой.
Прежде текла из очей, теперь из коры на деревьях —
Прелесть веселой листвы и образ горького горя.

49. СЛОНОВАЯ КОСТЬ

Я — исполинский зуб, известный народам Восхода.
Ныне разрублен на части, я стал из единого многим.
Прежняя сила ушла, красота неизменной осталась.

50. СЕНО

Я муравою была, зеленою порослью почвы.
Но подсекла меня острая сталь, поковка халибов.
Ныне в высокой сени от собственной тяжести сохну.

51. ЖЕРНОВА

Оба мы камни, всегда мы вдвоем, всегда мы лежачи.
Только один — ленив, а другой — беспокойно усерден.
Первый — не шевельнется, второй — не устанет вертеться.

52. МУКА

Я между двух попала камней, в порошок меня стерло.
Еле от них ускользнув, истончилась я каждой частицей.
Стала меньше стократ, но стократ многочисленней стала.

53. ЛОЗА

Брачных не ведаю уз, хоть мила мне супружняя доля.
Мужа не знает постель, без отца рождается отпрыск.
Я не хочу погребенья, но знаю, что буду зарыта.

54. КРЮЧОК

Я изгибаю кривым острием мое малое тело
И под речною волной прельщаю обманчивой снедью.
В снеди скрывается смерть, и за сладостью следует гибель.

55. ИГЛА

Я — металлический прут, но короткий, но тонкий, но легкий.
А за моею спиной мягко гнутся послушные узы,
Вид возвращая вещам, придавая бессвязности связность.

56. САПОГ

Был я когда-то велик, на огромном распластанный теле,
После, изрублен, избит, истравлен, исколот и связан,
Стал достояньем земли, хотя и не скрылся в могиле.

57. САПОЖНЫЙ ГВОЗДЬ

Ноги висят надо мной, голова моя тянется книзу,
Теменем я приникаю к земле и следы оставляю.
Эту со мною судьбу и соседи-товарищи делят.

58. ВОЛОС

Всякий срежет меня, но не всякий сумеет разрезать.
Светел бываю и темен, но стану когда-нибудь белым.
Ну а покуда не стал, не страшит меня близость кончины.

59. МЯЧ

Я волосат, но моя голова кругла и плешива.
Все мои волосы — в ней, а на ней не растет ни единый.
В воздух лечу я из рук, а из воздуха падаю в руки.

60. ПИЛА

Зубы мои без числа растут вдоль длинного бока.
В поросль древесных стеблей вгрызаюсь я острым укусом,
Но понапрасну жую: все плюю, а глотать не глотаю.

61. ЯКОРЬ

Два моих острия на одном вырастают железе.
Ветру противостою и противоборствую морю.
Виден я в глубях воды, а кусаю твердую землю.

62. МОСТ

Роща встала в воде, лес вырос в глубоком потоке.
В зыблемой влаге стоит оплот незыблемо твердый.
Вскинут, однако, он твердой землей и земле на потребу.

63. ГУБКА

Не тяжела я сама, но с грузом воды тяжелею,
Вся разбухает во мне утроба из полых ячеек,
Держится влага внутри и сама выливаться не хочет.

64. ТРЕЗУБЕЦ

Три во мне зуба растут, в едином построены строе,
Их подпирает один, далеко протянувшийся книзу.
Бог меня держит, и в ужасе ветр, и покорствует море.

65. СТРЕЛА

Перьями окрылена, окована тяжким железом,
Мчусь я по воздуху влет, рассекая движением ветер,
Пущена меткой рукой, чтоб уже не вернуться к пустившей.

66. БИЧ

Я из кожи скота и сам для скота устрашенье.
Напоминая про боль, учу я закону покорства.
Не причиню я вреда, но забыть о себе не позволю.

67. ФОНАРЬ

Полым я рогом прикрыт, прозрачным я кругом мерцаю,
Свет внутри у меня не уступит небесным светилам.
Так в ночной темноте дневное лицо сохраняю.

68. СТЕКЛО

Я прозрачно насквозь, нет во мне остановки для взгляда.
Я пропускаю сквозь плоть людские спешащие очи.
Солнце во мне блестит, и от зимней я стужи защита.

69. ЗЕРКАЛО

Нет у меня лица, но ничье лицо мне не чуждо.
Дивный блеск изнутри ответит упавшему свету,
Но ничего не покажет, пока пред собой не увидит.

70. КЛЕПСИДРА

Щедрая мера словам и строгая мера молчанью,
Алчным закон языкам, бесконечным конец словопреньям.
Влага течет, пока речи текут, в ожиданье молчанья.

71. КОЛОДЕЦ

Я — вода под землей, глубоко залегшая в почве.
Только жилу пробив, ты найдешь ко мне выгодный доступ.
Там я блещу и плещу, а твой труд меня вынесет к небу.

72. ДЕРЕВЯННЫЙ ВОДОПРОВОД

Ствол древесный ушел под землю, где прячется влага,
Стал нешироким руслом, ни в каких берегах не лежащим,
И уж не он по воде, а вода по нему поспешает.

73. МЕХ

Я испускаю дух, но от этого не умираю.
Вновь он входит в меня и вновь из меня он выходит.
То я полон и туг, то опять бездыханно бессилен.

74. КАМЕНЬ

Девкалионов я друг, из потопа вышедший целым;
Родственник черной земли, но гораздо и крепче и тверже;
Букву двумя замени — и я стану горяч и воздушен.

75. ИЗВЕСТЬ

Пытана пыткой огня, из огня невредима я вышла.
Мне враждебно лишь то, что другим приносит спасенье:
Я от воды загораюсь и в водном пылаю потоке.

76. КРЕМЕНЬ

Странная сила во мне: от огня я делаюсь мягче,
А угасая, огонь во мне оставляет частицу.
Вечно она жива, но редко является взору.

76А. О НЕМ ЖЕ

Вечный во мне огонь, но редко является взору.
Он глубоко внутри и выходит в ответ на удары,
Чтобы от хвороста жизнь получить, а от влаги кончину.

77. КОЛЕСА

Четверо мчатся сестер, похожих одна на другую,
Словно бегут вперегонки, хоть общее делают дело.
Все они рядом бегут, но друг друга никак не догонят.

78. ЛЕСТНИЦА

Я возношусь к небесам, я высокого жажду удела.
Крепко сколочена я и есть во мне твердый порядок,
Чтобы опорою быть восходящему в горние выси.

79. МЕТЛА

В рощах начало мое, крепкий пояс меня опоясал.
Движусь по ровной земле, работящими сжата руками.
Движусь, куда ведут, и сама все встречное движу.

80. КОЛОКОЛЬЧИК

Твердая медь на мне изгибается в полые круги,
А в середине дрожит и звенит язычок беспокойный.
Я в покое молчу, а в движении слышен повсюду.

81. КУВШИН

Матерь моя — земля, а отец — Прометей-огненосец.
Две у меня руки над полым вскинуты чревом.
Если же я упаду, моя мать меня делит на части.

82. ТРОЙНОЙ НАПИТОК

Был я когда-то тремя, а стал я нынче единым.
Три смешались в одно и носят общее имя.
Каждый и порознь хорош, а вместе все-таки лучше.

83. УКСУС ИЗ ВИНА

Я, ничего не прибавив к себе, ничего не убавив,
Ныне не то, чем был, а то, чем вовсе и не был:
Сколько себя ни ищу, ни в чем не остался я прежний.

84. ЯБЛОКО

Я помогаю красавцу в любви, я утеха богиням,
Из-за меня меж троих великая вспыхнула ссора,
Жаркая встала война, высокая рухнула Троя.

85. ОКОРОК

Я из копытного рода, созвучного древним Катонам.
Брат у меня лишь один, а подобных мне — много-премного.
Телом я толст, лицом закопчен, а характером солон.

86. МОЛОТ

Я силен, но не телом силен, а вовсе напротив:
Сила моя в голове, ничто для нее не преграда,
Очень она велика, и в ней-то вся моя тяжесть.

87. ПЕСТ

Все сотру в порошок — такова моя тяжкая сила.
Две у меня головы на одной посажены шее,
И ни одной ноги, потому что и тулова нету.

88. СКРЕБНИЦА

Выгнута рыжая медь, чужой увлажненная влагой,
Ложным блеском своим золотому подобясь металлу;
Много пота на мне, хоть работа мне вовсе не в тягость.

89. БАНЯ

Все строенье насквозь безвредным проникнуто жаром,
Страшный огонь в середине, но он никого не пугает.
Пышно разубран чертог, но люди в нем ходят нагие.

90. ИГРАЛЬНАЯ КОСТЬ

Я ненадежна, а все на меня возлагают надежды.
Брошена я, и верчусь, и по-разному падаю наземь.
То я горе несу, то радость причастному люду.

91. ДЕНЬГИ

Были мы прежде землей, сокрыты в подземных темнотах.
Ныне нам дал огонь другое имя и цену.
Мы уж теперь не земля, но за нас ты и землю получишь.

92. МАТЬ БЛИЗНЕЦОВ

Больше было во мне, чем бывает во мне по природе —
Три во мне было души, я вмещала их, я их питала,
А расставаясь с двумя, я и с третьей едва не рассталась.

93. ВОИН В ПОДАГРЕ

Был я когда-то боец, во многих испытанный битвах.
Шесть было ног подо мной, и никто не перечил их ходу.
Ныне их две, и обе без сил: стал богатый убогим.

94. ОДНОГЛАЗЫЙ ТОРГОВЕЦ ЛУКОМ

Дивное вижу я диво, едва глазам своим верю:
Глаз у торговца один, а голов — без числа и без счету;
Можно продать то, что есть, но как продать, чего нету?

95. КАНАТОХОДЕЦ

Между землей и сводом небес колышется воздух.
В воздухе вытоптан путь, по пути поспешает искусник.
Узкой идет он тропой, едва умещаются стопы.

96. «8—7—6»

[Ныне такое тебе покажу, чему не поверишь:
Восемь перед тобой, но, ежели я пожелаю,—
Семь уберу, а останется шесть, не больше не меньше.]

97. ТЕНЬ

Я не боюсь, что врасплох на меня нападут, притаившись:
Так меня бог сотворил, такое дал мне обличье,
Что не подвинешь меня, покуда ты сам неподвижен.

98. ЭХО

Строго блюду я девический стыд и должную скромность:
Я не болтлива ничуть, и язык у меня не разнуздан —
Не завожу я речей, а только на спрос отвечаю.

99. СОН

Я прихожу к кому захочу в различных обличьях,
Страхом томлю пустым, за которым опасности нету,
Но не увидит меня никто, коли глаз не закроет.

100. ПАМЯТНИК

Имя на мне человека, когда уже нет человека:
Имя пустое живет, а милая жизнь отлетела —
Так и в смерти самой сохраняется нечто от жизни.

(*Перевод М. Гаспарова*)

Безымянные поэты

ИЗРЕЧЕНИЯ СЕМИ МУДРЕЦОВ СЕМЬЮ СТИХОТВОРНЫМИ РАЗМЕРАМИ

(Б. 111, С. 159)

БИАНТ ПРИЕНСКИЙ

В чем величайшее благо? В уме справедливом и честном.
В чем человека погибель? Она лишь в другом человеке.
Кто обладает богатством? Довольный. Кто нищ? Ненасытный.
В чем наилучший у женщины дар? В целомудренной жизни.
Кто целомудренна? Та, пред которой молва умолкает.
Свойственно что мудрецу? Хоть и мог бы вредить, да не хочет.
Что отличает глупца? И не может вредить, но стремится.

ПИТТАК МИТИЛЕНСКИЙ

Не скажет тот, кто не познал молчания,
Коль хвалит честный — лучше, чем злодеев тьма.
К счастливцам гордым глупый полон зависти.
Смеется глупый над людским несчастием.
Законам, чтя их, должен подчиняться ты.
Когда ты счастлив, много у тебя друзей,
В несчастье из друзей с тобой немногие.

КЛЕОБУЛ ЛИНДСКИЙ

Пусть чем больше дано, меньше бы нам желать.
Разве в злобе судьбы сам виноват бедняк?
Счастье только на миг, коль преступленье в нем.
Можешь многим простить, но не прощай себе.
Всякий злого щадит, честного рад сгубить.
Не прославят теперь даже больших заслуг,
Но и за пустяки частый удел — позор.

ПЕРИАНДР КОРИНФСКИЙ

Польза вечно с пристойностью в согласье,
Беспокойный в душе и счастлив больше.
Плохо — смерти желать, бояться — хуже.
Только то исполняй, что должен сделать.
Пусть страшится других, кто страшен многим.
Если счастлив удел — к чему тревоги?
Если счастия нет — к чему старанья?

СОЛОН АФИНСКИЙ

Назову я жизнь счастливой, если ход ее свершен.
Коль ровня супруги — вместе, не ровня — так, значит, врозь.
За случайную услугу не видать тебе заслуг.
Подбирай ты друга втайне, но хвали его при всех.
Лучше, если благородным ты воспитан — не рожден.
Если жребий предначертан, избегать тогда чего?
Если все неверно в мире, то чего бояться нам?

ХИЛОН СПАРТАНСКИЙ

Пусть не внушу младшему страх и неприязни старшим.
Помня про смерть, жизнь проводи, и о здоровье помня.
Беды свои все побеждай, духом силен иль другом.
Если добро ты совершил, помнить о том не надо,
Помни всегда ты о добре, что для тебя свершили.
Нам по душе старость, коль та молодости подобна;
Молодость — та тягостна нам, если она как старость.

СКИФ АНАХАРСИС

Бойся, чтоб тайный навет вдруг не коснулся тебя.
Жизнь пронеслась, но ее слава вовек не умрет.
То, что задумал свершить, не торопись объявлять.
Если ты страхом объят — быть побежденным тебе.
Коль справедливо бранишь, враг, — ты полезен тогда;
Ложно похвалишь — тогда, будучи другом, вредишь.
Лишку ни в чем: перейти мера в чрезмерность спешит.

(*Перевод Ю. Шульца*)

БОГАТСТВО И СЧАСТЬЕ
(Р. 444, Б. 54)

Нет, несчастье одно в подобной жизни,
В той, что счастье для вас — одно несчастье! —
На руках созерцать сверканье перлов,
Или ложе украсить черепахой,
Или нежить свой бок мягчайшим пухом,
Пить из кубков златых, на алом лежа,
Царской трапезой пышно стол уставить,
Всю богатую жатву нив ливийских
Не вместить, положив в одной кладовой!

Нет, бестрепетным быть в любой невзгоде
И в фаворе пустом не быть у черни,
Не пылать, обнажив оружье яро,—
Тот, кто может таким остаться, сможет,
Гордый, даже Судьбу заставить сдаться.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЗАВИСТЬ

(Б. 26)

Всех справедливее зависть, какая завистника гложет,
И, не кончаясь, она душу терзает ему.

(*Перевод Ю. Шульца*)

БЛАЖЕНСТВО ПРОСТОТЫ

(Р. 433, Б. 43)

Мал мой честный доход и поле мое невелико,
Но доставляют они самый завидный покой.
Мир на душе у меня, не трепещет сердце от страха,
Низкая праздность меня к черным делам не толкнет.
Чужды мне и битвенный труд, и судейское кресло —
Все, чем в людях иных тешится суетный ум.
Я — частица толпы, никаким не отмечен почетом,
Так и хотел бы я жить, сам над собой господин.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ТЩЕТА ДРУЖБЫ

(Р. 408, Б. 18)

«Царской дружбы беги», — говорили мне. Я убедился
В том, что вернее сказать: всяческой дружбы беги.
Участь моя такова: большой меня друг обижает
И покидает меньшой. Бойся и тех и других!

Были друзья, но ты пошатнулся — они отшатнулись;
Кров твой еще и не пал — а уж под ним ни души.
Царской дружбы беги и не царской! Привыкни, что нужно
Жить тебе одному, как умирать — одному.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ГОРОД АФИНЫ

(Р. 411, Б. 21)

Путник, промолви, узрев кекропический город Афины,
В коем едва видны отблески славы былой, —
В этот ли некогда край нисходили вышние боги?
Здесь ли они вели споры об этой земле?
Дальше ступая, скажи над твердыней Атридов, что больше
Прах микенских руин праха троянских руин.
Вот они каковы, знаменитые древние дива!
Вместо величия дел видим величье могил.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ХРАМ ВЕНЕРЫ, РАЗРУШЕННЫЙ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ СТЕН

(Р. 100, Б. 288)

Дивный древний храм разрушен ударами лома,
И на потребу войны кровы святые идут.
Сброшены камни во прах, и влекутся тяжкие груды,
Чтобы на новых местах грозной сложиться стеной.
Марс Амура низверг и его же о помощи просит:
Ныне Венера свой храм ищет в стене городской.

(*Перевод М. Гаспарова*)

БИБЛИОТЕКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ОБЕДЕННЫЙ ЗАЛ

(Р. 126, Б. 314)

Кров сей был посвящен девяти сопутницам Феба,
Ныне владеет им Вакх и называет своим.
Там, где столько хранится трудов писателей древних,
Стала богиня любви тешиться сладким вином.
Без попеченья богов не останется эта обитель:
Был здесь хозяином Феб, стал здесь хозяином Вакх.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВАРВАРСКИЕ ПИРШЕСТВА

(Р. 285, Б. 439)

Здесь, меж готскими «eils!» и «scapia matzia ia drunkan!»
Больше не смеет никто слагать хорошие строки.
С Вакхом, пьяным насквозь, боится сойтись Каллиопа,
Чтобы не сбилась в стихе трезвая муза с ноги.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВОПРОС И ОТВЕТ

(Р. 414, Б. 24)

1.

В мраморном гробе — Лицин; Помпей — лежит в невеликом;
Вовсе без гроба — Катон. Верить ли в вышних богов?

2.

Камнем придавлен Лицин; Помпей возвысился честью;
В славе вознесся Катон. Верую в вышних богов!

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЭПИТАФИЯ ПОМПЕЯМ
(Р. 456, Б. 66)

Двое твоих сыновей в Европе и в Азии пали,
Сам ты в Ливии пал от вероломной руки.
Так разметала судьба ваши прахи по целому миру,
Чтобы у каждой земли свой был Великий Помпей.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЭПИТАФИЯ КАТОНУ
(Р. 432, Б. 42)

Ты не дивись, что убог могильный курган у Катона —
И у Юпитера гроб не по величию мал.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЭПИТАФИЯ КАТОНУ
(Р. 397, Б. 7)

Непобедимый среди побежденных! Тебя лишь, Катона,
Цезарь, всех победив, так и не смог победить.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЭПИТАФИЯ ЛУКАНУ
(Р. 668, Б. 386)

Кордуба — родина мне; Нерон — погубитель; воспел я
Войны, какие вели тесть меж собою и зять.
В песне моей никогда не змеились долгие речи,
Больше мне был по душе быстрый отрывистый слог.
Молния будь примером тому, кто ищет восторга!
Тот лишь стих хорош, что поражает, как гром.

(*Перевод М. Гаспарова*)

О ПОЭМЕ ЛУКАНА

(Р. 233, Б. 110)

Песенной славой свята, дозволь, о Мантуя, в мире
   После троянских битв слыть фессалийским боям.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЭПИТАФИЯ СЕНЕКЕ

(Р. 667, Б. V, С. 386)

Труд людской, заботы людские, заслуги, почеты,
   Прочь от меня, другим сейте волненье в душе!
Бог призывает меня из ваших объятий. Отныне
   Делу земному конец: временный дом мой, прощай!
Алчно, земля, прими это тело под праздничный камень:
   Недрам довлеет мой прах, к небу возносится дух.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЭПИТАФИЯ ТЕРЕНЦИЮ

(Р. 427, С. 734, Б. V, С. 385)

В доме высоком рожденный в далеком краю Карфагена,
   Пленник, для римских вождей стал я добычей войны.
Нравы людей описал я — и юношей нравы, и старцев,
   И рассказал, как рабы ловко проводят господ,
Что замышляет блудница и сводник коварно решает;
   Кто бы о том ни прочел — остерегаться начнет.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЭПИТАФИЯ МИМА ВИТАЛИСА, СЫНА КАТОНА

(Р. 487, В83, Б. III, С. 245)

Смерть, что мне делать с тобой? Ты щадить никого не умеешь,
   Чуждо веселье тебе, шутки тебе не милы.
Я же ими как раз стяжал всесветную славу,
   Ими я дом приобрел, ими гражданство купил.

Был я веселым всегда — в нашем мире и шатком и лживом
Много ль ты проку найдешь, если веселье отнять?
Только войду я — и разом утихнет гневная распря,
Слово скажу я — и вот скорбь рассмеялась уже,
Гложут иного заботы — при мне они жечь перестанут,
И ненадежной судьбе он не поддастся тогда.
Тот, кто со мною бывал, не страшился угрозы и кары,
Счастлив и светел ему каждый и день был и час.
Был я движеньем и словом и длинной одеждой трагеда
Каждому мил, ибо знал средства, чтоб грусть разогнать.
Как я умел передать наружность, повадки и речи!
Словно в язык мой и рот сотня вселилась людей.
Даже тому, чье обличье умел я искусно удвоить,
Мнилось, как будто в моем сам он явился лице.
Часто я женщин дразнил, подражая их женским ухваткам,—
Видят, краснеют, молчат, словно отнялся язык.
Ныне же образы всех, кто в теле моем обитали,
Сгинули вместе со мной в черный погибельный день.
Вот почему обращаюсь я к вам с печальной мольбою,
К тем, кто на камне моем эту здесь надпись прочтет:
«Был ты веселым, Виталис, — скажите, с грустью вздохнувши, —
Пусть же даруют тебе боги такую ж судьбу!»

(*Перевод М. Грабарь-Пассек*)

ЭПИТАФИЯ МАЛЬЧИКУ-ХРИСТИАНИНУ

(Р. 92, Б. 280)

Отрок, кто был благороден и чист, жестокой кончиной
Жизни лишен, и над ним горестно плакали все.
Но так как царство небес для праведных вечно открыто
И достигает небес чистая в мире душа,

То, отвергая рыданья, восхвалим кончину эфеба;
Схищен безгрешным с земли, да воспарит он к звездам.
Счастлив он смертью своей, кто, конечно, кончиною скорой,
Нет, не покинул отца, но угодил Божеству.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЭПИТАФИЯ НА ЛАТИНСКОЙ ДОРОГЕ

(Б. V, С. 50)

Кто я, откуда, как звался и кто мой отец — не скажу я:
Прах я, безмолвный навек, кости я, ныне — ничто.
Нет меня больше, не будет, и сам я — ничье порожденье.
Брось пустяками корить: будешь таким же и ты.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЭПИТАФИЯ ПОЭТА

(Р. 721, Б. III, С. 270)

Путник, слышишь ли ты, что поэт и по смерти не умер?
Вот, ты читаешь меня: речь моя — в речи твоей.

(*Перевод М. Гаспарова*)

БЕССМЕРТИЕ ПОЭЗИИ

(Р. 417, Б. 68)

Все, что бессмысленный труд на память гордому Риму
Выстроил в мраморный строй вдоль подгородных дорог,
Те пирамиды, чья высь к недальнему тянется небу
И пред которыми нет тени в полуденный час,
Тот мавзолей, утеха кончин злополучных, в который
Нильской царица земли римского мужа внесла, —
Все сокрушат и сотрут грядущие годы: чем выше
Памятник, тем страшней будет жестокий конец.
Только песни судьбе не подвластны и смерти не знают,
Только в песнях твоих вечно живешь ты, Гомер.

(*Перевод М. Гаспарова*)

О БРОНЗОВЫХ КОНЯХ

(Р. 243, Б. 186)

Чья рука оживила коней, застывших в металле,
Волю к скачке дала и к полету в просторах эфира?
Словно дышат они, в быстроту обращая дыханье;
Тяжек их вес, но искусство стремит, и покорствует бронза.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЕВРОПА

1.

(Р. 143, Б. 330)

Бычьей доверясь спине, на ней примостилась Европа,
И на Юпитера сев, бога не видит в быке.
Видимо, хитростью страсть Юпитер скрывает иль полнит,
Ибо в обличье быка бог-похититель сокрыт.

(*Перевод Ю. Шульца*)

2.

(Р. 142, Б. 331)

Облик принявши быка, похитил Европу Юпитер,
В страсти обманно стремясь девичье лоно открыть.
Строги не будем к нему, простим высочайшего бога,
Если ему, как и нам, сладость обмана мила.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ГИАЦИНТ

(Р. 168, Б. 348)

Брошен рукою в игре, диск в висок угодил, и, жестокой
Смертью мгновенно сражен, юный погиб Гиацинт.
Но величайшая дружба утешена жребием вечным:
Вечно, в цветке возродясь, Феба пылает любовь.

(*Перевод Ю. Шульца*)

НАРЦИСС

(Р. 219, Б. 397)

Сам себя полюбил Нарцисс, а поток ему — сводник.
Если бы не было вод, не зажглось тогда бы и пламя.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЯЙЦО ЛЕДЫ

(Р. 142, Б. 329)

Леда рождает яйцо. Каких еще доказательств,
Что полюбил ее бог, облик лебяжий приняв?
Трое в этом яйце, но несхожий им выпадет жребий:
Звездами двое взрастут, третья — Троянской войной.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ТЕЛЕФ

(Р. 184, Б. 364)

Телеф, блистательный сын от союза Алкида и Авги,
Из-за чужой судьбы ввергся в нежданную брань,
Ибо когда ахейская рать ополчилась на Трою,
Бросили их корабли в Телефов берег причал.
Вышедши с пришлыми в бой и сошедшись с могучим Ахиллом,
Был он скиросским копьем тягостно ранен в бедро.
Об исцеленьи своем вопросив вещуна Аполлона,
Внял он, что вражьим копьем станет он снова здоров,
И умолил, чтобы дал Пелид ему ржавчины тертой —
Раны коснулась она, и улетучилась боль.
Дивный пример переменной судьбы явил этот случай:
Что нанесло удар, тем и спасенье дано.

(*Перевод М. Гаспарова*)

МЕМНОН

(Р. 189, Б. 369)

Сын рассветной Зари, питомец всходящего Феба
Черные рати на бой вывел из дальней земли
И устремился подать вспоможенье усталым троянам,
Но в несчастливый час пал, Пелиадом сражен.
Это доселе пример, сколь грозно паденье Пергама,
Ежели принял Приам помощь из черной земли.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПОХВАЛА КСЕРКСУ

(Р. 239, Б. 52)

Ксеркс великий грядет, и не весь ли при нем ополчился
Мир? Тебе ль не принять, Греция, это ярмо?
Земли покорны царю, небеса затмеваются тучей
Дротов, и солнечный свет силой персидскою скрыт.
Горный Афон впускает суда в прорытое русло,
По Геллеспонтской волне шагом пехота прошла.
Преобразились земля, и небо, и хляби под новой
Властью державной. Вотще был под Юпитером мир!

(*Перевод М. Гаспарова*)

МУЦИЙ СЦЕВОЛА

(Р. 155, Б. 342)

Ликтора вместо царя убивающий, Муций своею
Волей на жертвенном сжег пламени руку свою.
Мужу дивится Порсенна, и, кару ему умягчая,
Он заключает союз с теми, кого победил.
Больше отчизне дает на огне, чем давала оружьем,
Сгибнув, одна лишь рука, разом кончая войну.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЛУКРЕЦИЯ

(Б. 545)

Разве не лучше могла умереть Лукреция раньше,
После насилья зачем все ж умереть предпочла?
Освободила себя от греха та рука, отомстив за бесчестье,
Да и с отчизны своей рабское снявши ярмо.
Как достойно она грудь пронзила презренным железом,
Мысля о чести своей и об отчизне равно!

(*Перевод Ю. Шульца*)

ПТИЦА ФЕНИКС

(Р. 485А (731), Б. III, С. 253)

Есть счастливейший край, он лежит далеко на Востоке,
Там, где распахнуты вширь вечного неба врата;
Он от пределов далек, где царствуют зной или стужа,
С неба весеннего там льется сверкающий день.
Там по равнине широкой открыты пути без препятствий,
Не возвышается холм и не зияет овраг,
Но над горами, чей кряж мы зовем неприступною кручей,
Ввысь на двенадцать локтей к небу тот край вознесен.
Солнца здесь роща лежит, в ней деревья сплетаются в чащу,
Лес густолистный одет в вечнозеленый наряд.
Даже когда небосвод запылал от огней Фаэтона,
Этого места ничуть ярый не тронул огонь.
В Девкалионовы дни весь мир затопили потоки,
Но над просторами вод верх одержало оно.
Бледных недугов ты там не найдешь и старости жалкой,
Смерти безжалостной нет, страха, гнетущего нас.
Страшного нет беззаконья и страсти безумной к богатству,
Гнева и ярости нет, пышущих злобой убийств.
Нет ни жестоких скорбей, ни нужды, облеченной в лохмотья,
Нет и бессонных забот, голода лютого нет.
Там не бывает ни бурь, ни свирепого грозного ветра,

Там ледяною росой землю не кроет зима.
Там не видать облаков, что клубятся, плывя над полями,
Буйные струи воды с неба не падают там.
Есть там источник один, который «живым» называют:
Тихий, прозрачный, течет, сладкой обилен водой,
Он, разливаясь лишь раз на короткое время, двенадцать
Месяцев влагой своей рощу питает всегда.
Там возрастают стволы высоких и стройных деревьев,
Нежные зреют плоды, но не спадают с ветвей.
В этих лесах, в этой роще лишь птица одна обитает —
Феникс, что смертью своей жизнь возвращает себе.
Кротко за Фебом идет эта дивная спутница бога,
Милость дарована ей эта природой самой.
Чуть начинает алеть, восходя, золотая Аврора,
Розовым светом стремясь с неба созвездья изгнать,
Феникс в священные волны двенадцать раз погружает
Тело и столько же раз пьет из струи родника.
После садится, взлетев, на вершине могучего древа,
Что, возвышаясь главой, сверху на рощу глядит.
И, повернувшись туда, где Феб возрождается снова,
Феникс в сиянье зари ждет его ярких лучей.
Только лишь Солнце раскроет ворот пылающих створы,
И, озарив небосвод, первые вспыхнут лучи,
Птица напевов святых разливать начинает созвучья,
Свет возрожденный встречать голосом дивным своим.
Ни соловьиные трели, ни музыку флейты Киррейской,
Славной напевами, ты с песней ее не сравнишь.
Лебедя песнь перед смертью — и та не сравняется с нею,
Лиры Килленской напев ей подражать не дерзнет.
После, когда устремит коней к вершине Олимпа
Феб и весь мир до краев светом своим озарит,
Птица ударами крыл троекратно приветствует Феба
И умолкает, почтив пламенный Фебов венец.

Но отмечает она часов быстротечных движенье
Звуками ночью и днем — нам их постичь не дано.
Феб, твою рощу хранит и, как жрица, трепет внушает
Птица, и только она таинства знает твои.
После того, как ее исполняется тысячелетье
И вереница годов в тягость становится ей,
Чтоб на закате своем возвратить ускользнувшие годы,
Милое ложе свое в роще бросает она
И, к возрожденью стремясь, покидает священную рощу,
В мир направляет полет, где самовластвует смерть.
В Сирию быстро свой путь устремляет дряхлая птица —
Встарь Финикией она эту страну назвала.
Над бездорожьем пустынь, над молчаньем лесов пролетает,
Там, где в ущельях крутых чащи густые видны,
Пальму она выбирает, вершиной взнесенную к небу,
«Фениксом» греки ее так же, как птицу, зовут.
Хищная птица иль червь этой пальмы коснуться не могут,
И не посмеет обвить ствол ее стройный змея.
Ветры тогда замыкает Эол в небесных чертогах,
Чтоб дуновением их пурпур не ранить небес,
Чтобы в просторах небесных от них облака не сгустились
И не закрыли лучей солнечных птице во вред.
Птица гнездо себе вьет или, может быть, строит гробницу:
Сгибнет она, чтобы жить, смертью себя возродив.
Соки и смолы в гнездо она носит, каких ассириец
Ищет усердно себе или богатый араб.
Ценит их племя пигмеев и жители Индии дальней,
Их порождает земля в тучной Сабейской стране.
Здесь киннамон и амом, разливающий запах чудесный,
Там с ароматным листом смешан душистый бальзам,
Нежной корицы цветы, благовонные ветви аканфа,
И фимиама слеза каплей густою блестит.
Птица к ним добавляет верхушки цветущего нарда,

И, Панацея, твоей мирры волшебную мощь.
После, устроив гнездо, опустив в животворное лоно
Дряхлое тело свое, ждет перемены судьбы.
В клюв свой берет благовонья и ими себя осыпает,
Словно свершает сама свой погребальный обряд.
Так, в ароматах уснув, она прощается с жизнью
И умирает — но нет страха при этом у ней.
Смерть ей рожденье несет, и тело, объятое смертью,
Жар принимает в себя и возгорается вдруг,
И, от светила небес восприяв эфирное пламя,
Феникс сгорает дотла, испепеленный в огне,
Но этот пепел от влаги как будто сбивается в сгусток
И, наподобье семян, силу скрывает в себе.
В нем, говорят, возникает сперва личинка без членов,
Видом подобна червю, цветом белей молока,
После же куколки вид принимает; на ниточке к скалам
Лепятся часто они — бабочкой станут в свой срок.
Так же сгущается пепел, потом постепенно твердеет,
Форму находит свою, схожую с круглым яйцом,
Он принимает затем очертания прежние птицы,
И, оболочку прорвав, Феникс выходит на свет.
В мире у нас не найдется для птенчика пищи привычной,
Нет никого, кто бы грел в детстве его и питал.
Нектар небесный — вот пища его и амбросии росы:
Чистые, пали они с неба, обители звезд.
Росы сбирает птенец, впивает в себя ароматы,
Птицею взрослою стать скоро приходит пора.
Только лишь юной красой она расцветать начинает,
Тотчас готова лететь, к дому родному стремясь.
Прежде, однако, всё то, что от тела ее сохранилось —
Кожа, иль пепел, иль кость,— эти останки сберет,
Мазью бальзама густой, фимиамом тягучим и миррой

Вкруг облепляет, скатав клювом священным своим.
Шар этот в лапах неся, устремляется к городу Солнца,
В храме на жертвенник там ношу слагает свою.
Вид ее — диво для глаз и внушает почтительный трепет:
Столько у птицы красы, столько величия в ней.
Цвет необычен ее: под палящим созвездием Рака
Кожицей кроет такой зерна пунийский гранат,
Цвета такого же листья у дикого мака, когда он
Новым багряным цветком свой раздвигает покров.
Цветом таким же у ней и грудь и плечи блистают,
Этим же цветом горят шея, спина, голова.
Хвост распускает она, сверкающий желтым металлом,
В пятнах пылает на нем пламенем ярким багрец.
Радужны перья на крыльях: подобным же цветом Ирида
В небе пестрит облака, их озаряя собой.
Зелень смарагда с чудесной слилась у нее белизною,
Клюв самоцветный отверст в блеске его роговом,
Скажешь, глаза у нее — это два гиацинта огромных,
И в глубине их, горя, ясное пламя дрожит.
На голове золотистой изогнут венец лучезарный,
Этим почетным венцом Феб ее сам увенчал.
Бедра в чешуйках у ней, золотым отливают металлом,
Но на когтях у нее розы прелестнейший цвет.
В облике Феникса слиты обличье павлина и образ
Птицы фасийской — такой красками пишут ее.
Величиной ни одно из животных земли аравийской
С ней не сравнится — таких нет там ни птиц, ни зверей.
Но не медлителен Феникс, как птицы с телом огромным:
Вес их гнетет, потому шаг их ленив и тяжел;
Птица же Феникс быстра и легка и по-царски прекрасна,
И пред людьми предстает, дивной блестя красотой.
Чтоб это чудо увидеть, сбегается целый Египет:
Редкую птицу толпа рукоплесканьями чтит.

В мраморе облик ее изваяют тотчас же священном
И отмечают на нем надписью памятной день.
Все поколенья пернатых слетаются к этому месту,
Хищник добычу забыл, страха не знает никто.
Хор заливается птичий — она же парит в поднебесье,
Следом за нею толпа благоговейно идет.
Но лишь достигнет в полете небесных потоков эфира,
Как исчезает из глаз, к дому родному летя.
Птица завидной судьбы и кончины счастливой, родишься
Волей божественной ты — и от себя же самой.
Самка ты, или самец, иль иное — ты счастлива, Феникс,
Счастлива: можешь не знать тяжких Венеры оков!
Смерть — наслажденье одно и единая в смерти услада.
Чтобы родиться опять, смерти ты жаждешь своей:
Чадо свое ты, и свой же отец, и свой же преемник,
Свой ты кормилец и свой вечный воспитанник ты.
Та же всегда, но не та же, такая ж и все же иная,
Благо — кончина твоя, в ней — твоя вечная жизнь.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ОТКАЗ ОТ СЕРЬЕЗНОЙ ПОЭЗИИ

(Р. 429, Б. 39)

Время пришло для любви, для ласки тайной и нежной.
Час веселья настал: строгая Муза, прощай!
Пусть же входит в стихи Аретуса с упругою грудью,
То распустив волоса, то завязав их узлом!
Пусть на пороге моем постучится условленным стуком,
Смело во мраке ночном ловкой ступая ногой.
Пусть обовьют мне шею знакомые нежные руки,
Пусть белоснежный стан гибко скользнет на постель!
Пусть на все лады подражает игривым картинам,
Пусть в объятьях моих все испытает она!
Пусть, бесстыдней меня самого, ни о чем не заботясь,

Неугомонно любя, ложе колеблет мое!
И без меня воспоют Ахилла, оплачут Приама!
Час веселья настал: строгая Муза, прощай!

(*Перевод М. Гаспарова*)

ОПРАВДАНИЕ СКРОМНЫХ СТИХОВ

(Р. 431, Б. 41)

В том ли безумье мое, что вовсе писать не хочу я
Книг, над которыми бровь хмурят седые отцы?
Что не оплаканы мной ни Пенфесилеины битвы,
Ни осужденный Аякс несправедливым судом?
Что не пишу о конях Диомеда, квадриге Пелопа
Или о том, как рожден мир из начальных стихий?
Или о том, как Гектор погиб, сраженный Ахиллом,
И за собою обрек гибели весь Илион?
Вы, распустив паруса, дерзайте в открытое море —
Я же в тихом пруду правлю свой малый челнок.

(*Перевод М. Гаспарова*)

АМУР ГОВОРИТ

(Р. 221, Б. 399)

Солнце мною горит. Нептун под водою пылает.
Прялку берет Геркулес. Вольный Либер отныне невольник.
Марс без боя в плену. И мычит предо мной Громовержец.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВЛЮБЛЕННЫЙ АМУР

(Р. 240, Б. 440)

Что за огонь меня жжет? Доселе вздыхать не умел я,
Бог ли какой нашелся сильней Амурова лука?
Иди богиня-мать, злому року покорствуя, брата
Мне родила? Или стрелы мои, разлетевшись по свету,

Ранили самое небо, и ныне мир уязвленный
Кару мне изобрел? Мои знакомы мне раны:
Это пламя — мое, и оно не знает пощады.
Жжет меня страсть и месть! Ликуй в надмирных пределах
Ты, Юпитер! Скрывайся, Нептун, в подводные глуби!
Недра казнящего Тартара пусть ограждают Плутона! —
Сброшу я тяжкий гнет: полечу по оси мирозданья
Через пространства небес, через буйный Понт, через хаос,
Скорбных обитель теней, адамантные створы разверзну,
Пусть отшатнется Беллона с ее бичом ядовитым!
Кару, мир, прими, цепеней, покорись, задыхайся!
Мстит свирепый Амур и, раненный, полон коварства!

(*Перевод М. Гаспарова*)

МОЛЧАНИЕ В ЛЮБВИ

(Р. 450, Б. 60)

Галла, ты мне велишь: «Поклянись, что не выдашь ты миру
Нашей любви». Клянусь! Но поклянись же и ты,
Что не узнает о ней никто... Ах, нет, до того ли! —
Что не узнает о ней, Галла, твой собственный муж.

(*Перевод М. Гаспарова*)

НАЧАЛО И КОНЕЦ ЛЮБВИ

(Р. 451, Б. 61)

Что-то нудит меня разорвать любовные узы.
Нет уже более сил: знаю, что это грешно,
Но надо мною стоит и жжет меня огненным жалом
То ли какой-то бог, то ли какая судьба.
Ах, причем тут боги! Сказать тебе, Делия, правду?
Что нас с тобою свело, то и разводит — любовь.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВЛЮБЛЕННЫЙ — ХУДОЖНИКУ

(P. 23, Б. 213)

Девушку с блеском таким напиши, умоляю, художник,
Как написала ее Любовь и как жар мой пылает.
Не упусти ничего: пусть шелк все собой покрывает,
Пусть облекает все тело он тонким своим покрывалом,
Движет пусть страсть и тобой, пусть краски до сердца достанут,
Выпиши бедного вздохи, коль ты настояний художник.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

(P. 157, Б. 344)

Пусть тебе радости будут, пусть будут от яства услады,
Пусть после Вакха даров будет Венера-краса;
Холод нужно глушить не одеждой из шерсти лохматой,—
Жаркий пусть сдвинет с тобой дева горячая бок.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ПИСЬМО К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

(P. 217, Б. 396)

Ясные светочи глаз разгораются звездным сияньем,
Шея краше роз и злато власам уступает,
Нежные губы себе весь багрянец пурпурный взяли,
И белоснежная грудь вздымается жизненной силой.
Очарованье богинь и краса их — в твоем услуженье,
Блеска полны, и Венеру сражаешь ты телом небесным.
Вся серебрится рука, и, тонкими пальцами шелка
Трогая ткань, ты резвишься в своей драгоценной одежде.
Ножка изящная вовсе не давит и камешков малых,
Жесткой землею поранить такую пяту — преступленье!
Если бы ты захотела по лилиям шаг свой направить,
Легкая, ни одного ты цветка не сгубила бы этим.

Ныне пусть шею свою ожерельями красят иные
Иль самоцветы крепят к голове — ты одна в состоянье
Нравиться вовсе без них. На свете нет совершенства,
Только в тебе восхитительно все: взгляни — и похвалишь.
Пенье Сирен, как и Талии песни, что сладости полны,
Я полагаю, умолкли б, твой голос услышав, которым
Милый выводишь напев и любовной стрелою в несчастных
Мечешь и ранишь, и рану не вылечить даже железом.
Весь я пылаю, слабею, я чахну, сражен, угасаю,
Страстью горю, погибаю, томлюсь, задыхаюсь, кончаюсь.
Пусть же губы твои у меня из сердца изгонят
Жгучую боль и страданье души, пусть будут лекарством,
Чтобы исчезла болезнь, чтоб жестокость ослабшие члены
Не пресекла, чтоб не умер, преступно сраженный тобою.
Ежели это не вздор, склонись же к молящему ныне,
Чтобы почти мертвеца объятием рук белоснежных
Ты удостоивши, вновь из смерти к жизни вернула.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЛЮБЯЩИЙ — ЛЮБИМОЙ

(Р. 24, Б. 214)

Молви, что делаешь ты, Венера-краса, коль не хочешь
Дать взаимности мне. Прелесть гибнет, коль молодость сгибла.
Росы сошли и увяли фиалки, и запах теряет
Роза, и вслед за весной белизна и у лилий чернеет.
Бойся примеров таких, умоляю, и к любящим вечно
Будь же взаимна: ведь любит всегда, кто любим неизменно.

(*Перевод Ю. Шульца*)

К ДУЛЬЦИИ

(Р. 381, Б. 535)

Счастливы мать и отец, тебя подарившие миру!
Счастливо солнце, что видит тебя в пути повседневном!
Счастливы камни, каких ты касаешься белой ногою!
Счастливы ткани, собой обвившие тело любимой!
Счастливо ложе, к которому Дульция всходит нагая!
Птицу ловят силком, а вепря путают сетью;
Я же навеки пленен жестокою к Дульции страстью.
Видел, коснуться не смел, снова вижу и снова не смею,
Весь горю огнем, не сгорел и гореть не устану.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЛЮБИМЫЙ МАЛЬЧИК

(Р. 430, Б. 40)

О священный мне лик, достойный Вакха и Феба!
Лик, таящий беду и для мужей и для жен!
О персты, каких ни у юноши нет, ни у девы, —
Или, быть может, они деве-богине даны?
Счастлива к белой твоей приникшая женщина шее,
Счастлива, досиня сжав губы губами твои,
Счастлива дева, которой дано припасть к тебе грудью
И поцелуем, любя, в эти уста проскользнуть.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЗВОН В УШАХ

(Р. 452, Б. 62)

Звон постылый, зачем ты ночами в ушах раздаешься
В знак, что кто-то меня припоминает — но кто?
«Кто поминает тебя, говоришь? — откликается в слухе
Звон ночной. — О тебе Делия речи ведет!»
Истинно Делия речи ведет обо мне, потому что
Нежен этот звон, словно ночной ветерок.

Делия именно так в потаенном молчании ночи
  Нежным своим голоском тихо щебечет во тьме.
Делия именно так, обняв меня нежной рукою,
  Тайные шепчет слова, к уху приблизив уста.
Да, теперь узнаю подобие голоса милой:
  В чутком слухе моем лепет его прозвенел.
Не умолкайте, молю, столь долго звучащие звуки,
  Сам я умолкнуть готов, чтоб не умолкнули вы.

(*Перевод М. Гаспарова*)

К РЕВНИВИЦЕ

(Р. 453, Б. 63)

Будь моей госпожой, Коскония, вытерплю узы,
  Если не будешь вязать ни тяжело, ни легко.
Слишком тяжелые я разорву, слишком легкие сброшу,
  Если же в самый раз — буду покорным рабом.

(*Перевод М. Гаспарова*)

О ВЫБОРЕ ЖЕНЫ

(Р. 224, Б. 400)

Всяк выбирай жену по лицу и по доброму нраву.
Если коряво лицо, то приданым его не загладишь.
Даже корыстный жених, польстясь на такую невесту,
Сам ужаснется потом: уродство смертельно для страсти.
Женщина к тем, кто горит, холодна, а к холодным — пылает.
Похоть ее такова, что ослу подставиться рада
И от срамных соитий зачать двуобразных уродов,
Коих она сама, родив, побоится коснуться.
Это урок: в девицах краса драгоценнее злата.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЛИМОННЫЙ САД
(Р. 170, Б. 349)

Блещут из-за оград плоды, приносящие счастье,
Соком налит золотым круглый тяжелый лимон.
Верю: таков был плод, принесший жену Гиппомену.
Знаю: такие росли в роще у дев Гесперид.

(*Перевод М. Гаспарова*)

РОЗЫ
(Р. 646)

Это случилось весной: холодком и колючим и нежным
День возвращенный дышал раннего утра порой.
Ветер прохладный еще, Авроры коней предваряя,
Опередить призывал зноем пылающий день.
По перекресткам дорожек бродил я в садах орошенных
И зарождавшимся днем думал ободрить себя.
Видел я льдинки росы, что на травах склоненных висели,
И на листах овощей видел я льдинки росы;
Видел — на стеблях широких играли округлые капли
И тяжелели они, влагой небесной полны.
Видел, как розы горели, взращенные Пестом, омыты
Влагой росы; и звезда нового утра взошла.
Редкие перлы блестели на инеем тронутых ветках,
С первым сиянием дня им суждено умереть.
Тут и не знаешь, берет ли румянец у розы Аврора
Или дарует его, крася румянцем цветы.
Цвет у обеих один, и роса и утро — едины,
Ведь над звездой и цветком равно Венера царит.
Может быть, общий у них аромат? Но где-то в эфире
Первый струится, сильней дышит ближайший, другой.
Общая их госпожа — у звезды и у розы — Венера
Им повелела надеть тот же пурпурный наряд.

Но приближалось мгновенье, когда у цветов, зародившись,
Почки набухшие вдруг разом открыться должны.
Вот зеленеет одна, колпачком прикрытая листьев,
Виден сквозь тоненький лист рдяный наряд у другой,
Эта высокую грань своего открывает бутона,
Освобождая от пут пурпур головки своей,
И раздвигает другая на темени складки покрова,
Людям готовясь предстать в сонме своих лепестков.
Разом являет цветок красоту смеющейся чаши,
Щедро выводит густой пурпурнолепестный строй.
Та, что недавно горела огнем лепестков ароматных,
Бледная ныне стоит, ибо опали они.
Диву даешься, как время предательски все отнимает,
Как при рожденье своем старятся розы уже.
Вот говорю я, а кудри у розы багряной опали,
Землю усеяв собой, красным покровом лежат.
Столько обличий, так много рождений и все обновленья
День лишь один нам явил, день лишь один довершил!
Все мы в печали, Природа, что прелесть у розы мгновенна:
Дашь нам взглянуть — и тотчас ты отбираешь дары.
Временем кратким единого дня век розы отмерен,
Слита с цветением роз старость, разящая их.
Ту, что Заря золотая увидела в миг зарожденья,
Вечером, вновь возвратясь, видит увядшей она.
Что ж из того, что цветку суждено так скоро погибнуть,—
Роза кончиной своей просит продлить ее жизнь.
Девушка, розы сбирай молодые, сама молодая,
Помни, что жизни твоей столь же стремителен бег.

(*Перевод Ю. Шульца*)

РОЗЫ

(Р. 87, 84, 86, Б. 275, 272, 274)

1.

Вот наконец и розы в цвету. Вдохновляясь весною,
В первый день острия лепестков прорезаются к свету,
В день второй набухает бутон и встает пирамидой,
В третий день раскрываются чашечки, а на четвертый
Кругу цветенья конец — сорви, чтоб они не погибли!

(*Перевод М. Гаспарова*)

2.

Что за розы сегодня, я видел, в саду распускались!
Только рождались они, но возрастом были не равны:
Веткой зеленой одна подымала набухшие почки,
Из-под плаща обнажала багряное темя другая,
Третья круглила свою лепестками полную чашу,
Ранняя зрелость уже приметно кралась к четвертой.
Эту, набухшую почкой, и ту, что узлы распускает,
Девичья прелесть пока под одеждой тяжелой таится,
Чтоб не осыпалась, срежь поутру: скоро старится дева.

(*Перевод Н. Зерова*)

3.

Сад возрастила Венера, кустами роз огражденный;
Был он владычице люб любовью, сражающей сердце.
Отрок сюда, заглядевшись, пришел за цветами и кудри
Думал украсить венком, но острый шип незаметно
Ранил мраморный пальчик. Как только острою болью
Руку свело и капелькой крови окрасилась кожа,
С горькою жалобой он побежал к своей матери милой:
«Что это, мать, так неласковы нынче сделались розы?
Что это скрытым оружьем язвит твой кустарник любимый?
Он враждует со мной, и вид его крови подобен».

(*Перевод Н. Зерова*)

РОСА

(Р. 241, Б. 411)

Хоть и струится роса влажной ночью со светлого неба,
Утром трава цепенеет, хрусталь на побегах сверкает,
И ветерок не колеблет тяжелые, стойкие капли.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ВРЕМЕНА ГОДА

(Р. 116, Б. 304)

Чудо-дары, пробудившись, весна обрывает у розы.
Знойное лето ликует, плодов изобилие видя.
Осени знак — голова, что увита лозой виноградной.
В холоде никнет зима, отмечая пернатыми время.

(*Перевод Ю. Шульца*)

МАТИАНСКИЕ ЯБЛОКИ

(Р. 133, Б. 321)

Девы они быстроногой сумели замедлить движенье,
  Должен фригийский судья был их Венере вручить —
Вот они, яблоки, здесь золотятся природным оттенком,
  Золотом чтобы своим самый металл превзойти.

(*Перевод Ю. Шульца*)

СМЕШАННОЕ ЖАРКОЕ

(Р. 230, Б. 406)

Окорок, заяц, Юнонин павлин, куропатка, голубка,
Белый гусь, отменный кабан и еще поросенок, —
Все, что порождено на суше, в небе и в море,
Здесь, на наших глазах, поглощает голодный желудок.

(*Перевод М. Гаспарова*)

БАНИ БЕДНЯКА

1.

(Р. 178, Б. 358)

Жизнь от богатства вдали, но прилежная, в хижине скромной,
Радость с собою неся, дар подарила двойной:
Новые бани средь поля построены ею, и рядом
Сад зеленеет, плодов сладкий струя аромат.
Что не дано от рожденья, дает прилежание бедным —
Нет у богатых того, чем обладает бедняк.

(*Перевод Ю. Шульца*)

2.

(Р. 179, Б. 359)

Малый земельный клочок он, как в Байях, украсил ключами,
Зная, как жизнь поддержать в этих местах городских.
Здесь же и яблоневый он сад заложил, что плодами
Разными щедро дарит этого сада творца.
Дар, несомненно, двойной для владельца поместьице это:
Здесь и питанье ему, здесь же и здравие с ним.

(*Перевод Ю. Шульца*)

КУПАНЬЯ В БАЙЯХ

(Р. 110, 119, 123, Б. 298, 308, 312)

1.

Здесь, где воздвиглись благие и радость дающие Байи,
Где среди скал поднялся блеска исполненный труд,
Прежде поля никаких не несли господину доходов,
И на бесплодной земле не было вовсе домов.
Ныне все это Воитель наполнил великой красою,
Своды на высях воздвиг, диво-купальни создав.
Счастлив мужа удел! Здесь природа себе изменила:
Здесь у соленой воды — воды целебные есть.
Так, по преданью, Алфей пресноводный, струясь по владеньям

Тефии, морем идя, воду свою сохранил.
Здешние воды собою являют подобное чудо:
Море в соседстве, но свой вкус сохраняет вода.

2.

Байи ты взором окинь, их дома и блестящие воды.
Живопись вместе с волной всюду прославили их,
Здесь и вершины, сверкая, в своих очертаньях прекрасны,
И, низвергаясь, текут чистой струей родники.
Тот, кто желания полон вдвойне испытать наслажденье,
Кто преходящую жизнь сделать приятной сумел,
В Байях купается пусть, отдыхая душою и телом,
Теша картинами взор, тело водой освежив.

3.

Байям нашим струит свои светочи Солнце, и светом
Комната вся залита, светочи эти храня.
Пусть же другие купальни огнем нагреваются снизу,
Эти нагреты, о Феб, жаром твоим неземным.

(*Перевод Ю. Шульца*)

БАНИ ФИЛОКАЛА

1.

(Р. 120, Б. 309)

Ныне благая Фортуна, устроив купальню владыки,
Всех утомленных зовет к ней поскорей поспешить.
В радость ему похвала за столь великое дело,
Пусть укрепляется гость сладкотекущей водой.
Скрыл основатель себя под буквами строк стихотворных:
Первая буква дает имя творца прочитать.
Пусть на морском берегу, кто хочет, купается в Кумах,
Местные радости мне много милее чужих.

(*Перевод Ю. Шульца*)

2.

(Р. 121, Б. 310)

Каждый готов посещать Куманского берега гроты,
Часто там плавает гость, в теплых купаясь водах, —
Пусть он лучше купается здесь без морских треволнений:
Бани у нас красоту Байских превысили бань.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЦИРКОВЫЕ ЗРЕЛИЩА

(Р. 197, Б. 377)

Цирк есть образ небес: недаром ученая древность
Определила ему образ и меру небес.
В нем двенадцать ходов, как те двенадцать созвездий,
В коих светила вершат свой ежемесячный бег.
Время подобно коням, четыре цвета — стихиям,
А колесничий, как Феб, правит один четверней.
Всем четверням — единый притвор обомкнувшей ограды;
Янус знак подает всем устремиться вперед.
Но, когда открывается путь для летучего бега
И по единой стезе мчатся они вперегон,
То на пути должны миновать две крайние меты —
Обозначают они наше рожденье и смерть.
Между ними Еврип пролег серединною влагой,
А посредине стоит, в небо стремясь, обелиск.
Семь кругов ведут скакунов к победительной пальме —
Столько же сфер рассекли небо на семь поясов.
Два коня — у Луны, четыре — у светлого Солнца,
По одному коню — в доле богов-Близнецов.
В лад твореньям богов устроены зрелища наши —
Людям они милей из уваженья к богам.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПАНТОМИМ

(Р. 111, Б. 299)

Мужа сильную грудь наклоняя в женском изгибе,
  Гибкий свой торс применив к нраву и жен и мужей,
Выйдя на сцену, танцовщик движеньем взывает к народу
  И обещает слова выразить ловкой рукой.
Хор разливает вокруг свои милые песни, и звукам
  Вторит певец: подает песню движеньями он.
Вьется, играет, пылает, неистов, кружится, недвижен, —
  Он поясняет слова, их наполняя красой.
Каждая жилка дар речи имеет. Сколь дивно искусство,
  Что при безмолвных устах телу велит говорить!

(*Перевод Ю. Шульца*)

КИФАРЕД

1.

(Р. 113, Б. 301)

Он начинает, касаясь струн лирных изящным ударом,
  Чтобы столь многих людей слух покоривши, привлечь.
Пеньем и лирой владея, стоит он, и руки согласны
  С речью его, и они в чувстве едином слились.
Так ведь они на весах у него в соразмерности равной,
  Слиты искусством одним, общим — слова и рука,
Чтобы и ты сомневался, двойным очарованный дивом, —
  Голос ли это поет, иль только лира звенит?

(*Перевод Ю. Шульца*)

2.

(Р. 114, Б. 302)

Ловкий выстраивать песнь, Аполлоновым плектром ударив,
  Многоголосую он лиру несет на груди.
Быстро по лире скользнут его говорящие пальцы,
  Чтобы певунья струна заговорила, как мы.

Древле кифарой воздвиг Амфион фиванские стены,
Звуками лиры веля камням стремиться к стенам;
Столь же могучий Орфей супругу из Тартара к жизни
Вызвал, и сила любви черный сломила затвор.
Скольких искусство достойно похвал, чьей священною властью
Голос и пальцы поют, разное сливши в одно!

(*Перевод Ю. Шульца*)

КАНАТОХОДЕЦ

(Р. 112, Б. 300)

Зыбкая напряжена веревка от жерди до жерди,
Твердо всходит по ней опытный юноша ввысь.
Воздухобежец в выси направляет бегучие стопы
Там, где и птичьим порой крыльям нелегок полет.
Руки по сторонам раскинуты над пустотою,
Чтобы с канатной тропы не соскользнула нога, —
Это новый Дедал променял свою землю на небо
И среди белого дня воздух крылами рассек.
Так баснословный рассказ подтверждается зримым примером:
Так человека несут ветер и крепкий канат.

(*Перевод М. Гаспарова*)

СЛОН

(Р. 195, Б. 375)

Дикий шагает зверь, два рога торчат из-под носа,
Прислан в наши края он из индийской земли.
Пусть, однако же, слон и хоботом страшным и бивнем
Грозным на каждом шагу смерть рассыпает в боях —
Он же покорен зато на загривке сидящему мужу
И по указке его шествует должным путем.
Так силен человек, что смиряет звериную ярость:
Малый опасней ездок, нежели зверь-исполин.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЕЩЕ СЛОН

(Р. 196, Б. 37Б)

Сильный хоботом слон страшней всех чудищ на свете,
Туша его черна, клык белизною слепит.
Но хоть и яростен зверь, обращающий лютостью в бегство,
Дорог он смертью своей для искушенных ловцов,
Ибо слоновая кость, столь грозная горною силой,
Для человеческих дел многую пользу хранит:
Консулу скиптр, отделка столам, разноцветные шашки
Для игроков на доске — все от него одного.
Точно так и у нас, людей, переменчива участь:
Кто ужасал живой — мертвый забавою стал.

(*Перевод М. Гаспарова*)

КАРЛИК БУМБУЛ

(Р. 191, Б. 370)

Карлик Бумбул, равно потешный прозваньем и видом,
Небеспричинно меж нас здесь появляешься ты:
Выжил ты в долгой борьбе меж племен журавлей и пигмеев
И не желаешь попасть в клюв к перелетным врагам.
Имя твое носил негодяй, цирковой колесничий, —
Ты его вздумал принять, верно, в угоду отцу.
Он на лопатки валил искусных девок из цирка,
Ты утоляешь зуд у похотливых старух.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЕВНУХ

(Р. 109, Б. 296)

Жадной корысти рука рассекла недозрелое тело,
И человеческий пол сразу гадательным стал.
Так изгибает свой женственный бок холощеный подросток,
Что ни за что не решишь, женщина он или муж?

Попран всякий закон в грамматике рода людского:
Женский был и мужской — средний прибавился пол.

(*Перевод М. Гаспарова*)

НА ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ САМ СЕБЕ МОЛОЛ МУКУ

(Р. 103, Б. 291)

Ты по дешевой цене без труда приобрел бы осленка,
Ведь не впервые ослам жернов о жернов тереть.
Так почему же настолько ты скуп, что, себя унижая,
Сам предпочел под ярмо шею подставить свою?
Брось жернова, прошу! Наняв раба-мукомола,
Ты бы имел без хлопот точно такую муку.
Ты же, трудясь над дарами Цереры, не меньше страдаешь,
Чем и Церера сама в поисках Коры своей.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ВОДОНАЛИВНОЕ КОЛЕСО

(Р. 284, Б. 438)

Черпает воду и льет; подымает, чтоб снова низвергнуть;
Пьет из реки, изрытая, что выпито. Дивное дело!
Воду несет, водою несомо. Волна через волны
Льется, и древнюю влагу новая черплет машина.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ОРЕЛ, ВДЕЛАННЫЙ В СТОЛ ИЗ САРДОНИКСА

(Р. 748, Б. III, С. 42)

Стол изгибается в крыльях, расцвеченных крыльях орлиных,
И красота его вся и в расцветке, и в контурах птицы,
Слитых в одно, и без крыльев полет заключен в самоцвете.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ЖИВОПИСНАЯ КАРТИНА

(Р. 150, Б. 337)

Облик чей здесь доска являет эта,
Кто столь ясно штрихом одним набросан,
Гамму красок когда введет художник,
Сей искусник большой в искусстве тонком, —
Тот подобьем своим предстанет верным;
Достоверность чертам придаст художник,
Чтоб поверить ты мог: рукотворенье,
Как живые тела, имеет чувства.

(*Перевод Ю. Шульца*)

МУРАВЕЙ

(Р. 104, Б. 292)

Тащит из бычьих борозд муравей желанные севы,
Черный народец несет зерна в пещеры свои.
Пусть невелик муравей, но как много, искусник, сбирает
Он для голодной зимы зерен на пользу себе!
Слугами черного Орка назвать муравьев подобает:
Цвет и поступки у них сходны с владыкой таким.
Как Прозерпину Плутон на своей колеснице похитил,
Так в челюстях муравей тащит Цереру к себе.

(*Перевод Ю. Шульца*)

ГУСЬ

(Р. 106, Б. 294)

Гусь серебристый, что в наших дворах выступает повсюду,
Звонкое горло свое с криком подъемлющий ввысь —
Птица приятная пользой двойной: наполняет собою
Блюда стола и хранит ночью безмолвною дом.
Он лишь один среди спящих собак на Тарпейской твердыне,
Бодрствуя, некогда спас Рим наш от галлов-врагов.

(*Перевод Ю. Шульца*)

КОТ, ПОДАВИВШИЙСЯ СОРОКОЙ

(Р. 181, Б. 361)

Тот, кто мыщей-грызунов пожирает обычно, хватая,
И истребляет их род, столь ненавистный жилью, —
Кот ухватил в темноте вместо мыши-полевки сороку,
Голову птице отгрыз, алчно ее проглотил.
Скорым возмездьем, однако, обжора-разбойник наказан:
Жадную глотку его клюв заградил роговой.
Заперта глотка, и этим пресеклась тропинка для жизни:
Сытый по горло, погиб хищник от птицы своей.
Так беспримерно отмщенье погубленной хищником птицы:
Даже погибнув, она губит врага, истерзав.

(*Перевод Ю. Шульца*)

НА СТАТУЮ ПОЭТА АРГУЗИТАНА

(Р. 131, Б. 319)

Как? Из глыбы кремня мастером высечен
Тот, кто сам тяжелей дуба дубравного?
Ты ли, крепкий, как пень, силишься, юноша
[Сочинять для стихов строчку за строчкою],
Все уставы поправ стопосложения?
Кто поверит, что ты теми искусствами
Просвещен, для каких сердце в нас вложено?
Нет, нужней для тебя древообделочник, —
И, красуясь тогда грудью дубовою,
Деревянный поэт встанет пред взорами,
Словно скрывшая блуд телка Дедалова
Или конь, что вместил козни данайские.

(*Перевод М. Гаспарова*)

СОН ПЬЯНИЦЫ

(Р. 30, Б. 219)

Феб во сне мне вещал: не касайся даров Диониса.
Чтоб не грешить во сне, вот я и пью наяву.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ГРОЗДЬ

(Р. 31, Б. 220)

Мстит виноградная гроздь за то, что она испытала:
Сок, что давили ногой, валит давившего с ног.

(*Перевод М. Гаспарова*)

КНИГИ «ЭНЕИДЫ», СЪЕДЕННЫЕ ОСЛОМ

(Р. 222, Б. 189)

Свитки стихов илионских сожрал ничтожный осленок.
Сколь плачевна судьба Трои! То конь, то осел!

(*Перевод М. Гаспарова*)

ИЗ СТИХОВ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ ВЕРГИЛИЮ

(Р. 256—263, Б. 155—162)

1.

Здесь, под грудой камней, погребен разбойник Баллиста.
Путник! И ночью и днем стал безопасен твой путь.

2.

Милый этрусский сосуд, отцовских столов украшенье,
Крепок ты был, но — увы! лекарю в лапы попал.

3.

Целую ночь шел дождь, но приходит и ясное утро:
Делит с Юпитером власть Цезарь над целой землей.

4.

Я сочинил стихи, а слава досталась другому.
...Так-то ваше — не вам, птицы, строители гнезд.
...Так-то ваше — не вам, пчелы, слагатели сот.
...Так-то ваше — не вам, пахари поля, волы.

5.

Влага питает посев; посеву погибельна влага.
Все, что на пользу,— добро, но гибельно все, что насильно.

6.

Заколебалась природа, мужчину создать или деву,
  И создала тебя, деве подобный юнец.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ЭПИТАФИЯ ВЕРГИЛИЮ

[Р. 800(872), Б. 194]

Пастырь, оратай, воин — пас, возделывал, низил —
  Коз, огород, врагов—веткой, лопатой, мечом.
С пасшихся коз, с полевых посевов, с врагов побежденных
  Ни молока, ни жатв и ни доспехов не взял.

(*Перевод В. Брюсова*)

ТРИ РАТОБОРЦА

(Р. 392, Б. 123)

Как загремела война, в бою с амазонками пали
От Ипполиты — Тевфрант, Клон — от Лики, а Эбал — от Алки,
Эбал — мечом, Клон — дротом, Тевфрант — сраженный стрелою.
Эбал бился верхом, Клон — пешим, Тевфрант — в колеснице,
Эбал — юноша, Клон — в цвете лет, а Тевфрант — еще отрок.
Ранен Эбал — в лицо, Клон — в бок, Тевфрант — прямо в печень.
Сын Ификла — Тевфрант, Клон — Дорикла, Идаса — Эбал,
Эбал — аркадянин, Клон — мизиец, Тевфрант — аргивянин.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ОБ ОХОТНИКЕ, КОТОРЫЙ, УБИВАЯ ВЕПРЯ, НЕОСТОРОЖНО НАСТУПИЛ НА ЗМЕЮ

(Р. 160, Б. 164)

1.

Вепрь, охотник, змея погибли общею смертью:
Он под копьем, она под пятой, а третий от яда.

2.

Вепрь, охотник, змея погибли общею смертью:
Первый ревет, второй стонет, а третья шипит.

(*Перевод М. Гаспарова*)

КЕНТАВР ХИРОН

(Р. 89, Б. 277)

Хирон о двух телах стоит, ни единым не полный.

(*Перевод М. Гаспарова*)

ПАСИФАЯ

(Р. 732, Б. V, С. 108)

В дочери Солнца
Новый пылает огонь,
И она, обезумев,
Все стремится к быку в луга.
Брачное ложе стыда в ней не будит,
Ей не помеха ни царская честь, ни страх перед мужем, —
Только, только на быка
Хотят глядеть ее глаза,
Она завидует Претидам
И славит Ио — не за мощь Исиды,
Но за рога, чело ее венчавшие.
А добьется когда встречи желаемой,
Обнимает грубую бычью шею,
Рога цветами красит весенними,

Тянется сблизить уста с устами
(Видно, сил придают нежной душе стрелы Амуровы!),
Рада любви запретной.
Телку из досок сколотив, в ней укрывает тело,
Чтоб, забыв стыд, утолить пыл, ибо зла страсть.
Грешной похоти плод, рождается сын с двумя телами—
Тот, что дланью сражен потомка Эрехфеева,
Которого из страшных стен вывела кносянки нить.

(*Перевод М. Гаспарова*)

АНАЦИКЛИЧЕСКИЕ СТИХИ

(Р. 674В, Б. III, С. 169)

Волн колыхание так Наяд побеждает стремленье,
Моря Икарова вал как пламенеющий Нот.
Нот пламенеющий как вал Икарова моря,— стремленье
Побеждает Наяд так колыхание волн.

(*Перевод В. Брюсова*)

ЗМЕИНЫЕ СТИХИ

(Р. 38—40, 48, 56, 63, 77—80, Б. 227—229, 236, 244, 251, 265—268)

1. СЛУЧАЙ

Случай — причина всего. Наши замыслы нам неподвластны
Полно бороться с судьбой! Случай—причина всего.

(*Перевод М. Гаспарова*)

2. НАРЦИСС

Видя свой облик, Нарцисс устремляется к глади зеркальной;
Гибнет один от любви, видя свой облик, Нарцисс.

(*Перевод Ю. Шульца*)

3. СУД ПАРИСА

Суд, что Парис совершил, возвеличил супругою Трою;
  Трою разрушил вконец суд, что Парис совершил.

(*Перевод Ю. Шульца*)

4. ГЕРО И ЛЕАНДР

Страстью свой путь проложил по жестокому юноша морю;
  К смерти безвременной он страстью свой путь проложил.

(*Перевод Ю. Шульца*)

5. ВЕНЕРА

Собственным жаром горит дымящая жерлами Этна —
  Так и Венера, влюбясь, собственным жаром горит.

(*Перевод М. Гаспарова*)

6. ДОЛОН И АХИЛЛ

Славной добычей Долон прельстился — упряжкой Ахилла;
  Сам, зарезанный, стал славной добычей Долон.

(*Перевод М. Гаспарова*)

7. НИС И ЭВРИАЛ

Дружества сладкий удел да будет тебе драгоценен:
  Жизни великая часть — дружества сладкий удел.

(*Перевод М. Гаспарова*)

8. ЕЩЕ О ДРУЖБЕ

Ежели любишь — люби: не часто друзей мы находим,
  Часто теряем друзей. Ежели любишь — люби.

(*Перевод М. Гаспарова*)

9. К АПОЛЛОНУ И К ЧИТАТЕЛЮ

Благодаренье тебе, Аполлон, вдохновитель поэтов!
  Друг-читатель, прощай: благодаренье тебе!

(*Перевод М. Гаспарова*)

10. ПАМЯТНИК

Смерть не погубит меня: по себе оставляю я память.
Ты лишь, книга, живи: смерть не погубит меня.

(*Перевод Ю. Шульца*)

11. БАНИ, ВИНО И ЛЮБОВЬ

Бани, вино и любовь, вы наше губите тело;
Нашу творите вы жизнь, — бани, вино и любовь.

(*Перевод В. Брюсова*)

УЧЕНИК ВРАЧА

(Р. 159, Б. 346)

Взрослого юношу врач в обучение взял, собираясь
Знаний целительных свод ученику передать.
Прежде всего, чтобы тот исполнял врача повеленья,
Лошадь пришлось под седлом всюду ему проводить.
Так врач сумел сократить изученье обширной науки:
Юношу взявши к себе, он Гиппократа вернул.

(*Перевод Ю. Шульца*)

СТИХИ НА ВЕРГИЛИЕВЫ СЛОВА

(Р. 223, Б. 190)

«Жив еще я, но жизнь влачу сквозь крайние беды...»
Злая сделалась жизнь уделом всяческой скорби.
К смерти близится путь, и уже больное здоровье
Только для скорби живет. Терзается веемый ветром
Дух, испаряется жизнь. Какие после крушенья
Трои новые мы испытали крушенья! какие
Беды перенесли! какие познали паденья!
После гибели гибнет Пергам: сгорев, догорает
Он в душе фригийцев своих, и повязан повторной
Смертью, и вновь приемлет свою плачевную участь.
Вновь и вновь предана в добычу озлобленным бурям

Троя, и вечным горит пожаром, сама поджигая
Прежний костер. В преизбытке огонь и яркое пламя
С факельных пышут стволов, и мерцают черные светы
Над злополучной судьбой. В какой разъяренной пучине,
В небе каком, на суше какой не встретит напастей
Бедный люд, без конца скитаясь в Тритоновых волнах?
Море было мне дом и очаг фригийским пенатам,
Был я словно разбойник морской и, горькие слезы
В море лия, рассекал кораблем сугубую влагу:
Лился прилив из очей, до звезд возвышался напором,
Гибель суля судам от наших собственных плачей.

(*Перевод М. Гаспарова*)

VI

Посвятительные надписи

Эпиграфические надписи

1. СИЛЬВАНУ АЛЬПИЙСКОМУ

Сильван, в священном полускрытый ясене
И страж верховный садика высокого,
Тебя мы славим здесь стихами этими
За то, что в поле и в горах Альпийских нам —
Гостям твоей благоуханной рощи — ты
Всегда благой хранитель в дни, когда вершу
Я суд и ведаю владеньем цезарей.
Меня с моими ты верни обратно в Рим,
Заступник будь в именьях италийских нам,
И тысячу деревьев посвящу тебе.

(*Перевод Ф. Петровского*)

3. СИЛЬВАНУ АФРИКАНСКОМУ

Из всеродящей, всеплодной земли поднимаются всходы,
Солнцем согретая днесь их рождает искусница почва,
Радует все, веселит, зеленеют леса, расцветают
Свежие всюду цветы в плодородном дыхании вешнем.
Дружно поэтому все воздадим мы отчую почесть
Богу Сильвану, кому поют и ручьи и дубравы,

Роща из камня растет, разрастаются ветви деревьев.
Вот в твою честь жертвуем здесь резвую мы овечку,
Вот в твою честь волей отца с острым серпом — козленок,
Вот в твою честь, милый, тебе свежий венок сосновый,

*

Так вещает мне жрец верховный бога:
Веселитесь, фавны и дриады,
Веселитесь, пойте здесь, во храме,
Из моей выходя, наяды, рощи.
Фавн играть будет здесь на свирели своей,
И парнасский напев будет громко звучать,
Бассариды пускай громко песня поет,
Сдержит пусть Аполлон бег ретивых коней...

(*Перевод Ф. Петровского*)

7. ПРИАПУ ТИБУРТИНСКОМУ

Слава, слава родителю Приапу!
Подари ты мне в юности веселье,
Наколдуй, чтоб мальчишкам и девчонкам
Я нахальным бы взглядом полюбился,
Чтобы шутка и тягостная песня
Облегчала гнетущие заботы,
Не пугала бы тягостная старость,
Не сжималось бы горло страхом смерти,
Уводящей в обители Аверна,
Где томятся таинственные Маны
И откуда никто не возвращался.
Слава, слава родителю Приапу!

Все сюда, все сюда, красотки-нимфы,
О священной пекущиеся роще,

О священных пекущиеся струях!
Все сюда, и согласно величайте
Голосами певучими Приапа:
«Слава, слава родителю Приапу!»
Приложитесь к Приапову величью,
Увенчайте венком благоуханным
Божью мощь и опять провозгласите:
«Слава, слава родителю Приапу!»
Это он, отгоняя нечестивцев,
Вам позволил резвиться по тенистым
Тихим рощам, не ведающим скверны;
Это он от источников священных
Гонит тех, кто преступною ногою
В них ступает, мутя святую влагу,
Кто в ней руки полощет и при этом
Не помолится вам, красотки-нимфы.
«Будь же милостив! —молвите вы богу. —
Слава, слава родителю Приапу!»
Слава, слава могучему Приапу!
Зачинателем звать тебя, творцом ли,
Называть ли Природой или Паном?
Ибо в силе твоей берет начало
Все живое на суше, в море, в небе,
Все, что славит великого Приапа!
Сам Юпитер по твоему веленью,
Отлагая палящие перуны,
Покидает свой трон, пылая страстью,
Ты — любимец Венеры благодатной,
Нежных Граций, и пылкого Амура,
И Лиэя, несущего веселье.
Без тебя нам ни Грации не милы,
Ни Венера, ни Купидон, ни Бахус.
Слава, слава могучему Приапу!
Девы чистые шлют к тебе моленья —
Развязать их девичьи поясочки;

Молят жены, да будут их супруги
Сил полны и в любви неутомимы.
Слава, слава родителю Приапу!

(*Перевод Ф. Петровского*)

10. ЮПИТЕРУ ПЕННИНСКОМУ

Я добровольно в твой храм приношенья обетные отдал,
Ты же, тебя я молю, их благосклонно прими.
Хоть и не ценны дары, но тебя мы, святой, умоляем:
Наши ты чувства уважь, большие, чем кошелек.

(*Перевод Ф. Петровского*)

14. НЕПТУНУ

Гелвий сей дар божеству возвести по обету предпринял
И водворить на родной лара решил я земле.
Этот же строила храм со мною супруга Фавстина
Для господина морей, рек и отца Нереид.

(*Перевод Ф. Петровского*)

18. СИЦИЛИЙСКАЯ НИМФА

Нимфа здешних я мест, охраняю священный источник,
Дремлю и слышу сквозь сон ропот журчащей струи.
О, берегись, не прерви, водоем беломраморный тронув,
Сон мой: будешь ли пить иль умываться, молчи.

(*Перевод Ф. Петровского*)

19. НАДПИСЬ У МОСТА ЧЕРЕЗ ТАХО

Если про храм на скале над Тагом, где боги и Цезарь,
Где матерьял превзошел даже само мастерство,
Путника спросят, кому о новом узнать любопытно,
Кто же воздвиг этот храм, дав обещанье богам,
Знают пускай, что его, как священную жертву, поставил
Лацер, который воздвиг здешний огромнейший мост.

Мост, что будет стоять над рекой до скончания века,
Лацер воздвиг, мастерство в дар от богов получив.
Соорудив этот мост, посвятил он и новые храмы:
Только одним божествам в жертву приносят дары.
Он же и римским богам и Цезарю храм свой поставил.
Жертвой священною он счастлив и той и другой.

(*Перевод Ф. Петровского*)

22. ГЕБАМУНДУ О БАНЯХ

Ты посмотри, как блестят целебные мрамором Байи,
Коль сочетания ты ищешь воды и огня.
Здесь, где с Вулканом Нептун состязается в схватке любовной,
Влага жары не убьет, пламя воде не вредит.
Сооруженьям своим порадуйся, царственный отпрыск,
И насладись, Гебамунд, ими со всеми людьми.

(*Перевод Ф. Петровского*)

Надгробные надписи

82. НЕИЗВЕСТНЫЙ

Молви, прохожий: тебе легкой да будет земля!

(*Перевод Ф. Петровского*)

87. НЕИЗВЕСТНЫЙ

Вот приют твой. — Против воли прихожу я! — Но придешь.

(*Перевод Ф. Петровского*)

99. НЕИЗВЕСТНЫЙ

Кто мы? О чем говорим? Да и вся наша жизнь — что такое?
С нами вот жил человек, а вот и нет человека.
Камень стоит, и на нем только имя. Следов не осталось.
Что же, не призрак ли жизнь? Выведывать, право, не стоит.

(*Перевод Ф. Петровского*)

89. ПАЦЕДИЯ СЕКСТА, НЕИЗВЕСТНАЯ

Человек ты — помни это. Знай — ты смертен. Будь здоров.

(*Перевод Ф. Петровского*)

95. СТАТЕРИЙ ЦЕЛЕР, НЕИЗВЕСТНЫЙ

Были мы смертными, стали ничем. Посмотри же, прохожий,
Как недалек наш путь от ничего к ничему.

(*Перевод М. Гаспарова*)

108. ТИТ ФЛАВИЙ МАРЦИАЛ, НЕИЗВЕСТНЫЙ, 80 ЛЕТ

Что я пил и ел — со мною; что оставил — потерял.

(*Перевод Ф. Петровского*)

31. ПОЭТ НАРД

Нард, смиренный поэт, в этой могиле сокрыт.

(*Перевод М. Гаспарова*)

37. РИТОР РОМАНИЙ

Здесь под покровом земли Романий Йовин похоронен.
Сам он умел говорить и обучал говорить.
Ежели жизнь состоит в славе жизни у Манов подземных,
Здесь он живет и для нас, как Цицерон иль Катон.

(*Перевод Ф. Петровского*)

116. ШКОЛЬНИК ПЕТРОНИЙ АНТИГЕНИД

Ты, что поспешно идешь по узкой тропиночке, путник,
Остановись, я прошу, и не презри надгробие наше.
Два пятилетья всего, два месяца и двое суток
Прожил я между людьми, возлелеянный нежно, любимый.
Догматы я Пифагора постиг, философские мысли,
Лириков я прочитал, прочитал творенья Гомера,

Уразумел я и то, что Евклид начертал на абаке,
Вместе с тем и утех и дерзких забав было вволю.
В этом способствовал мне Гилар, мой патрон и родитель.
Если б враждебной судьбой я не был, несчастный, настигнут!
Ныне ж в обители я подземной у вод Ахеронта,
  Тартара мрачных небес я обитатель теперь.
Жизни мятежной избег я. Судьба и Надежда, прощайте!
Нет мне дела до вас: дурачьте других, коль угодно.
Вот вековечный дом. Я здесь; я вечно пребуду.

(*Перевод Ф. Петровского*)

26. ХОЗЯЙКА АМИМОНА

Амимона, Марка дочка, здесь лежит прекрасная,
Пряхой честной, домоседкой, чистой, доброй бывшая.

(*Перевод Ф. Петровского*)

122. ТРАКТИРЩИЦА АМИМОНА

В этой гробнице лежит трактирщицы прах — Амимоны,
Слух о которой прошел далеко за родные пределы:
Многие ради нее частенько в Тибур ходили.
Тленной жизни теперь лишена она богом всевышним,
Свет благодатный приял ее душу в обитель эфира.
Сделал памятник сей Филотех безупречной супруге,
Да благочестно живет во веки веков ее имя.

(*Перевод Ф. Петровского*)

33. ОХОТНИК МАРЦИАЛ

Вепрей ли гонял свирепых — был я мил охотникам;
Быстрых ли гонял оленей — был на радость дому я.
На земле своей Патерна мне воздвигла памятник,
Что, мне почесть воздавая, правде служит истинной.

(*Перевод Ф. Петровского*)

40. СКОРОХОД САБИН

Кто о кончине скорбит, пусть душу утешит любовью:
Смерть может жизнь унести, но жить продолжает по смерти
Имени слава у всех на устах — умирает лишь тело.
Жив, возвеличен и чтим, восхваляется всеми любимый
Августа вестник, гонец, бежавший ветру подобно.
Отчее имя Сабин и латинское имя носил он.
О нечестивое зло! Беспощадно на смерть неповинный
Был осужден и погиб коварных разбойников жертвой.
Тщетны усилья твои, преступление: слава бессмертна!

(*Перевод Ф. Петровского*)

46. МАТРОС ТРЕБИЙ

В крайней бедности был я рожден, служил я матросом,
Августа я охранял семнадцать лет безупречно,
Не провинился ни в чем и вышел в отставку с почетом.

(*Перевод Ф. Петровского*)

47. КОЛЕСНИЧИЙ ФЛОР

Флор молодой здесь лежу, колесницы парной водитель.
Быстро я гнаться хотел, и быстро к теням упал я.

(*Перевод Ф. Петровского*)

50. ФЛЕЙТИСТ СИДОНИЙ И СКОРОПИСЕЦ КСАНФИЙ

Взгляни на этот памятник,
Ценитель Музы и стихов,
И наши имена прочти
На общей скорбной надписи.
Мы искусству различному
Учились оба смолоду:
Я на свирели звонкие

Играл, Сидоний, песенки...
....
Стихи, алтарь и пепел сей —
Юнца могила Ксанфия,
Умершего безвременно.
Он скорописью мог уже
Посредством стиля беглого
Записывать умело все,
Что беглый говорил язык.
Всех превзошел он в чтении
И, с голоса хозяина,
Следя за продиктованным,
Ловил уже дальнейшее.
Увы, как скоро умер тот,
Кому дела секретные
Мог вверять господин его!

(*Перевод Ф. Петровского*)

52. ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ ЦЕЗЕДИЙ

Некогда был я жнецом и, усердно снимая созревший
Нивы своей урожай, рабский я труд исполнял.
Бедного лара я сын, рожденный отцом неимущим;
Не было средств у него, не было дома у нас.
Будучи сыном его, я жил земли обработкой
И ни земле отдыхать не позволял, ни себе.
Только лишь вырастит год созревшую на поле ниву,
Первым тогда выходил злаки серпом я срезать.
В пору, когда на поля направлялся отряд серпоносный,
В Цирту к номадам идя иль на Юпитеров клин,
Опережал я жнецов, впереди всех по полю идя
И оставлял за спиной связки густые снопов.
После двенадцати жатв, что я срезал под яростным солнцем,
Руководителем стал я из рабочих-жнецов.

Целых одиннадцать лет водил я жнецов за собою,
И с нумидийских полей жатву снимал наш отряд.
Труд мой и скромная жизнь оказали мне сильную помощь
И господином меня они сделали дома и виллы,
И не нуждается дом этот ни в чем у меня.
И принесла наша жизнь мне почестей плод изобильный:
К списку старейшин у нас был сопричислен и я.
Избран советом, я стал заседать во храме совета,
Из деревенщины став цензором также и сам.
Я и детей народил, и внуков милых увидел.
Так, по заслугам своим, мы славные прожили годы,
И не язвит никогда нас злоречивый язык.
Смертные, знайте, как жизнь свою провести безупречно:
Честную смерть заслужил тот, кто обману был чужд.

(*Перевод Ф. Петровского*)

55. ПОМЕЩИК КАЛЛИСТРАТ

Землевладелец-богач и всем своим близким любезный,
Имя свое Каллистрат сам оправдать пожелал.
Он, состоятельным быв и золота много имея,
Не поднимал никогда зависти злой парусов.
Жил для друзей, не себя одного ублажая богатством:
Зданьями новыми он земли свои украшал.

(*Перевод Ф. Петровского*)

76. СТАРОСТА НАРЦИСС

Тот, кому строгий закон не давал гражданской свободы,
В смертной доле теперь вечной свободы достиг.

(*Перевод М. Гаспарова*)

58. ВОЛЬНООТПУЩЕННИК ОФИЛЛИЙ

Варварской сына земли незаслуженно предал обычай
Рабству, и этим совсем переменил его нрав,
Имя отцовское он по мере сил возвеличил,
И заслужил он трудом то, чего просьбой не смог.
Службой своей господина смягчив, он побоев не ведал,
Не получая в залог должных, однако, наград.
Путник, куда ты спешишь? Покой ведь тебе обеспечен:
Этот народу приют вечно и всюду открыт.
Да и о счете часов, что ведешь беспокойно, подумай:
Скоро, итог подведя, будешь и ты без забот.

(*Перевод Ф. Петровского*)

54. Л. НЕРУСИЙ МИТРА, ТОРГОВЕЦ КОЖЕВЕННЫМ ТОВАРОМ, С АКРОСТИХОМ

Лишних забот уже нет, а кто я, узнаешь, читатель.
Некогда шкурами я торговал в столице священной,
Этот козий товар доставляя простому народу.
Редкую честность мою хвалили всегда и повсюду.
Участь блаженна моя: я строил из мрамора, жил я
Счастливо, фиску всегда платил я арендную плату
И в договорах правдив был со всеми, старался
Уравновешенным быть с людьми, в беде помогал им,
С должным почтеньем ко всем относился, с друзьями был ласков.
Мало того, я почет себе приобрел еще больший,
Имя прославив свое: убежище сам я устроил
Телу по смерти. Но я не себя одного обеспечил:
Храмина эта дана и наследникам. Всякий лежащий
Рядом со мною, найдет себе все. Я прославлюсь
Этим примером своей образцовой жизни до смерти.
Сам я был полон забот, но многим покой обеспечил.

(*Перевод Ф. Петровского*)

42. ВИТАЛИЙ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАССЫЛЬНЫЙ

Сам я, Виталий, себе при жизни сделал гробницу,
И, когда мимо иду, читаю я сам свои вирши.
Исколесил я весь округ пешком со своей подорожной,
Зайцев собаками брал и лисиц случалось травить мне.
Кроме того, я не прочь подчас был и чарочку выпить:
Юности я потакал во многом, будучи смертен.
Юноша умный! Поставь себе тоже при жизни гробницу.

(*Перевод Ф. Петровского*)

43. СОРАН ИЗ БАТАВСКОЙ КОННИЦЫ

Тот я, кто некогда был по всей Паннонии славен,—
Первенство мне присудил Адриан, когда из Батавской
Тысячи храбрых мужей удалось мне Дуная глубины
Преодолеть, переплыв его воды при полном доспехе.
Я и стрелу на лету, как повиснет она и обратно
В воздухе падает вниз, расщеплял своею стрелою;
Да и в метанье копья ни римский воин, ни варвар
Не побеждали меня, ни в стрельбе из лука парфянин.
Увековечены здесь дела мои памятным камнем.
Видевший это пускай моим подвигам следует славным;
Мне же примером служу я сам, свершивший их первым.

(*Перевод Ф. Петровского*)

44. УРС, ИГРОК В СТЕКЛЯННЫЙ МЯЧ

Я — Урс, кто первый из носящих тогу стал
Играть в стеклянный мяч, храня достоинство,
При громких криках одобренья зрителей
В Агриппы термах, Титовых, Траяновых,
В Нероновых частенько, если верите.
Вот я. Сюда! Ликуйте все, кто любит мяч!
Цветами роз, фиалок друга статую,

Листвой обильной и духами тонкими,
Друзья, почтите и возлейте чистый ток
Фалерна, или Цекуба, иль Сетии
Живому в радость из хранилищ Цезаря.
И славьте стройным хором Урса старого:
Игрок веселый он, шутник, ученый муж,
Перворазрядных всех побил соперников
Умом, красою и отменной ловкостью.
Теперь стихами, старцы, скажем правду мы:
И сам я был побит не раз, а много раз
Моим патроном Вером, трижды консулом,—
Я слыть готов его эксодиарием!

(*Перевод Ф. Петровского*)

65. ПАГ, УЧЕНИК ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Кто бы ты ни был, пролей слезу над мальчиком, путник!
Два шестилетья всего он от рождения прожил,
Был господину утехой, родителям был он надеждой,
Смертью безвременной им причинив глубокое горе.
Ловкой рукою умел выделывать он ожерелья,
В мягкое золото знал, где надо, вставлять самоцветы.
Звали мальчика Паг. А теперь, после мрачной кончины,
Прахом в могиле лежит его безымянное тело.

(*Перевод Ф. Петровского*)

71. ПРИМИГЕНИЙ, СТРАНСТВУЮЩИЙ ЛЕКАРЬ

Я из Игувия врач, обошедший множество торжищ;
Сверх своего мастерства честностью я знаменит.
Счастьем покинут я был в расцвете юности свежей,
И положили меня на погребальный костер.
Кладбищу Клусия прах уступило могильное пламя,
Кости мои патрон предал родимой земле.

(*Перевод Ф. Петровского*)

85. АЛЬФИДИЙ УРБАН, ВОЙСКОВОЙ ТРИБУН СЕДЬМОГО СДВОЕННОГО ЛЕГИОНА

Веселись, живущий в жизни: жизнь дана в недолгий дар!
Не успеет зародиться — расцветет и кончится.

(*Перевод Ф. Петровского*)

69. ЖРИЦА СИДОНИЯ

Тщетно Счастливой дано Сидония Юлии имя:
Нить ее жизни, увы, до срока обрезали Парки,
Раньше еще, чем жених зажег огни Гименея.
Горестно плакали все, скорбели девы дриады.
Факела свет загасив, неутешно рыдала Луцина,
Деву, единственный плод родителей бедных, жалея.
Жрицей Мемфисской была она систром гремящей богини.
Здесь положили ее, погруженную в сон вековечный.

(*Перевод Ф. Петровского*)

73. ВЕСТОВОЙ ВЕПРЬ

Здесь ты, Вепрь, неповинно лежишь: не по гневу Дианы,
Не Мелеагра копьем пораженный свирепо в утробу:
Смерть, незаметно тебя настигнув, внезапно повергла
В самом цвету и твою погубила прекрасную юность.

(*Перевод Ф. Петровского*)

83. ВОЛЬНООТПУЩЕННИКИ ТУРПИЛИЙ И ТУРПИЛИЯ

Строит хоромы богач, мудрец воздвигает гробницу.
То — для тела приют временный, это — наш дом.
Там мы только гостим недолго, а здесь обитаем;
Там — беспокойство, а здесь — наш вековечный покой.

(*Перевод Ф. Петровского*)

96. ЛУЦИЛЛА, ЖЕНА ЭКСУПЕРАНЦИЯ

Жизнь — это счастье и горе, а смерть — ни счастья, ни горя:
Мудрый, выбери сам то, что тебе по душе.

(*Перевод М. Гаспарова*)

98. УПРАВИТЕЛЬ АЛЕКСАНДР

Не было — нет меня. Есмь ли? — Не знаю. Что мне за дело?

(*Перевод М. Гаспарова*)

90. СВИНОТОРГОВЕЦ АЦЕЛЛИЙ

Ты — человек: взгляни на мой могильный холм!
Хотел иметь я то, что нужно, смолоду,
Не знал обмана, многим делал доброе.
Ступай! Будь счастлив. Путь твой здесь окончится.

(*Перевод Ф. Петровского*)

109. ДЕКУРИОН ВИНЕСИЙ ФИРМ

Я наживался и вновь растрачивал все нажитое;
Смерть наступила — и вот нет ни наживы, ни трат.

(*Перевод Ф. Петровского*)

92. ВЕТЕРАН ЦИССОНИЙ

Жил покуда — пил я вволю. Пейте, кто остался жив!

(*Перевод Ф. Петровского*)

112. СКРЯГА РУБРИЙ УРБАН

Он, кто всю свою жизнь, ему данную, прожил как скряга,
Был и к наследнику скуп, да и себя не щадил,
Здесь, по кончине, велел на веселом пиру возлежащим
Изобразить он себя мастеру ловкой рукой,
Чтобы хоть в смерти он мог найти покой безмятежный
И без тревог и забот, им наслаждаясь, лежать.

Справа сидит его сын, который в походе военном
Пал еще до похорон скорбных отца своего.
Но разве можно помочь усопшим веселой картиной?
Лучше гораздо для них было бы — в радости жить.

(*Перевод Ф. Петровского*)

77. ДАФНИДА, УМЕРШАЯ В РОДАХ

Дафнида я, Гермета жена, получила свободу,
Хоть и хотел господин, чтобы раньше Гермет стал свободным:
Первой мне волю судьба, первой — кончину дала.
Скорбного я родила и скорбь оставила мужу;
И не желал господин, а жизнь дала я младенцу.
Кто воспитает его? Кто долгую жизнь обеспечит?
Право, безвременно Стикс отнял меня у живых!

(*Перевод Ф. Петровского*)

62. ТРЕХЛЕТНЯЯ НИННИЯ

Что должна была дочь отцу начертать на гробнице,
Дочери это отец вместо того начертал.

(*Перевод Ф. Петровского*)

СЕМИМЕСЯЧНЫЙ ЮЛИАН

Имя ему Юлиан, семь месяцев жил он на свете;
Горько, горько над ним плакали мать и отец.

(*Перевод М. Гаспарова*)

25. ГЛАШАТАЙ ОЛ (АВЛ) ГРАНИЙ

Безмолвный камень просит, путник, прочитать,
Что камню вверил тот, чья тень покрыта им.
Благого мужа, честного и верного
Покоятся здесь кости — Ола Грания.
Вот всё, что он хотел поведать. Будь здоров.

(*Перевод Ф. Петровского*)

27. ХОЗЯЙКА КЛАВДИЯ

Прохожий, стой, прочти, что кратко сказано:
В могиле некрасивой — прах красавицы.
Ей дали имя Клавдии родители.
Супруга сердцем всем любила искренне.
Сынов двоих родила. Одного из них
В земле, другого на земле оставила.
Была изящна и в речах и в поступи.
Вела хозяйство. Шерсть пряла. Сказал. Ступай.

(*Перевод Ф. Петровского*)

36. ПРЕТОР СЦИПИОН ИСПАНСКИЙ

Доблести предков своим я образом жизни дополнил,
Род я продолжил, отцу в славных делах подражал,
Предков славы достиг. Им радостно будет сознанье,
Что породили меня: честь — украшенье семьи.

(*Перевод Ф. Петровского*)

84. ОТПУЩЕННИЦА КЛАВДИЯ И ЯНУАРИЯ, ЖЕНА АРТЕМОНА

Что ты клянешь, дорогой мой супруг, нашу смертную участь?
Всем ведь приходится нам общей дорогой идти.
Брось горевать, не терзай себе сердце напрасною скорбью:
Лишь кратковременный нам дан в этой жизни приют.

(*Перевод Ф. Петровского*)

119. КЕНОТАФ ДОМЕСТИКА, УМЕРШЕГО 16 ЛЕТ

Этой гробницей пустой почтил мою память хозяин,
Чтобы за виллой его мог я вблизи наблюдать,
Чтобы гробницу мою он часто вином и цветами
Сам орошал и слезой, — что мне дороже всего.
Ибо ведь прахом моим завладела Полленция злая,
Где и могила моя, имя и памятник мой.

Вовсе, однако, не там, под мрачным холмом погребальным,
И не под этой землей наша укрылась душа,
Но — пусть идет господин к ассирийцам, уходит к иберам —
Следует всюду за ним и по земле и в морях.

(*Перевод Ф. Петровского*)

121. ЭПИТАФИЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ МАГНИЛЛЫ

Теней блаженный покой и вы, благочестных умерших
Души, которых Эреб принял в обитель свою,
Сопроводите к себе Магниллу невинную в рощи
И водворите в полях вы Елисейских ее.
Грозный настиг ее рок на восьмом году ее жизни,
В самую пору ее юной и нежной весны.
Не по годам и способна была и красива, изящна,
Необычайно умна, прелести милой полна.
Вечно плакать о ней и чтить рыданьями надо
Эту несчастную нам: так она мало жила...
Или счастливую? Да! Избежавшую старости горькой:
Меньше Гекубы рыдать Пенфесилее пришлось.

(*Перевод Ф. Петровского*)

125. СОБАЧКА ЖЕМЧУЖИНА

В Галлии я родилась; от богатого жемчугом моря
Имя мое: красоте это достойная честь.
Смело в дремучих лесах умела я рыскать по следу
И по высоким холмам зверя пушистого гнать.
Не приучали меня ходить на своре несносной
И не стегали совсем по белоснежной спине:
Мягко мне было лежать у хозяев моих на коленях
И на постельке своей сладко усталой дремать.
Молча могла я сказать побольше всякой собаки

И не пугала ничуть лаем своим никого.
Но погубили меня роковые несчастные роды,
И на могиле мой прах мрамором скромным покрыт.

(*Перевод Ф. Петровского*)

126. СОБАЧКА МУШКА

Как мила была, как была прелестна,
На коленях лежавшая при жизни,
Соучастница сна всегда и ложа, —
Что за горе твоя кончина, Мушка!
Ты залаяла б тотчас, озорница,
Коль с твоей госпожой соперник лег бы.
Что за горе твоя кончина, Мушка!
Нет чутья у тебя в глуби могильной,
Ни рычать ты не можешь, ни кусаться,
Ни оскалом зубов мне улыбнуться!

(*Перевод Ф. Петровского*)

128. БОРИСФЕНИТ, КОНЬ ИМПЕРАТОРА АДРИАНА

Борисфенит Аланский,
Цезаря конь проворный,
По полю и болотам
И по холмам этрусским
Носившийся, как птица,
За кабаном паннонским;
И вепрь его в погоне
Белым клыком поранить
Ни разу не решился,
Хотя бы пеной пасти
Хвост он ему обрызгал,
Что происходит часто.

Но в цвете лет и силы,
И невредимый телом,
Своим настигнут роком,
Здесь погребен он в поле.

(*Перевод Ф. Петровского*)

Надписи разного содержания

130. НАДПИСЬ НА СТАТУЕ МЕМНОНА

В первый час и второй от восхода солнца, в то время,
Как с Океана Заря благостно мир озарит,
Трижды явственно мне слышен был Мемнона глас.

(*Перевод Ф. Петровского*)

Помпейские любовные надписи

1.

Слава тому, кто любит! Погибель тому, кто не любит!
Дважды погибель тому, кто запрещает любить!

(*Перевод Ф. Петровского*)

2.

Свяжет пускай ветерки, если кто ругает влюбленных,
И запретит убегать вечно текущей воде.

(*Перевод Ф. Петровского*)

3.

Вот, я пишу, а Любовь мне диктует, а Страсть меня учит:
Нет, без тебя не хочу даже и богом я быть!

(*Перевод Ф. Петровского*)

4.

Духом упал я, и сон усталых очей не смежает:
Жжет меня ночью и днем, не унимаясь, любовь.

(*Перевод Ф. Петровского*)

5.

Мне белокурая девка велит: не люби чернокудрых!
Если смогу — невзлюблю, если нет — полюблю против воли.

(*Перевод М. Гаспарова*)

6.

Если тебе не пришлось Апеллесовой видеть Венеры,
Душку мою посмотри: так же прекрасна она.

(*Перевод Ф. Петровского*)

7.

Все, что ни есть у меня, — раздарил бы красивым девчонкам,
Только беда: ни одна девка не нравится мне.

(*Перевод Ф. Петровского*)

8.

Обнял сегодня я здесь девчонку, красавицу с виду, —
Все мне хвалили ее, но оказалось — дерьмо.

(*Перевод Ф. Петровского*)

9.

Странно, и как ты, стена, устояла — не рухнула, если
Столько писак на тебя столько излили тоски?

(*Перевод М. Гаспарова*)

Помпейские трактирные надписи

1.

Выпивка стоит здесь асс. За два асса ты лучшего выпьешь,
А за четыре уже будешь фалернское пить.

(*Перевод Ф. Петровского*)

2.

Кабы попался ты нам на такие же плутни, трактирщик:
Воду даешь ты, а сам чистое тянешь вино!

(*Перевод Ф. Петровского*)

3.

Мы помочились в постель. Виноваты мы: ладно, хозяин.
Но почему же ты нам не дал ночного горшка?

(*Перевод Ф. Петровского*)

157. НАДПИСЬ НА МОЗАИКЕ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТРИТОНА

Он человек, но не весь, вполовину, а снизу он рыба.

(*Перевод Ф. Петровского*)

158. НАДПИСЬ НА МОЗАИКЕ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КЕНТАВРА

Не человек и не зверь, но частично и то и другое.

(*Перевод Ф. Петровского*)

159. НАДПИСЬ НА БЛЮДЦЕ С РИСУНКОМ

Деианиру кентавр уносит, похитив у мужа.

(*Перевод Ф. Петровского*)

160. НАДПИСЬ НА КУБКЕ С РИСУНКОМ

Лебедем став, заключил Юпитер в объятия Леду.

(*Перевод Ф. Петровского*)

161. НАДПИСЬ НА СЕРЕБРЯНОЙ ЛОЖКЕ

Бани, вино и любовь ускоряют смертную участь.

(*Перевод Ф. Петровского*)

162. НАДПИСЬ НА ГЛИНЯНОЙ ЧАШЕ

Пыль золотого дождя пускай лишь обрызнет папирус —
Тотчас Даная в ответ слово черкнет: «приходи!»

(*Перевод Ф. Петровского*)

ПРИМЕЧАНИЯ

«ЛАТИНСКАЯ АНТОЛОГИЯ»

Переводы по изданиям: Anthologia Latina sive poesis Latinae supplementum, pars I: Carmina in codicibus scripta, rec. A. Riese, ed. 2, I—II, Lps., 1894—1906; Poetae Latini minores, rec. Aem. Baehrens, v. IV: Anthologia Latina. Lps., 1882 (и v. III, 1881; v. V, 1883).

Для Репосиана, Немесиана и некоторых малых стихотворений использовано также издание Даффа (см. примеч. к Авиану). Заглавие «Латинская Антология» условно: латинская «поэзия малых форм» не сложилась в Античности в такой полный и систематизированный свод, как, например, греческая «Палатинская Антология». Латинские эпиграммы, рассеянные по множеству рукописных сборников, были собраны воедино лишь учеными Нового времени. Ядро этого собрания образует так называемый «Салмазиевский сборник» — открытая ок. 1615 г. французским филологом Клавдием Салмазием неполная копия (VII—VIII вв.) обширного свода мелких стихотворений, составленного в начале VI в. в Африке при вандальском дворе. В него входили цикл вергилианских центонов, цикл «змеиных» дистихов, стихотворная контроверсия, стихотворная свазория, стихотворная этопея, героикомическое прение Веспы, «Ночное празднество Венеры», «Загадки Симфосия», «Книга эпиграмм» Луксория, а в промежутках между ними еще несколько стихотворных циклов, объединенных по не всегда понятным признакам, — всего 24 «книги» (из которых первые пять не сохранились). Большинство произведений анонимны или подписаны ничего не говорящими именами. Редактором этого свода Ризе склонен считать Луксория или кого-

нибудь из его друзей, Беренс — «сиятельного» юношу Октавиана, ближе неизвестного; и то и другое одинаково произвольно. Можно думать, однако, что неизвестный составитель располагал уже сборниками такого рода от прежних времен и лишь дополнил их обильными сочинениями своих африканских современников. Всего в «Салмазиевском сборнике» около 375 произведений; издание Ризе добавляет к ним свыше 500 стихотворений из других рукописей (некоторые из них принадлежат уже раннему Средневековью). Из них в основном и сделан выбор текстов для настоящего раздела; нумерация стихотворений указана в оглавлении (Р. — Ризе; Б. — Беренс, т. IV; для III и V томов Беренса указываются не номера, а страницы). Первую часть раздела составляет цикл больших безымянных гимнастических стихотворений; вторую — стихотворения с именами авторов (здесь же помещены две эклоги Немесиана); третью — книга эпиграмм Луксория, переведенная почти полностью; четвертую — анонимные произведения; пятую — посвятительные, надгробные и иные стихотворные надписи.

Хвала Солнцу. В «Салмазиевском сборнике» не сохранилось, но уцелело в родственном ему «Туановском» (IX в.). Две следующие «Хвалы» извлечены из различных рукописей IX—X вв. («Хвала Луне» приписана некоему Клавдию) и, по-видимому, принадлежат более позднему времени; напротив, два «Моления» принадлежат к числу самых ранних стихотворений этого раздела; слог их архаичен (стилизован под заклинания), хотя обращения вроде «величье ваше» выдают эпоху империи. В некоторых рукописях они примыкают к медицинскому трактату «О траве-буквице» Антония Музы, врача императора Августа, и даже прямо ему приписаны, но это — явный домысел переписчика.

Хвала Луне. *Систр — Кроткие тельцы* изображались запряженными в колесницу Луны.

Моление всем травам. *Та, кто вас творила* — Земля; *Блюститель врачеванья* — Аполлон-Пеон.

Ночное празднество Венеры. Автор этого знаменитого произведения неизвестен; в разное время оно приписывалось лирику Валерию Катуллу, его тезке мимографу Катуллу, философу Сенеке, Апулею, Аннию Флору, Вибию Флору, Тибериану, Флавиану, Сидонию Аполлинарию, Луксорию и, наконец, имитаторам

эпохи Возрождения. Столь же неудачны были попытки уточнить и время его написания, в частности определить, какой римский император подразумевается под «Цезарем» в ст. 74. Стихотворение построено как гимн для апрельского празднества в честь Венеры, справлявшегося в течение трех ночей; предполагаемое место действии — Сицилия (города Гибла и Энна, ст. 49—52). Вначале Венера изображается в обычном своем облике среди других богов (Делия, ст. 38 — Диана); затем (ст. 59) изображается в космическом масштабе рождение Венеры из пены морской; затем (ст. 63) она прославляется как «мировая душа» (пневма), проницающая все мироздание, согласно учению стоиков; затем (ст. 69) — как мать Энея (троянских внуков) и прародительница римского народа (*из Лаврента дева* — Лавиния, жена Энея; *Марсу даст из храма деву* — весталку Рею Сильвию, которая родит Ромула и Рема; *рамны* — одна из трех триб, на которые первоначально делились римляне; брак римлян и похищенных сабинянок описан у Ливия, I, 9); заканчивается стихотворение опять общей картиной весны и любви (Филомела — соловей, сестра ее — Прокна-ласточка, варвар-супруг Прокны, изнасиловавший и изуродовавший Филомелу, — фракийский Терей-удод; см.: *Овидий.* Метаморфозы, VI, 412—674); об Амиклах см. примеч. к Авсонию, «О преподавателях», 15.

Песня гребцов — редкая в античной поэзии стилизация трудовой песни. Кор (Портун) — римский бог портов и гаваней.

Приводим здесь «Ночное бдение в честь Венеры» в переводе А.В. Артюшкова и «Песню гребцов» в переводе С.П. Кондратьева.

НОЧНОЕ БДЕНИЕ В ЧЕСТЬ ВЕНЕРЫ

Вновь весна, весна певуча; самый пир весной рожден.
Дух весной к любви стремится, птицы любятся весной.
Роща листья распускает, в брак вступивши с ливнями,
И на свежие цветочки тень наводит зеленью.
Завтра, связь любви скрепляя, под тенистым деревом,
Завиток вплетая мирты в зелень гнезд уютных, даст
Завтра свой закон Диона, на высокий севши трон.
(*Припев*)

Завтра пусть полюбит каждый, кто любви не ведал пыл,
Кто изведал жар любовный, завтра пусть полюбит вновь.
Ведь сама богиня перлом весну красит яркую,
Ведь сама дыханьем ветра нежным грудь высокую
К ложу теплому толкает, и сама росы густой,
Что оставил воздух ночи, сыплет капли светлые;
Капля виснет легким шаром, задержав падение,
И, дрожа, сверкают слезы, на весу едва держась.
Вот и краска проступила и стыдливость выдала,
Влага, ясными ночами из светил росясь, она
Утром девы грудь откроет из-под платья влажного.
Всем сама велела девам-розам утром в брак вступать,
Создана Киприда кровью, ласкою Амуровой,
Из огней и из жемчужин и из красок солнечных;
Завтра дева огневой свой, под одеждой скрытый стыд
В ночь одну, найдя супруга, не стыдясь, отбросит прочь.
(*Припев*)
Завтра пусть полюбит каждый, кто любви не ведал пыл,
Кто изведал жар любовный, завтра пусть полюбит вновь.
Нимф сама богиня к роще посылает миртовой:
«Нимфы, в путь! Свой лук оставив, праздник празднует Амур».
Мальчик — спутник юным девам! Но никак не верится,
Что Амур от дел свободен, если стрелы он несет.
«Безоружным он отправлен, обнаженным послан он,
Чтоб ни луком, ни стрелою, ни огнем не мог вредить».
Опасайтесь все же, нимфы! Купидон весьма красив;
Как ни обнажай Амура, сильно он вооружен.
(*Припев*)
Завтра пусть полюбит каждый, кто любви не ведал пыл,
Кто изведал жар любовный, завтра пусть полюбит вновь.
С робостью к тебе такой же шлет Венера девушек.
Об одном тебя мы просим: лес оставь, о Делия!
Чтоб не знала роща крови, чтоб не убивалась дичь.

И сама б тебя хотела преклонить, суровую,
И сама прийти звала бы, если б можно девушке.
Ты видала б, как, три ночи хороводы празднуя,
Дружными идут толпами по твоим лесным тропам,
Увенчав себя цветами, между хижин миртовых.
С ними Вакх, Церера с ними, с ними и поэтов бог
Провести всю ночь желают в пении, не зная сна.
Пусть царит в лесах Диона, удались, о Делия!
(*Припев*)
Завтра пусть полюбит каждый, кто любви не ведал пыл,
Кто изведал жар любовный, завтра пусть полюбит вновь.
Трон велит цветами Гиблы окружить богиня весь;
Сев, сама издаст законы, в помощь будут Грации.
Гибла, высыпай цветы все, сколько принесла весна.
Гибла, под цветы ковер дай, равный полю Эннскому!
Будут сельские здесь нимфы или будут нимфы гор,
И леса кто населяет, рощи и источники —
Всем велит быть девам мать мальчика крылатого,
Но не доверять Амуру, даже безоружному.
(*Припев*)
Завтра день, когда впервые Небом установлен брак:
Чтоб отец весну весенним облаком создать всем мог,
В лоно дорогой супруги ливнем пролился супруг.
Понт тогда из крови вышней и из шара пенного
Между синими волнами, посреди морских коней
Произвел из вод Диону силой ливня брачного.
(*Припев*)
Ведь сама умом и телом правит Мать Великая,
Силою, внутри сокрытой, духом проницающим.
И сквозь небо, и сквозь землю, и сквозь водяную глубь
Ток, идущий непрерывно, напоила семенем
И через него велела миру знать рожденья путь.
(*Припев*)

Ведь сама троянских внуков в Лациум доставила,
Ведь сама женила сына на лаврентской девушке.
Скоро Марсу даст из храма девушку стыдливую,
Ромулову мать, чтоб внука породил от Цезаря,
Рамнов и Квиритов римских, для потомства позднего
Брак сама установила ромулов с сабинками.
(*Припев*)
Поле страстью тяжелеет и Венеру чувствует,
Сам Амур, дитя Дионы, говорят, землей рожден.
А сама при этих родах приняла его к груди
И среди цветов вскормила поцелуем сладостным.
(*Припев*)
Вот уже среди лужаек расправляют грудь быки,
И высматривает каждый брачный для себя союз.
Вот стада овец под тенью, с ними и самцы-мужья.
Не молчать и птицам певчим велено богинею,
Уж болота хриплым криком оглашают лебеди,
Вторит дева им Терея под тенистым тополем.
Верь, звучат любви порывы в музыкальном голосе,
Но не сестрин слышен ропот на супруга-варвара;
Та поет, а мы в молчанье. Мне ж когда придет весна?
Ласточкой когда я стану, чтобы перестать молчать?
Я сгубил молчаньем лиру, на меня не смотрит Феб.
Так молчавшие Амиклы предало молчание.

ПЕСНЯ ГРЕБЦОВ

Эй-я, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
Глуби морской властелин, улыбнувшись, радостный ликом,
Выровнял синюю гладь и дыхание бурь успокоил;
В долгом безветрии спят — не колышутся тяжкие волны.
Эй-я, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
От равномерных толчков пусть дрогнет корабль и помчится.
Неба улыбчива синь — и на море нам обещает
Ветром надуть чреватые наши ветрила.

Эй-я, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
Нос, как веселый дельфин, ныряй, рассекая пучину.
Глубь, застони под веслом и вставай на руках, подымаясь,
Борозды пенные пусть расходятся долго кругами.
Эй-я, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
Дышит над далями Кор, позовем его нашим: Эй-я!
Светлое море у нас под кормою запенится: Эй-я!
Гулкими стонами нам побережье откликнется: Эй-я!

Флорентин. Похвала царю Фрасамунду. Восхваляются Карфаген и новопостроенная загородная царская резиденция Алианы. Асдинги — вандальский царский род, идущий от королей Рава и Рапта, воевавших еще с Марком Аврелием; по нему асдингами называлась часть всего вандальского народа. Для прославления упоминаются драгоценные камни Парфии (главным образом афганский лазурит); золото малоазиатской реки Пактола (он стал золотоносным будто бы после того, как в нем вымыл руки царь Мидас, прикосновением все превращавший в золото), и китайский шелк, по которому римляне только и знали о Китае (в финикийский пурпур, добываемый из моллюсков-червцов, его окрашивали уже в Римской империи).

Пентадий. Судьба (Р. 234, Б. 408). Прокна — сестра Филомелы, супруга Терея и мать Итиса. Мстя Терею за бесчестье своей сестры, Прокна убила своего сына Итиса и накормила его мясом отца — Терея. См. *Овидий.* Метаморфозы, кн. VI, ст. 412—674. Колхидянка — обычно эпитет Медеи, дочери колхидского царя Эета, которая помогла Ясону завладеть золотым руном, но, обманутая им, убила свою соперницу Главку (послала ей волшебное платье, от которого та сгорела заживо). Эвридика — жена поэта и певца Орфея, умершая от укуса змеи. Орфей упросил Плутона отпустить ее на землю, но так как Орфей, нарушив запрет, оглянулся, то потерял Эвридику, которой пришлось вернуться в Аид. Фисба — вавилонская девушка, возлюбленная юноши Пирама (античные Ромео и Джульетта). Трагическую историю их любви и смерти см. у Овидия (Метаморфозы, кн. IV, ст. 55—166).

«Плоды» — плоды шелковицы. Дедал — букв. «художник» (*греч.*). Отец Икара, улетевшего с отцом с Крита на изобретенных Дедалом крыльях, но упавшего в море и утонувшего в нем. См. *Овидий.* Метаморфозы, кн. VIII, ст. 152—235. «С даром Палладиным...» — т.е. упавшим с неба в Трою изображением Паллады — залогом безопасности города Трои. Троя пала, когда Палладий был похищен Одиссеем и Диомедом. Фригийцы — троянцы. Леда — жена царя Спарты Тиндарея, возлюбленная Юпитера, принявшего облик лебедя. Мать Елены и братьев-Диоскуров — Кастора и Полидевка. Бусирид — царь Египта; приносил в жертву прибывавших к нему чужеземцев, был убит Гераклом. Ипполит — сын Тесея и Ипполиты, проклятый отцом из-за козней мачехи Федры и погибший от испуганных Нептуном коней. См. *Овидий.* Метаморфозы, кн. XV, ст. 479—551. Критянка — Ариадна, дочь Миноса и Пасифаи; помогла Тесею выйти из Критского лабиринта. Покинутая им спящей на о-ве Наксосе, «радость на небе нашла», став супругой Диониса и помещенная впоследствие среди звезд (созвездие Северной Короны). Фрикс и Гелла — брат к сестра, бежавшие от злой мачехи Ино на золоторунном баране, с которого Гелла упала в море, названное в ее честь Геллеспонтом. Танталида — Ниоба, дочь Тантала, мать многих детей, убитых Аполлоном и Артемидой за оскорбление Ниобой их матери Латоны. См. *Овидий.* Метаморфозы, кн. VI, ст. 146—312. Пелид — Ахилл, сын Пелея, ранивший своим копьем Телефа, которому оракул предсказал, что его незаживающую рану вылечит тот, кто ее нанес, и тем, чем нанес. Ахилл исцелил рану ржавчиной своего копья.

Наступление весны. Элегические дистихи, в которых первое полустишие гексаметра повторяется во втором полустишии пентаметра, назывались «эхоическими», «эпаналептическими» или «змеиными»; самый ранний пример их — начальное двустишие элегии I, 9 у Овидия: «Всякий влюбленный — солдат, и есть у Амура свой лагерь; // В этом мне, Аттик, поверь: всякий влюбленный — солдат...»

Приводим перевод этого «змеиного» стихотворения, сделанный В.Я. Брюсовым:

О ПРИБЛИЖЕНИИ ВЕСНЫ

Да, убегает зима! Оживляют землю зефиры,
Эвр согревает дожди. Да, убегает зима!
Всюду чреваты поля; жары предчувствует почва.
Всходами новых семян всюду чреваты поля.
Весело пухнут луга, листвой оделись деревья.
По открытым долам весело пухнут луга.
Плач Филомелы звучит; преступной матери пенье,
Сына отдавшей во снедь, плач Филомелы звучит.
Буйство потока в горах стремится по вымытым камням,
И недалеко гудит буйство потока в горах.
Тысячи тысяч цветов творит дыханье Авроры,
Дышат во глуби долин тысячи тысяч цветов.
Стонет в ущельях пустых овечьим блеянием эхо.
Звук, отраженный скалой, стонет в ущельях пустых.
Вьется младой виноград меж двух посаженный вязов,
Вверх по тростинке лозой вьется младой виноград.
Клеит под крышей опять говорливая ласточка утром.
Строя на лето гнездо, клеит под крышей опять.
Где зеленеет платан, в тени, услаждает дремота;
Надевают венки, где зеленеет платан.
Сладко теперь умереть! Нити жизни, сорвитеся с прялки!
В милых объятьях любви сладко теперь умереть!

Нарцисс. «Нарцисс почитался сыном потока Кефиса и нимфы Лириопы. Влюблена в него была Эхо, которую Пентадий называет Дриадой» (примеч. В. Брюсова).

Могила Ацида. Принадлежность Пентадию сомнительна. «Ацид — река в Сицилии, у подножья Этны, названная, по мифу, в память сына Фавна, любовника Галатеи, убитого циклопом» (примеч. В. Брюсова).

Хрисокома. Двустишие «замечательно необыкновенной сжатостью речи. Некая Хрисокома (т.е. «златовласая») была обвинена в неверности мужем, который в гневе едва ее не убил. Тогда

Хрисокома отдалась тому судье, который должен был ее судить. Судья оправдал преступницу, так как сам был соучастником преступления. Этот анекдот втиснут Пентадием в пределы одного двустишия, которое требует от читателя острого внимания и умения понимать намеки» (примеч. В. Брюсова).

О женской верности. Кроме Пентадия эта эпиграмма приписывалась также оратору Цицерону, его брату Квинту, Петронию, Авсонию и Порфирию Оптациану.

Модестин. Спящий Амур. Каждая из десяти жертв любви (см. выше примеч. к Авсонию, «Распятый Купидон» и др.), предлагая казнь, напоминает о собственной участи.

Галлиен. Эпиталамий. «Галлиен славился как оратор, как поэт и отличался во всех искусствах», — писал биограф этого императора Требеллий Поллион (II, 6—7) и в виде иллюстрации приводит первые три строки настоящего отрывка из эпиталамия на свадьбу своих племянников; эти три стиха переведены В. Брюсовым, два других (из «Салмазиевского сборника») дополнены М. Гаспаровым.

Октавиан. Эпиталамий. Автор, по-видимому, — «светлейший Октавиан, юноша 16 лет, сын превосходительного мужа Констанция, автор предыдущего стихотворения в «Салмазиевском сборнике»; Беренс считал его составителем всего сборника. Второе стихотворение в рукописях приписывается Октавиану Августу, но это явный домысел средневекового переписчика (хотя Август в юности, по свидетельству Светония, действительно писал стихи).

Коронат. Курица с начинкой. Медея убила детей, чтобы отомстить своему мужу, аргонавту Ясону, бросившему ее; Прокна убила сына и накормила его телом своего мужа, фракийского царя Терея, за то, что он изнасиловал ее сестру Филомелу, и за этот грех все трое были обращены в птиц (дополнительная ассоциация с кулинарной темой стихотворения).

Стихи на Вергилиевы слова. «Жив еще я...» — «Энеида», III, 315: Эней, высадившись в Эпире, встречает там Андромаху, она изумленно спрашивает его: «Ты жив?..», и он отвечает ей только этим стихом. Стихи Короната — риторическое упражнение: развернуть этот стих в целый монолог.

Региан. Купанья в Байях. О горячих Байских источниках близ Неаполя в «Латинской Антологии» содержится более десятка эпиграмм (ср. ниже, «Безымянные поэты»); эта — одна из лучших.

Феликс. Алианские термы. См. *Флорентин.* Похвала царю Фрасамунду.

Репосиан. Любовь Марса и Венеры. Знаменитый сюжет, восходящий к Гомеру («Одиссея», VIII, 266—366), но вынесение действия в подробно описываемое пейзажное окружение — дело поздней эпохи (ср. предыдущее стихотворение). Библ (ст. 36; отсюда нимфы Библиады, ст. 90) — финикийский город, где Афродита чтилась как семитическая Астарта. Маворс (ст. 96) — архаическая форма имени Марса. Циклопическое пламя (ст. 29) в Этнейских недрах (ст. 163) — кузница Вулкана. Дочь Феба (ст. 182) — Пасифая, которую Венера накажет любовью к быку.

Алким. О Гомере и Вергилии. Второе стихотворение — парафраз суждения Квинтилиана, X, 1, 86: «второй (после Гомера) Вергилий, но ближе к первому месту, чем к третьему».

Вариации двенадцати мудрецов. Это — своеобразный поэтический турнир, в котором каждый из 12 участников писал стихи на 12 тем. В первом туре каждый писал по моностиху «Об игре в зернь», в котором должно было быть по шести слов из шести букв (по числу граней у игральной кости). Второй тур представляют собой приводимые эпитафии Вергилия (образец их — эпитафия, с давних времен приписывавшаяся самому Вергилию; у калабров — в Брундизии, в Парфенопее — в Неаполе, пастбища, села, вожди — 4 темы «Буколик», «Георгик», «Энеиды»). В третьем туре каждый писал по двустишию «О воде и зеркале»; в четвертом — о замерзшей воде; в пятом — по трехстишию о радуге; в шестом — опять эпитафию Вергилия, но уже в четверостишиях; в седьмом туре каждый писал по четверостишию о четырех временах года («тема» — из описания дворца Солнца в «Метаморфозах» Овидия), в восьмом — о заре и солнце; в девятом излагал в пяти стихах содержание одной из 12 книг «Энеиды»; в десятом писал шестистишие на смерть Цицерона; в одиннадцатом — о двенадцати знаках зодиака; и, наконец, в последнем — стихи произвольной длины на произвольные темы, также приво-

димые здесь. Менетиад — Патрокл, Эакид — Ахилл. Буква «Y» считалась аллегорическим изображением выбора жизненного пути у пифагорейцев. Давнов сын в IX книге «Энеиды» — Турн, Ливор — болезнь, не поддающаяся отождествлению; Катамит — Ганимед, небесный кравчий; дети Феба — Асклепий-Эскулап. Фимела — алтарь посреди театра, в переносном смысле — театр.

Веспа. Прение пекаря с поваром. Наряду с «Войной мышей и лягушек» это — один из немногих уцелевших образцов античной пародии. Стихотворение дошло в сильно испорченном виде, перевод отдельных стихов предположителен. Ст. 16—20. О предновогодних Сатурналиях см. примеч. к «Загадкам Симфосия». Ст. 28. Имеются в виду хлеба, служившие спутникам Энея вместо столов и съеденные ими по прибытии в Италию (знамение, описанное в «Энеиде», VII). Ст. 32. Имя Цереал («принадлежащий Церере») и название кампанского города Песта (в подлиннике каламбур иной) должны указывать на пекарские и кондитерские таланты носителя этого имени; Цереалом звали известного полководца времен Веспасиана, отсюда «военная» метафора предыдущих стихов. Ст. 40. Янусу в день Нового года приносились в жертву медовые печенья; лепешки на сусле раздавались присутствующим на свадьбах. Ст. 52. Речь идет о том, как Атрей накормил своего брата Фиеста мясом его детей (и Солнце в ужасе прекратило свой путь по небу), а Прокна с Филомелой накормили Терея мясом его сына (см. примеч. к «Ночному празднеству Венеры»). Ст. 67—69. Бромий — имя Вакха, Килидона (от этолийского города) — Дианы; Юнонина птица — павлин. Ст. 75. Ромб — греческое название камбалы. Ст. 82. О галлах, жрецах Кибелы, см. примеч. к «Похищению Прозерпины», II, 208 (в подлиннике — игра слов: «gallus» по-латыни также «петух»). Ст. 84—94. Намеки на младенца Эдипа с проколотыми ногами, орла и коршунов, клевавших печень Прометею и Титию, обезглавленного матерью-вакханкой (ср. выше ст. 77) Пенфея, обращенного в оленя Актеона, вепреубийцу Мелеагра, омоложенного Медеей перед Пелием барана, перебитых Аянтом быков, струны Орфея, силу Леандра-пловца, многодетность Ниобы, пернатые стрелы Филоктета, золотой дождь, под видом которого Юпитер проник к Данае, и т.д. Мульцибер («плавильщик») — имя Вулкана.

Флор. О том, какова жизнь. Рифмовка первого четверостишия внесена Брюсовым, но аллитерация в конце его воспроизводит аллитерацию оригинала.

Эпиграмма Флора на императора Адриана и ответ императора Адриана Флору сохранены Спартианом в биографии Адриана, 1В, 3—4.

Стихотворение Тибериана «Ручей» переводил еще В.Я. Брюсов. Приводим его перевод.

ТИБЕРИАН

РУЧЕЙ

Между трав поток катился, дол прохладой наполнял,
Голышей смеясь сверканьем, убран зеленью цветов;
А синеющие лавры, мирты темные над ним
Ветерок качал тихонько сладострастным языком.
У подножий дерн приятный пышным цветом расцветал,
И земля алела кроком и белела в лилиях,
Благовонием фиалок целый лес благоухал.
Между тех даров весенних, драгоценных благостынь,
Ароматов всех царица, светоносица цветов,
Возносила (лик Дионы) роза — злато лепестков.
Лес росистый поднимался над увлажненной травой,
Из ключей журчали частых, здесь и дальше, ручейки,
Что в томительном теченье, светлоструйные, лились.
Мох окутывал пещеры, а внутри — зеленый плющ.
В этой тени рой пернатых, сладкогласней, чем ты мнишь,
В песнях вешних разливался или в сладких рокотах;
Здесь журчащий ропот речи согласован был с листвой,
Чьи воздушные напевы Муса Зефира влекла.
И того, кто шел сквозь зелень, аромат и музыку,
Упояли — птицы, речка, воздух, роща, тень, цветы!

Сульпиций Луперк. О жадности. Эрифила — супруга Амфиарая и мать Алкмеона, убитая им (или несколькими своими сыновьями), так как, получив в подарок ожерелье Гармонии, уговорила мужа принять участие в походе против Фив, в котором он и погиб. «Акрисийская дева» — Даная, дочь царя Аргоса Акрисия, которую Зевс соблазнил, пролившись в нее в виде золотого дождя.

Катон. Девять Муз. Один из самых популярных в Средние века и Новое время «запоминательных стихов»; на русский язык его перевел еще Тредиаковский (в «Аргениде»: «Клиа разны бытия в память предает, поя...»). В большинстве рукописей стихи анонимны, в двух приписаны Катону-философу (автору «Дистихов Катона»?). Печатались в старых изданиях Авсония. Любопытно, что Полигимния, древняя муза священных песен, представлена здесь как муза позднего искусства — пантомимы.

III. Эпиграммы Луксория. Они составляют отдельную книгу в «Латинской Антологии»: 89 эпиграмм следуют подряд (Р. 287—376, Б. 441—529) и два стихотворения — «О царской приемной комнате в Анклах» (Р. 203, Б. 382) и эпиталамий-центон некоему Фриду — помещены в других разделах. Перевод (и нумерация) по изд.: *Rosenblum M.* Luxorius: a poet among the Vandal. Columbia UP, 1961.

1. Адресат ближе неизвестен; посвящение, обращенное к будущему издателю, — редкость в античной поэзии. Размер стихотворения, «фалекиев 11-сложник», традиционный в посвящениях (ср. стихотворение Авсония к Дрепанию), как бы открывает здесь парад версификаторского искусства на стихах разных размеров (2 — ямб, 3 — асклепиадов стих, 5 — трохаический «квадратный стих», 6 — «Архилохов» элегиямб, 8 — сапфический стих, 13 — вариант «анапестического» стиха, 19 — ямбэлег, 23 — анакреонтов стих); указания на эти размеры есть в подзаголовках рукописи, но подлинность этих подзаголовков ненадежна.

3. Традиция обращений к своей книге восходит к Горацию («Послания», I, 20) и Овидию («Скорбные элегии», I, 1); ср.: Марциал, III, 2 и др. Книгохранилища пышного форума — публичные библиотеки.

4. Стихотворение развивает каллимаховскую тему «большая книга — большое зло», не раз обыгранную и Марциалом (I, 45; II, 1; IV, 29, 82; VIII, 24; X, 1 и др.).

5. Рыбные садки появились у римлян с I в. до н.э. и были заимствованы с Востока. Ср. о них: Марциал, IV, 30 и X, 30.

6. Триклиний — обеденный покой в богатом доме. Венере вепрь как убийца Адониса считался особенно ненавистен.

7. По-видимому, возница — эфиоп, как мифический Мемнон, сын Зари, убитый Ахиллом.

13. Речь идет о неудачливом нищем, который крадет поминальные жертвоприношения, выставленные на кладбищах у могил, — практика, упоминаемая еще Теренцием («Евнух», 491) и Катуллом (59, 2—5).

14. Соколиная охота в античности засвидетельствована Марциалом (охотничий сокол как подарок в XIV, 216) и поэтами V в., но распространена была мало.

17. Диаконы первоначально были служителями при христианских трапезах-агапах («К Тимофею», I, 3, 8: «диаконы также должны быть честны... не пристрастны к вину...»), но к VI в. уже стали помощниками при епископах.

19. Фридамал (имя германское) ближе неизвестен. Тема перекликается с эпиграммами 5 и 6.

21. Скрюченный (incurvus) — неясно, собственное это имя или описательное. «Удалец!» — в подлиннике германское слово «baudus».

22. Юпитеры есть — намек на мифы о Данае, Алкмене и пр.

24. «Плясать Андромаху» и т.п. — техническое выражение в искусстве пантомимы. Ферсит был в античной поэзии воплощением всякого уродства, хотя низкий рост его в «Илиаде» и не упоминается.

28. Смысл концовки: «смотри же недобрым взглядом сам на себя, чтобы сглазить!»

32. Ликаон — имя мифического аркадского царя, обращенного в волка; здесь применено к человеку, который, по обычаю, охотно обличаемому моралистами, днем спит, а ночью распутствует (*Сенека*. Письма, 122, 2: «Есть и в нашем городе антиподы, которые, как говорит Марк Катон, не видали ни восхода, ни заката»).

36. Текст темный, перевод по интерпретации Розенблюма.

40. В более раннюю эпоху хозяин давал гостям (обычно клиентам) подарки — предмет XIII—XIV книг Марциала; здесь, у Блумарита (имя германское), этот обычай превращается в противоположный, вроде складчины, и Луксорий жалуется на ее неравномерность.

42. Йектофиан (имя, более нигде не встречающееся) сравнивается с Пелопом, сыном Тантала, победившим в колесничном беге царя Эномая и основавшим Олимпийские игры. Цирковые партии «зеленых» и «синих» появились в Риме в I в. и распространились по всем провинциям империи.

43. ...негритянка... скифской девицы... — В подлиннике названы девицы «из гарамантов» (ливийское племя) и «с Понта».

44. Тема с ее политико-аллегорическим истолкованием задана Марциалом, I, 184, 21—22 и «Зрелища», 10, 5—6.

46. Евгеций — может быть, греко-латинизированное германское имя Оагейса, упоминаемого в эпиграмме 59. Ацидальские... девы — Грации, спутницы Венеры, вместе с нею купающиеся в источнике Ацидалии близ беотийского Орхомена. Амом — ароматическое растение, из которого приготовлялся ценный бальзам. Тирские города — города Карфагенской Африки, по большей части — колонии финикиян.

47. Ватанант — германское имя, более не встречающееся. «Игра мудрецов» — название игры в нарды на маленькой доске особой формы.

48—49. Изображений, в точности соответствующих описанию Луксория, не сохранилось; по-видимому, оно было выполнено в очень примитивно-архаическом стиле. Глаз как магический символ — частый мотив в античной (и не только античной) орнаментике.

55. Имя Евтих («благодольный») — перевод латинского имени «Бонифатий», которое действительно носил придворный царя Гелимера, впоследствии его казначей, в войне с Велисарием присвоивший царскую казну и перешедший на сторону императора.

57. Имеется ли в виду во 2 ст. птица феникс или старый Феникс, дядька Ахилла, неясно.

58. О вороне и слоне ср. примеч. к Авсонию, «Гриф», 11—17.

59. Оагейс (в греческой транскрипции Прокопия — Эвагей) — родственник короля Хильдерика, вместе с ним заточенный в тюрьму свергнувшим его в 530 г. Гелимером и казненный через три года. Стихотворение, несомненно, написано еще до 530 г., но о какой победе (над маврами?) идет речь в конце стихотворения, неясно.

64. Ст. 9—10 и 13—14 — вставки (переписчика?) из стихотворения Клавдиана о реке Апоне.

69. Ср. эпиграмму «Латинской Антологии» (Р. 98), первый стих которой переводит знаменитое греческое описание этого чудовища:

Передом лев, и задом дракон, и козел серединой,
Из триединых уст зверь выдыхает огонь.

72. Борода и нестриженые волосы считались обычным атрибутом сурового философа-аскета. Инкуб-давитель: первоначально это слово означало домового, сторожащего сокровище (Петроний, 38, 8), потом эти духи стали упоминаться рядом с фавнами и сатирами (так у ранних христианских писателей), на них было перенесено стихийное сладострастие последних, и в средневековой демонологии инкубами стали называться дьяволы, в мужском облике совокупляющиеся с ведьмами.

73. Классические образцы стихотворений такого рода: Катулл, 3 — о воробье; Марциал, I, 109 — о собачке; Стаций, «Сильвы», II, 4 — о попугае; ср. ниже эпитафию собачки Мушки.

74. Под «барсами» имеются в виду гепарды, до сих пор приручаемые для охоты в Индии. Охотник, приручивший их, сравнивается с Вакхом, часто изображавшимся как покоритель Индии в колеснице, запряженной смиренными хищниками (правда, обычно не рысями, а тиграми или пантерами).

81. Потеющие статуи часто упоминаются античными историками как знамения предстоящих бедствий, но никаких упоминаний о статуях Гектора и Ахилла в Илионе поздних веков не имеется; скорее всего, перед нами художественный вымысел.

82. Имя Марина — семитическое (и значит «госпожа»), но в латинской народной этимологии рано осмыслилось как «мор-

ская»; отсюда и шутка с намеком на рождение Венеры из морской пены. Иное, более натянутое понимание этой эпиграммы принято в переводе В. Брюсова (сб. «Erotopaegnia», 1917).

83. Об Оагейсе см. выше, к эпигр. 59. Такое лекарственное садоводство имело давнюю античную традицию и продолжалось в средние века при монастырских больницах.

86. Имеется в виду колокассий («египетский арум»), водяное растение с огромными листьями, употребляемое в пищу. В домашних условиях могли расти, конечно, лишь карликовые экземпляры.

89. Кошки были новомодными ручными животными в эпоху Луксория; лишь к IV в. они распространились (из Египта) по Средиземноморью, а до того у греков и римлян для ловли мышей употреблялись ласки.

90. Анклы (Аклы, по написанию Прокопия) — пригород Карфагена. По-видимому, конец описания не .сохранился; последние две строки в «Салмазиевской рукописи» отсутствуют и дошли лишь в других списках.

IV. ЗАГАДКИ СИМФОСИЯ

Перевод — по тексту «Латинской Антологии» (см. ниже), Р. 286, Б. 440. Об авторе «Загадок», Симфосии-схоластике, ничего не известно; техника его стиха и стиля указывает на то, что писал он не позднее IV — начала V в. В рукописях сохранились следы того, что эти «Загадки» приписывались когда-то Лактанцию, отцу церкви начала IV в., но такое авторство маловероятно. Кроме основных рукописей «Латинской Антологии» сочинение переписывалось и отдельно, с некоторыми вариантами; из него заимствованы загадки, вошедшие в сказочную «Историю Аполлония Тирского» нач. VI в. (на сюжет будущего Шекспирова «Перикла»), им пользовался в VII в. Альдхельм, сочиняя свои собственные «Загадки».

Вступление. В большинстве списков вступление открывается двумя стихами, которых в «Салмазиевской рукописи» нет:

Вот как я, Симфосий, резвился с нескладною песней;
Ты же, Секст, мне наставником был и учил забываться.

Секст — лицо неизвестное, и двустишие скорее всего представляет собой интерполяцию. Вступление описывает зимний праздник солнцеворота, Сатурналии, когда дозволялись любые карнавальные вольности. *Ведь неразумно казаться разумным...* — реминисценция из Горация, «Сатиры», II, 3, 40.

1. Грифель, или стиль, представлял собой палочку, острую с одного конца и закругленную с другого: острым концом писали на воске, закругленным стирали ошибочно написанное.

2. Тростник дружен с... — богом Паном, так как из него изготовляются свирели-сиринги (Сирингой звали нимфу — возлюбленную Пана, обратившуюся в тростник), и несет помощь языку как перо для письма на папирусе и пергаменте.

3. Вариант чтения ст. 2: «Тот свободным рожден, кто носит подобное бремя». Перстень был знаком принадлежности к привилегированному всадническому сословию.

9. Учение о круговороте воды в природе было знакомо античным физикам.

15. Общим убеждением в Античности было, что гадюка, рождаясь, прогрызает утробу матери и умерщвляет ее; этот образ охотно использовался моралистами.

17. В паука считалась превращенной пряха Арахна, состязавшаяся в искусстве с самой Минервой (*Овидий.* Метаморфозы, VI, 1—145).

18. Смысл третьего стиха темен, перевод — условный (по поведению улиток можно гадать о погоде?).

20. Панцирь черепахи служил материалом для инкрустаций (двери и ложа с черепаховыми украшениями упоминаются у Вергилия и Марциала) и для резонаторов у лир («петь я могу...»).

23. ...и мнимого ветра — т.е. взмаха руки или опахала: неуклюже-изысканная перифраза в подлиннике.

24. ...имя мое многосложно... — по-видимому, намек на то, что латинское название хлебного червя — curculio (с народной этимологией из gurges — «прорва» и gula — «глотка») — слишком громоздко для такого маленького существа.

26. Игра слов: «Мус» (мышь) было потомственным прозвищем в древнем консульском роде Дециев.

26. Буква... небес... — «потому что строй журавлей в воздухе имеет форму буквы» (примечание в средневековой рукописи).

Тот же образ — у Клавдиана, «Гильдонова война», 476—477. Далее речь идет о сказочных войнах журавлей с пигмеями, упоминаемых еще Гомером.

30. Одна из древнейших античных загадок: по преданию, ее загадали рыбаки проходившему мимо старому Гомеру, и он умер от стыда, что не смог ее разгадать.

32. Обыгрываются три значения слова «тавр»: «бык», горный хребет в Малой Азии и созвездие Тельца.

35. Мифическая коза Амалфея вскормила своим молоком младенца Зевса-Юпитера, скрываемого от отца его Кроноса-Сатурна.

36. «Orcus» (Орк) — латинское имя бога Аида, созвучное слову «porcus» — «свинья».

38. По народной этимологии, зверь и река Тигр носят одинаковое имя, потому что оба очень быстры. О распространенном поверье, что тигрица беременеет от ветра Зефира, ср.: *Клавдиан.* Похищение Прозерпины, III, 266; *Вергилий.* Георгики, III, 273, рассказывает то же о лузитанских кобылицах.

42. Название свеклы — «beta» — созвучно второй букве греческого алфавита.

43. Имеется в виду «комнатная тыква», которую выращивали «в двух пядях над землей» (Палладий) и подставляли под нее воду.

46. *Нет в ростке моем пагуб...* — выражение неясное (нет в растении яда — нет на стебле шипов?).

48. О мирре см. примеч. к Авсонию, «Распятый Купидон».

50. О халибах см. примеч. к Клавдиану, «Разные стихотворения», 29.

53. *...мила мне супружняя доля.* — Лоза и обвиваемый ею древесный ствол в античной поэзии считались символом супружества.

59. Мячи в Греции и Риме употреблялись кожаные и набитые волосом.

64. Намек на знаменитую сцену в I книге «Энеиды», где Нептун, встряхнув трезубцем, усмиряет ветры, породившие морскую бурю.

67. Фонарь в виде светильника, прикрытого прозрачным рогом, упоминается еще в «Амфитрионе» Плавта (341); ср.: Марциал, XIV, 61.

70. Клепсидра — водяные часы, применявшиеся в суде для регламентации выступлений ораторов.

74. Девкалион — герой греческого мифа о потопе, после которого он и жена его Пирра создали новый человеческий род из оживленных ими камней. Логогриф последнего стиха передает аналогичный логогриф подлинника («lapis» — «камень», «apis» — «пчела»).

76—76а. Загадка о кремне сохранилась в двух вариантах, в «Салмазиевской рукописи» оба помещены рядом.

82. Тройной напиток — «кондит», приготовлявшийся из меда, вина и перца.

84. Эпиграмма о яблоке переведена по контаминации наиболее легких из сильно расходящихся вариантов; в других обыгрываются разные значения слова «malum» (как в послании Авсония к Феону), переводу не поддающиеся. Красавец (ст. 1) — или Парис, или Аконтий, бросивший Кидиппе яблоко с написанной на нем клятвой в любви (тема стихотворений Каллимаха и Овидня).

85. Родовое имя Порциев Катонов было «созвучно» слову «porcus» — «свинья».

89. Имеется в виду баня с «центральным отоплением» (см. примеч. к «Морелле», 337—340).

93. *Шесть было ног подо мной...* — очевидно, ноги коня и всадника; часть рукописей дает чтение: «Пять было ног у меня...», остающееся малопонятным (пятифутовый рост как минимум для римского солдата — ?).

94. Луковицы назывались по-латынн «головками», «capita», это тема древнейшей в римской истории игры слов: когда легендарный Нума Помпилий договаривался с божеством о жертвоприношениях и бог потребовал «голов», т.е. человеческих жертв, то Нума подменил их головками лука.

96. Загадка отсутствует в лучших рукописях и по типу является средневековой школьной загадкой-шуткой, интерполированной в сборник Симфосия на место пробела. Если буквы латинского слова «octo» (восемь) написать прямыми линиями, то таких линий понадобится 13; если отнять первые две буквы, то отнимутся 7 линий и останутся 6. Применительно к русскому языку загадку можно переделать: «Семь предо мною; но вот из

семи отнимаю я восемь, а остаются все те же семь, ни больше ни меньше» (слово «семь» изобразить 15 прямыми линиями, отнять последние две буквы, и тогда отнимутся 8 линий и останутся 7). Есть и другие толкования, более сложные (основанные на условных знаках традиционного «счета на пальцах» и пр.).

V. БЕЗЫМЯННЫЕ ПОЭТЫ

Изречения семи мудрецов

Каждое из семи стихотворений написано новым размером: гексаметром, ямбическим триметром, малым асклепиадовым стихом, фалекием, трохаическим тетраметром, хориямбом и пентаметром.

Богатство и счастье. Блаженство простоты. Тщета дружбы. Эпитафия Помпеям. Эпитафия Катону. Город Афины. Бессмертие поэзии. Оправдание скромных стихов. Молчание в любви. Начало и конец любви. Звон в ушах. К ревнивице. Любимый мальчик. Эти эпиграммы соседствуют в рукописях с некоторыми эпиграммами Сенеки (I в.), и поэтому Беренс считал возможным все их приписать Сенеке, но поддержки эта гипотеза не получила. «Оправдание скромных стихов» — отречение от традиционных мифологических тем, характерное для римских сатириков и Марциала; перечисляются эпизоды Троянской войны (гибель Гектора, а потом амазонки Пенфесилеи от руки Ахилла; самоубийство Аякса после того, как ему не были присуждены доспехи павшего Ахилла), подвигов Геракла (укрощение коней-людоедов фракийского царя Диомеда), подвигов Пелопа (который состязался в колесничном беге с злым царем Эномаем и победил, уговорив царского возницу вынуть втулку из оси царской колесницы-квадриги). «Город Афины» назван «кекропическим» по имени древнейшего царя Кекропа, при котором за покровительство Афинам и Аттике спорили боги Посейдон и Афина, но победила Афина; далее упоминаемые Микены (близ Аргоса), древняя столица Агамемнона Атрида, разорителя Трои, были покинуты жителями и лежали в развалинах уже в начале нашей эры (при Страбоне).

Варварские пиршества. Стихотворение из Африки с редким для латинской поэзии вкраплением германских (исковерканных)

слов; в переводе первая строка звучала бы: «Здесь, между готским “Привет!” и “Ну-ка закусим и выпьем!..”» Три стиха гексаметра и заключительный пентаметр — редкая (простонародная) стихотворная форма, явно выбранная затем, чтобы подчеркнуть содержание стихотворения. Впрочем, и Ризе и Беренс склонны разделять это стихотворение на два самостоятельных двустишия.

Вопрос и ответ. Первое двустишие в рукописях приписывается поэту Варрону Атацинскому, современнику поражения Помпея и Катона Младшего в гражданской войне против Цезаря (49—46 гг. до н.э.); Лицин — лицо неизвестное. Второе двустишие — позднейшая приписка в одной из рукописей.

Эпитафия Помпеям. Гней Помпей Великий погиб в 48 г. до н.э. в Египте, где пытался спастись от преследования Цезаря; старший сын его Гней — в 45 г. до н.э. в битве с Цезарем при Мунде в Испании; второй сын Секст — в 35 г. до н. э. в Малой Азии, куда он бежал после морского поражения от Октавиана и Агриппы.

Эпитафия Катону. Катон Младший (Утический) покончил жизнь самоубийством после поражения от Цезаря при Тапсе в 46 г. до н.э. «Могила Зевса», действительно, была предметом редкого культа на Крите.

Эпитафия Лукану. Первые два стиха имитируют знаменитую автоэпитафию Вергилия, остальные содержат очень точную характеристику риторического стиля «Фарсалии» — поэмы.

«О поэме Лукана». Обращение к Мантуе, родине Вергилия. Фессалия — греческая область, где разыгралась битва при Фарсале, решающая в войне Цезаря и Помпея; по ней названа поэма Лукана.

Эпитафия Сенеке. Сенека после нескольких лет отречения от политики и философского уединения покончил с собой по приказу Нерона в 65 г. н.э.

Эпитафия Теренцию. Предположительно приписывается Сульпицию Аполлинарию из Карфагена (земляку Теренция), грамматику II в., от которого сохранились стихотворные вступления-конспекты к комедиям Теренция и книгам Вергилия.

Эпитафия мима Виталиса. Мим этот ближе неизвестен; переписчики считали его сыном «Катона», автора знаменитых «Дистихов», и в некоторых рукописях это стихотворение помещено как приложение к «Дистихам».

Эпитафия мальчику-христианину. Эфеб (*греч.*) — юноша от 16 до 20 лет.

Эпитафия поэта. Эту эпиграмму любил вспоминать Августин (*Поссидий.* Жизнь Августина, 31).

Бессмертие поэзии. Вдоль подгородных дорог (в подлиннике названа знаменитая Аппиева дорога из Рима в Капую) обычно располагались могилы и памятники. Мавзолей — александрийский, где Клеопатра погребла Антония и покончила с собой.

«О бронзовых конях». Видимо, изваяние Солнца на небесной колеснице.

Телеф. Эпизод из предыстории Троянской войны: поплыв в первый раз на Трою, греки заблудились и причалили к Малой Азии южнее, там, где было царство Телефа, сына Геракла, из всех Геракловых сыновей наиболее похожего на отца. Телеф был ранен копьем Ахилла, а потом исцелен ржавчиной с этого копья: из благодарности он стал проводником греков во втором, успешном, плавании их на Трою. «Ранивший — исцелит» стало поговоркой.

Мемнон. Эпизод из последних битв Троянской войны: царь эфиопов Мемнон, сын богини Зари (Эос-Авроры), пришел на помощь троянцам и сошелся в бою с Ахиллом, тоже сыном богини; Мемнон пал и стал статуей в Египте, поющей при восходе матери-Зари.

Похвала Ксерксу. Ксеркс — персидский царь, в 480 г. до н.э. предпринявший поход на Грецию (победа при Фермопилах, поражение при Саламине). На потомков наибольшее впечатление производило то, что на своем пути он обратил сушу в море и море в сушу: перекинул для своего войска наплавной мост через Геллеспонт (Дарданеллы) и перекопал каналом перешеек, чтобы не вести флот вокруг опасных скал горы Афон. «*Небеса затмеваются...*» — имеется в виду знаменитый диалог персидских послов с спартанским царем перед Фермопилами: «Сложи оружие». — «Приди и возьми». — «Безумец, наши стрелы закроют солнце». — «Тем лучше, мы будем сражаться в тени».

Муций Сцевола. Сцевола сжег свою руку, будучи схвачен в стане предводителя своих врагов этрусского царя Порсенны, которого собирался убить. Ликтор — здесь: телохранитель Порсенны.

Лукреция. Лукреция — жена Луция Тарквиния Коллатина, ставшая жертвой насилия со стороны Секста Тарквиния.

Птица Феникс. Древнейшее античное упоминание об этой сказочной птице находится у Гесиода (и переведено Авсонием, см. выше, «О сроке жизни всего живого»), потом о нем не раз упоминают и поэты, и ученые (от Геродота до Плиния и далее), а в эпоху поздней империи этот образ особенно привлекает к себе внимание: для язычников это была священная птица чтимого культа Непобедимого Солнца, для христиан — символ воскресающего Христа. Во многих рукописях стихотворение приписывается никомедийскому христианскому ритору Лактанцию, крупному церковному писателю начала IV в., и Ризе, Бирт и др. принимают эту атрибуцию, но большинство других филологов оспаривает ее, считая тему слишком «языческой» для Лактанция. Ст. 11. Миф о Фаэтоне, не справившемся с солнечной колесницей, известнее всего в изложении Овидия, «Метаморфозы», II, 1—322; миф о всемирном потопе при Девкалионе и Пирре — там же, I, 244—415. Ст. 47. Флейта Киррейская — по имени Кирры, пристани Дельф недалеко от Парнаса. Ст. 50. Лира Килленская — изобретенная Меркурием, родившимся на горе Киллене в Аркадии. Ст. 59. 1000 лет жизни Феникса упоминают Плиний, Марциал, Клавдиан; другие называют 500 лет или 1461 год («великий год» = 365 1/4 × 4). Ст. 81. Племя пигмеев по неопределенным представлениям жило далеко на крайнем юге. Ст. 82. Сабейская (или «Счастливая») Аравия — Йемен, считавшийся сказочно богатым и плодородным. Ст. 83—87. Киннамом — коричное дерево или его кора, популярное лекарственное средство Древности и Средневековья; амом — см. примеч. к Луксорию, 46; ароматный лист — вероятно, индийский малобатр, разновидность корицы; нард — восточный нард, упоминаемый среди «специй» Марцеллом Эмпириком (IV—V вв.), применялся в медицине и парфюмерии. Ст. 88. Панацея («Всеисцеляющая») — одна из дочерей Асклепия-Эскулапа. Ст. 121. Город Солнца — египетский Гелиополь. Ст. 144. Птица фасийская — фазан.

Оправдание скромных стихов. «Пенфесилеины битвы...» — сражения Пенфесилеи, царицы амазонок, пришедшей на помощь троянцам во время осады Трои. Убита Ахиллом. По другой версии мифа, Ахилл взял ее в плен и женился на ней. Аякс — герой Троянской войны. Поверг на землю Гектора, но не полу-

чил заслуженной награды (доспехов Ахилла) из-за происков Одиссея, подкупившего троянцев, отдавших доспехи не Аяксу, а Одиссею; в безумии Аякс покончил с собой. Диомед — участник Троянской войны. В состязании колесниц-четверок за обладание Гипподамией обманом погубил своего соперника Эномая.

Амур говорит. Последний стих в переводе контаминирован из двух вариантов рукописного текста. Латинское имя Вакха Либер буквально означает «вольный» — отсюда частая в латинской поэзии игра слов.

Влюбленный Амур. Адамант — мифический металл, из которого, по преданию, сделаны врата Аида.

О выборе жены. «Двуобразные уроды» — намек на миф о Минотавре, рожденном Пасифаей от быка, а может быть, и на анекдот о ягнятах с человечьими головами, рожденных от пастухов — скотоложцев (Плутарх. «Пир семи мудрецов», 3; «О разуме животных», 7; «Федр», III, 3).

Лимонный сад. Лимоны были в Европе новинкой: правда, ввозиться с Востока они стали еще при Александре Македонском, но разводить в Средиземноморье их начинают не ранее III в. Отождествление их со сказочными «золотыми яблоками» мифа о Гесперидах или о Гиппомене, соблазнившем ими бегунью Аталанту, разумеется, фантастично.

Яйцо Леды. Из яйца Леды, жены Тиндарея, от лебедя-Зевса родились Елена, Кастор и Поллукс.

Розы. Большая элегия о рождении роз — самое известное из античных стихотворений на эту тему, вскоре перешедшую и в новоевропейскую литературу; в некоторых рукописях оно приписывается самому Вергилию, в других (несохранившихся) — Авсонию и долго печаталось в составе его стихов. Ст. 10 не сохранился и переведен по позднейшим дополнениям. Пестум — город в Кампании, известной самыми рано распускающимися сортами роз. Из трех малых стихотворений первое помечено в «Салмазиевском сборнике» именем «Флор», и на этом основании все три часто приписываются этому поэту, но скорее всего это ошибка переписчика (...) вместо «de floribus» — «о цветах» (...).

Роса. По-видимому, отрывок несохранившегося стихотворения.

Матианские яблоки. «Девы... быстроногой» — Аталанты. См.: *Овидий.* «Метаморфозы», кн. X, ст. 553—707. Фригийский судья — Парис, присудивший золотое яблоко Афродите-Венере как самой прекрасной из трех богинь.

Бани бедняка. В первом стихе — непереводимая игра слов «Вита» (имя бедняка-хозяина) и «vita» («жизнь»); в переводе передано только второе значение.

Купанья в Байях. Ср. выше эпиграмму Региана. Воитель (Беллатор) — по-видимому, имя или прозвище адресата. Об Алфее по двум сторонам Ионийского моря («Тефии») см. примеч. к Авсонию, «О знаменитых городах», 17.

Цирковые зрелища. В римском цирке в каждом заезде участвовали четыре колесницы — зеленая, синяя, красная и белая; на эти четыре партии делились и болельщики на трибунах. Скачущие должны были сделать семь кругов по вытянутой арене, огибая серединную стенку («хребет») с двумя поворотными столбами («метами») на концах; видимо, в карфагенском цирке вместо стенки была канава («еврип»). Семь поясов неба — сферы семи планет; боги-Близнецы — наездник Кастор и кулачный боец Полидевк, сыновья Зевса (Диоскуры).

Кифаред. 2. Плектр — палочка, которой ударяли по струнам кифары (лиры). Амфион — сын Юпитера, мифический основатель Фив. Когда Амфион и его брат Зет решили обнести город стенами, камни под звуки волшебной лиры Амфиона сами слагались в стены. Орфей — мифический поэт и певец, муж Эвридики, умершей от укуса змеи. Орфей умолил владыку подземного царства отпустить Эвридику на землю, но так как он вопреки запрету оглянулся на ее тень, то потерял ее навсегда.

Слон. Слоновая кость шла на украшения, иногда обязательные: так, ею украшались жезлы и «курульные кресла» высших римских должностных лиц. Как боевое животное слон применялся мало (главным образом для запугивания врагов) — он был недостаточно послушен и мог оказаться опасностью для своих же.

Карлик Бумбул. Миф о пигмеях («мужичках с кулачок»), которые живут на южном краю земли и воюют с прилетающими туда зимой журавлями, бегло упоминается уже в «Илиаде», а потом стал предметом несохранившейся сказочной поэмы «Герамомахия».

На человека, который сам себе молол муку. Водяных мельниц в античности не было до самых последних веков: жернова вращались животными или рабами, для которых это считалось тяжелым наказанием.

Водоналивное колесо. Интересно сравнить эпиграмму Антипатра Фессалоникийского о новоизобретенной водяной мельнице («Палатинская Антология», IX, 418), цитируемую К. Марксом в «Капитале» (т. I, 1953, с. 414).

Орел, вделанный в стол. В некоторых рукописях эпиграмма приписывается Клавдиану.

Гусь. «На Тарпейской твердыне...» — т.е. на Капитолии, высшей точке Капитолийского холма Рима с храмами Юпитера, Юноны и Минервы.

Кот, подавившийся сорокой. Ср. Луксорий, 29 .

На статую поэта Арзугитана. Этот поэт ближе неизвестен. Ст. 4 в рукописях не сохранился и условно восстановлен издателями. Ст. 11. Телка Дедалова — см. ниже, примеч. к «Пасифае».

Из стихов, приписываемых Вергилию. Стихотворения, приписываемые молодому Вергилию, стали коллекционироваться рано. Двустишие № 1, быть может, даже подлинное: во всяком случае, оно вошло в биографию Вергилия, составленную Светонием в начале II в. Двустишия № 3 и 4, наоборот, заведомо неподлинны, но очень знамениты: они входят в цикл легенд о Вергилии, сложившихся в IV—V вв. и вошедших в поздние его биографии. Рассказывается, что молодой и безвестный Вергилий в первые годы жизни в Риме написал ст. № 3 во славу Августа на дворцовой стене, без подписи; все им восхищались, а один тщеславный поэт выдал его за свое. Тогда Вергилий приписал на той же стене полустишие «Так-то ваше [добро] не вам [достается]» («Sic vos non vobis»); все пытались дополнить этот отрывок, но никто не мог, в том числе и самозваный притязатель; тогда Вергилий предо всеми написал полностью ст. № 4, а второй его стих — даже в трех вариантах, и этим доказал свой талант и свое авторство.

Эпитафия Вергилию. Эпиграмма находится только в очень поздних рукописях и, может быть, принадлежит уже Средневековью: эффектная «фигура распределения», по которой построено стихотворение, была в средневековой латинской поэзии модной.

Брюсов перевел лишь первые две строки (приписав их, за некоторыми старыми издателями, Пентадию); две последние переведены М. Гаспаровым. Стихотворение характеризует три сочинения Вергилия — «Буколики», «Георгики», «Энеиду» (по образцу автоэпитафии Вергилия).

Три ратоборца. В рукописях это упражнение в «фигуре распределения» настойчиво приписывается различным римским императорам (Нерону, Траяну, Адриану), а также Овидию.

Об охотнике. В одной из рукописей— фантастическое заглавие: «Стихи Гомера об Эвандре, брате царя Александра, который в лесу сразился с вепрем и змеею, и все трое были найдены мертвыми». Были и другие варианты этой популярной темы.

Кентавр Хирон. Эффектное стихотворение-моностих; ср.: *Авсоний.* «О знаменитых городах», I и примеч. к «Вариациям двенадцати мудрецов». Ср. также ниже примеч. к «Надписям на мозаике».

Пасифая. Пасифая, дочь Солнца и супруга царя Миноса, воспылала противоестественной любовью к быку; спрятавшись в деревянном чучеле телки (изготовленном Дедалом), она соединилась с ним и родила Минотавра, получеловека-полубыка. Каждый из 22 стихов этого произведения имеет свой особый метрический размер; различными сочетаниями этих размеров пользовался в своих строфах Гораций, так что стихотворение представляет собой как бы беллетризованный метрический справочник к сочинениям Горация. В качестве такового оно приложено к одной из рукописей сочинения грамматика Руфина о метрике; может быть, Руфин и был его автором. Последовательность размеров такова: 1) адоний; 2) дактилический триметр; 3) ферекратей; 4) гликоней; 5) дактилический тетраметр; 6) дактилический гексаметр; 7) трохаический диметр; 8) ямбический диметр; 9) алкеев 9-сложник; 10) усеченный ямбический диметр; 11) чистый ямбический триметр; 12) малый асклепиадов; 13) малый сапфический; 14) алкеев 11-сложник; 15) алкеев 10-сложник; 16) большой асклепиадов; 17) аристофанов; 18) большой сапфический; 19) ионики; 20) архилохов; 21) элегиямб; 22) ямбэлег. Претиды — дочери аргосского царя, наказанные безумием (и вообразившие себя животными) за отказ почитать Диониса. Ио, возлюбленная Зевса, превращенная Герой в телку и бежавшая в Египет,

в позднейшее время отождествлялась с богиней Исидой. Потомок Эрехфея (афинского царя) — Тесей; Кносянка — Ариадна.

Анациклические стихи. Так назывались стихи, которые одинаково читались слово за словом от начала к концу и от конца к началу. Русский тонический дистих, в отличие от античного метрического, не допускает таких построений; предлагаемый перевод Брюсова — уникальное исключение. Смысл: «Стремление (плывущих) наяд побеждает колыхание волн так же, как пламенеющий Нот (южный ветер) побеждает вал Икарова моря».

Змеиные стихи. Об этой стихотворной форме см. выше примеч. к Пентадию. Весь цикл «Змеиных стихов» в «Салмазиевском сборнике» насчитывает 42 двустишия; Беренс без достаточных оснований приписывает их Луксорию. О Геро и плававшем к ней на свидания через Геллеспонт Леандре в эту же пору (V в.) была написана греческая поэма Мусея; рассказ о Долоне — в «Илиаде», X; о подвиге друзей Ниса и Эвриала — в «Энеиде», IX.

Ученик врача. Гиппократ (ок. 460—370 гг. до н.э.) — греческий врач, основатель научной медицины и Косской врачебной школы. Его имя буквально означает «укротитель коней», что и объясняет ту «специализацию», которую получил у этого врача его ученик.

VI. ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ

В этот и два последующих раздела входят стихотворения, сохранившиеся не в рукописях, как обычно, а на стенах зданий, на статуях, на могильных плитах, на различных предметах, найденных археологами, и т.п. Основным изданием всех латинских надписей является многотомный *Corpus inscriptionum Latinarum* (1863—1903); стихотворные тексты из него извлечены в сборнике, дополняющем «Латинскую Антологию» А. Ризе — *Carmina Latina epigraphica, conl. F. Buecheler*, I—II, Lps., 1895—1897; с этого издания сделан перевод Ф.А. Петровского («Латинские эпиграфические стихотворения». — М., 1962) с приложением латинского текста и подробного комментария; там читатель найдет сведения о месте нахождения каждого из этих стихотворений. Почти все они относятся к II—VI вв. до н.э., за исключением помпейских надписей (I в. н.э.) и эпитафии поэта Нарда (I в. до н.э. — ?). Многие неправильности стихотворной формы подлинника соблюдены

в переводах. В раздел «Посвятительные надписи» вошли №№ 1, 3, 7, 10, 18 из сборника Ф.А. Петровского (№ 7 в переводе М. Гаспарова).

Эпиграфические надписи[1]

1. **Сильвану Альпийскому.** «...вершу я суд...» — надпись поставлена прокуратором (чиновником, собиравшим налоги и правившим суд) провинции Грайские Альпы Титом Помпонием Виктором. Бюхелер, 19.

3. **Сильвану Африканскому.** Любопытна пестрота размеров и вычурность стиля: «видно, что автор ее следовал поэтике Теренциана Мавра и Нония Марцелла, его современников и земляков» (Ф.А. Петровский). Отец с острым серпом — Сатурн. Бассариды — вакханки, спутницы Вакха-Бассарея. Бюхелер / Ломматч, 2151.

7. **Приапу Тибуртинскому.** Надпись на трех сторонах несохранившейся гермы из Тибура в Лации; известна по копиям эпохи Возрождения. Приап отождествлен здесь с Паном, а имя «Пан» этимологизировано как «все» (а то и другое нередко в античности). В стихе много реминисценций из Катулла и Горация. Бюхелер (Rh. Mus. XVIII, P. 415).

10. **Юпитеру Пеннинскому.** Надпись на медной доске, найденной на вершине Пеннина (Сен-Бернар), среди многих надписей Юпитеру Пеннинскому, начиная от императора Тиберия (14—37 гг. н.э.). Бюхелер, 873.

14. **Нептуну.** Надпись найдена в Дугге (Тунис). Бюхелер / Ломматч, 2036.

18. **Сицилийская нимфа.** Мейер, 623.

19. **Надпись у моста через Тахо.** Это вторая часть надписи над дверью тусской эдикулы-молельни у восточного въезда на мост через Тахо (*лат.* Таг) на границе Испании и Португалии. Исполнена в 105—106 гг. н.э. Сохранилось и посвящение императору Траяну (98—117 гг. н.э.). Бюхелер, 878.

22. Надпись найдена в Тунисе у развалин древнего Карфагена. Относится к началу VI в. н.э. Гебамунд — родственник последнего

[1] Примечания к этому разделу составлены по материалам кн.: *Петровский Ф.А.* Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962.

короля вандалов Гелимера (см. *Прокопий.* Война с вандалами, I, 10). Бюхелер / Ломматч, 2039. Байи — знаменитый римский курорт в Кампании. Здесь это географическое наименование употреблено в смысле «купальни», «бани». Бани и горячие (термальные) источники, в которых «вода смешивается с огнем» (два враждебных элемента) — популярная тема греческой и латинской эпиграмматической поэзии.

Надгробные надписи

82. **Неизвестный («Молви, прохожий...»).** Самая традиционная из стихотворных надмогильных формул; иногда писалась сокращенной до одних начальных букв. Последняя строка надписи: «Мать — покойному сыну». Найдена около Коимбры в Португалии. Бюхелер, 1452.

87. **Неизвестный.** Надпись из Нарбонна (Южная Франция). Относится к началу I в. н.э. Бюхелер, 242.

99. **Неизвестный.** Надпись из Капитолийского музея в Риме. Относится к середине I в. н.э. Бюхелер, 801.

89. **Пацедия Секста, неизвестная.** Надпись на восточной окрестности высохшего Фуцинского озера (впадина Фучино). Бюхелер, 241.

95. **Статерий Целер, неизвестный.** Мысль этого двустишия противоположна мысли Лукреция (О природе вещей, 1, 857): «Но невозможно вещам ни в ничто отходить, ни, обратно, из ничего вырастать...»

108. **Тит Флавий Марциал, неизвестный, 80 лет.** Надпись найдена в Риме. Основой этой и других подобных надписей служит греческая эпиграмма Херила (V в. до н.э.) (Ант. Пал. XVI, т. 27). Бюхелер, 244.

31. **Поэт Нард.** Надпись в Ноле (Кампания), I в. до н.э. (?). Бюхелер, 962. Поэт был действительно «смиренным»: ни одной строки его и ни одного упоминания о нем не сохранилось. Были попытки (вполне произвольные) истолковать слово «смиренный» как собственное имя «Пудент» и отождествить Нарда со столь же неведомым поэтом Л. Валерием Пудентом, жившим в начале I в. н.э.

37. **Ритор Романий.** Одна из двух надписей, находившихся в Риме на Пренестинской дороге. Относятся к III в. н.э. Бюхелер, 1251.

116. **Школьник Петроний Антигенид.** Основная часть надписи — 11 гексаметров, замыкаемые пентаметром (прием, характерный для плебейской, а не литературной поэзии. Ср. выше «Варварские пиршества»), затем — два стиха, образующие отдельную эпитафию-формулу (очень популярную, образец которой — греческий, «Палатинская Антология», IX, 49, ср. 172), и затем — заключительный стих, тоже образующий отдельную эпитафию. Абак — счетная таблица. Бюхелер, 434.

26. **Хозяйка Амимона.** Надпись на римском саркофаге I—II в. н.э. «Пряха», «домоседка» — традиционные добродетели римской женщины, хотя судя по имени покойница была вольноотпущенницей-гречанкой.

122. **Трактирщица Амимона.** Надпись из Тиволи. Дошла фрагментарно. Бюхелер, 603.

33. **Охотник Марциал.** Надпись на могильном столбе в Клунии (Кастилия). Клуния упоминается Плинием Старшим (Естественная история, 111, 27). Бюхелер, 238.

40. **Скороход Сабин.** Несохранившаяся надпись из Трира (Германия). Бюхелер, 618.

46. **Матрос Требий.** Надпись найдена около Аквилеи (северное побережье Венецианского залива). Бюхелер, 372.

47. **Колесничий Флор.** Надпись найдена на Цедийском холме в Риме. Изображен мальчик с пальмовой ветвью, на парной колеснице, перед которой скачет всадник. Бюхелер, 399.

50. **Флейтист Сидоний и скорописец Ксанфий.** Надпись, найденная в 1643 г. в церкви св. Урсулы в Кельне, была вновь обнаружена в 1901 г. и опубликована. Относится к III или IV в. н.э. Бюхелер, 219.

52. **Земледелец Цезедий.** Надпись из местечка Мактара в Нумидии, которое считалось городом, имело курию («храм совета») и избирало дуумвиров («цензоров») для составления гражданских списков. Бюхелер, 1238.

55. **Помещик Каллистрат.** Надпись найдена в Карфагене. Надпись христианская, но составлена еще по языческим образцам. Имя Каллистрат означает «добрый воин». Бюхелер, 1417.

76. **Староста Нарцисс.** Надпись из Венафро (граница Самнио и Кампании). Бюхелер, 1015.

58. **Вольноотпущенник Офиллий.** Надпись в Нарбонне (Южная Франция) I в. н.э. Бюхелер, 1276.

54. **Л. Нерусий Митра, торговец кожевенным товаром, с акростихом.** Надпись из Мальяно-Сабино (в долине Тибра, к северу от Рима). Бюхелер, 437.

42. **Виталий, государственный рассыльный.** Надпись на мраморном памятнике из Карфагена (ныне находится в Тревизо). Конец II или начало III в. н.э. Бюхелер, 484.

48. **Соран из батавской конницы.** Относится ко времени императора Адриана (117—138) и сохранилась в различных антологиях IX, XII и XIII вв. Бюхелер (427) называет ее «прекраснейшим цветком на лугу эпиграфики».

44. **Урс, игрок в стеклянный мяч.** Римская надпись II в. н.э. Игра в стеклянный мяч ближе неизвестна. Вер, эксодиарием (актером-шутом) которого готов быть Урс, его клиент, — по-видимому, М. Анний Вер, бывший в третий раз консулом в 186 г. Фалерн, Цекуб, Сетин — италийские вина.

65. **Паг, ученик золотых дел мастера.** Надпись на мраморной доске во дворце Барберини в Риме. В ней отмечаются реминисценции из Овидия («Скорбные элегии», IV, 3, 45) и Вергилия («Энеида», II, 558). Бюхелер, 403.

71. **Примигений, странствующий лекарь.** Надпись из Губбио (северо-восток Умбрии). Известна по спискам. Изображен врач с медицинскими инструментами. Клусий — город на границе с Умбрией, к юго-западу от Трасиментского озера. Бюхелер, 1252.

85. **Альфидий Урбан, войсковой трибун седьмого сдвоенного легиона.** Надпись открыта в Таррагоне (северо-восточная Испания). Дана по записи. Относится ко времени около 215 г. н.э. Бюхелер, 245.

69. **Жрица Сидония.** Надпись найдена в Константине (Тунис). Мемфисская богиня — Исида. Бюхелер / Ломматч, 1997.

73. **Вестовой Вепрь.** Римская надпись конца I в. н.э. Находится в Капитолийском музее. Исполнена на мраморном алтаре. Изображен стоящий юноша в тоге со свитком; у его ног лежит мертвый вепрь. В надписи обыгрывается буквальное значение имени Апр («Вепрь»). Бюхелер, 441.

83. **Вольноотпущенники Турпилий и Турпилия.** Надпись римская, перевезена в Англию. Относится, по-видимому, к I в. н.э. Бюхелер, 1488.

96. **Луцилла, жена Эксуперанция.** Надпись найдена в Тунисе у развалин древней Аммедары (ныне Хайдра). Бюхелер, 1497.

98. **Управитель Александр.** Местонахождение надписи неизвестно. Одна из трех одностишных эпитафий, бывших на памятнике Александру. В XVI в. ее видели на Фламиниевой дороге. Мысль этой надписи была общим местом настолько, что выражалась одними начальными буквами входивших в нее слов. Лучше всего ее выразил Лукреций (III, 830): «Значит, нам смерть — ничто и ничуть не имеет значенья». Бюхелер, 1585.

90. **Свиноторговец Ацеллий.** Надпись найдена в Южной Италии около Беневенто. Бюхелер, 83.

109. **Декурион Винесий Фирм.** Надпись из Аосты (Пьемонт). Бюхелер, 1093.

92. **Ветеран Циссоний.** Надпись из Антиохии Писидийской (Малая Азия), куда при Августе (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) или несколько позднее была выведена римская колония и отправлен 5-й Галльский легион, ветераном которого был Циссоний.

112. **Скряга Рубрий Урбан.** Надпись находится в Риме во дворце Барберини. Бюхелер, 1106.

77. **Дафнида, умершая в родах.** Надпись найдена в Карфагене на кладбище оффициалов императорского двора («Августова дома»). Дафнида, как это бывало, получила вольную перед самой смертью от родов. Бюхелер / Ломматч, 2115.

62. **Трехлетняя Нинния.** Надпись римская. Бюхелер, 1486.

Семимесячный Юлиан. В сборнике Ф.А. Петровского отсутствует. Бюхелер, 1197.

25. **Глашатай Ол (Авл) Граний.** Надпись римская на мраморной доске. Находится в Рокибей-холл в Северной Англии. II в. до н.э. Бюхелер, 53. По его мнению, это тот глашатай, о котором говорит Луцилий, 412 и 1181 И.

27. **Хозяйка Клавдия.** Римская надпись времен Гракхов (II в. до н.э.). Бюхелер, 52.

36. **Претор Сципион Испанский.** Надпись на гробнице Сципионов в Риме (II в. до н.э.). Сципион, которому она посвящена, был претором (в 139 г. до н.э.), ведавшим судебными делами,

возникавшими среди чужестранцев или у римлян с чужестранцами. Бюхелер, 958.

84. **Отпущенница Клавдия и Януария, жена Артемона.** Надпись на гробу в Ферраре. Вторая строка эпитафии близка второму стиху греческой эпиграммы (Ант. Пал. Прил., II, 496): «Общей тропою для всех ныне направился ты». Бюхелер, 998.

119. **Кенотаф Доместика, умершего 16 лет.** Надпись на жертвеннике из Тускула (современный Фраскати) времен Антонинов (96—192 гг. н.э.). Полленция, где умер Доместик, — город в Лигурии (область в западной части Цизальпийской Галлии). Иберы — жители Иберии, т.е. Испании. Бюхелер, 1185.

121. **Эпитафия восьмилетней Магниллы.** Надпись относится ко времени не позже правления императора Траяна (98—117). По содержанию она делится на три равные части: стихи 1—4 — обращение к богине покоя и душам умерших; стихи 5—8 — рассказ об усопшей; стихи 9—12 — отношение к смерти девочки. Бюхелер, 1165.

125. **Собачка Жемчужина.** Надпись римская. Находится к Британском музее. Эта, как и следующая надпись, — подражание стихотворениям Катулла о воробье Лесбии (2 и 3), а также эпиграмме Марциала о собачке Иссе (I, 109). Бюхелер, 1175.

126. **Собачка Мушка.** Надпись II или III в. н.э. Найдена около города Ош в юго-западной Франции (древней Аквитании). Бюхелер, 1512.

128. **Борисфенит, конь императора Адриана.** Надпись сделана императором Адрианом (117—138) на гробнице его охотничьего коня. Найдена в Апте (на юге департамента Воклюз во Франции). Спартиан («Адриан», 20) свидетельствует, что император «так любил лошадей и собак, что сооружал им гробницы». Бюхелер, 1522.

130. **Надпись на статуе Мемнона.** Находилась около Фив в Египте. Относится к 134 г. н.э. Мемноном греки и римляне называли колосс фараона Аменхотепа III; от испарений росы в его трещинах на утренней заре он издавал звуки, казавшиеся плачем эфиопского Мемнона, героя Троянской войны, перед своей матерью Зарей. Звуки прекратились после ремонта, сделанного во II в. н.э.

Помпейские любовные надписи

142 (1). Надпись на стене террасы помпейского дома. Бюхелер, 945.

139(2). Надпись в Помпеях. Близка к стихотворению Катулла (70). Бюхелер, 944.

140 (3). Надпись в помпейской базилике. Бюхелер, 937.

144 (4). Рим. Палатин. Надпись на развалинах стены дворца императора Калигулы (37—41). Бюхелер, 943.

146 (5). Надпись в атрии (передней) дома в Помпеях. Второй ее стих — Овидий, любовные элегии, III.11, 35. Бюхелер, 354.

138(6). Надпись на стене в Помпеях. Бюхелер / Ломматч, 2057.

143(7). Надпись из дворца Тиберия в Риме. Бюхелер, 940.

145(8). Надпись на стене в Помпеях. Бюхелер, 955.

156 (9). Помпеи. Бюхелер, 957.

Помпейские трактирные надписи

147 (1). Помпейская надпись на доме трактирщика. Бюхелер, 931.

148 (2). Надпись на стене помпейского трактира. Ср.: Марциал, III, 57:

«Ловкий надул меня плут-трактирщик намедни в Равенне:
Мне, не разбавив водой, чистого продал вина».

Суть эпиграммы в том, что Равенна испытывала недостаток в воде.

149 (3). Помпеи. Бюхелер, 932.

157. Надпись на мозаике с изображением тритона. Надпись на мозаичном полу церкви в Пезаро (Умбрия, на побережье Адриатического моря, не ранее VII в. н.э.) Бюхелер, 347.

158. Надпись на мозаике с изображением кентавра. Там же, что и предыдущая (№ 157). Помещенные в церкви изображения тритона и кентавра, вероятно, — символическое напоминание о двойной природе Христа — божественной и человеческой.

159. Надпись на блюде с рисунком. Надпись ок. III в. н.э. на глиняном блюдце с изображением Несса с Дейанирой и Герку-

леса, нацелившегося в Кентавра на лука. Бюхелер, 344. Найдена в Кёльне.

160. Надпись на кубке с рисунком. Надпись на фрагменте глиняного бокала с изображением Леды в объятиях Юпитера; рядом крылатый Купидон. Около III в. н.э. Найдена в Кёльне. Бюхелер, 345.

161. Надпись на серебряной ложке. Найдена около Галлиполя и хранится в музее Смирны. Ср. среди «змеиных стихов» № 11 в переводе В. Брюсова. Бюхелер / Ломматч, 1923.

162. Надпись на глиняной чаше. Место находки — Шершель в северной Африке. Бюхелер, 938.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХИ О ФИГУРАХ КРАСНОРЕЧИЯ

Мессий, я рассудил описать для тебя все фигуры
Речи, каждой из них посвятив три равные строчки
И приведя для каждой пример из стихов или прозы.

1. «КОММА»

В речи отрезки слагаются в член, а члены — в период.
«Комма» — названье отрезку; пример, в котором три коммы, —
«Просишь Аркадию? многого просишь! отнюдь не получишь».

2. «КОЛОН»

Член — по-гречески «колон»; из членов мы строим период.
Первый член, например: «Кто все твои делит желанья...» —
С ним согласован второй: «...лишь тот — надежный товарищ».

3. «ПЕРИОД»

Слово «период» значит «охват»: в нем два или больше
Связано членов подряд, но крайняя мера — четыре;
Сверх четырех — это будет уже неохватною речью.

4. «АНАКЛАСИС»

Вот оборот: когда речь в обратном толкуется смысле.
Сын говорит: «Отец, я вовсе не жду твоей смерти!»
Тот в ответ: «А лучше бы ждал, чем травить меня ядом!».

5. «АНТИМЕТАБОЛА»

Перестановка меняет местами слова и понятья:
«Тех не пытай, с кем ты дружен, но с теми дружи, кто испытан».
«Силы есть — времени нет; есть время — да сил не хватает».

6. «АЛЛОЙОСИС»

Сделав различие, мы подчеркнем несхожее в схожем:
«Будит петух одного, а другого — военные трубы;
Бранный труд зовет одного, а другого — досужесть».

7. «АНТИТЕЗА»

Сделав контраст — превратим несхожесть в противоположность;
«Ты — учитель, я — ученик; ты — писец, я — начальник;
Ты — актер, я — зритель: свищу — и ты сходишь со сцены».

8. «ЭТИОЛОГИЯ»

Вот приведенье причин тому, о чем говорится:
«Хоть неприятно, а выслушай! Ибо и горькая правда
Лишь поначалу горька, а после бывает полезна».

9. «АНТГИПОФОРА»

Предвосхищение — в том, чтоб сказать, что сказал бы противник:
«Полно, смелей! Не прячься в тени, покажи себя людям,
Пусть твой шаг неуклюж, но двойную стяжаешь ты славу».

10. «АПОКРИСИС»

Можно дать и ответ на вопрос, что сам же и задал:
«Будет сердиться? Смолчи. Обидит? Стерпи, и воздастся.
Драться начнет? Не давайся. Ты слаб и не сможешь? Погибни».

11. «АНАФОРА»

Вот единоначатье, когда повторяется слово:
«Сам ликовал на пиру, сам счастья желал новобрачной,
Сам прославлял и отца и детей, и сам погубил их».

12. «ЭПИФОРА»

Вот, напротив, повтор на конце — единоконечье:
«Силы даны мне судьбой; удача дана мне судьбою,
И неудача — судьбой; все в мире вершится судьбою».

13. «КОЙНОТЕС»

Будет кольцо, если мы совместим эти оба приема:
«Хочешь уменья достичь — учись; хочешь умственной силой
Располагать — учись; хочешь брезговать миром — учись».

14. «АНАДИПЛОСИС»

Там удвоение, где два раза одно говорится:
«Нет, я пойду на него, хоть и мощен перун его длани,
Мощен перун его длани, а сила — в жестоком железе».

15. «БРАХИЛОГИЯ»

Краткость является там, где многое сказано в малом:
«Будь прозорлив: всюду надобна мысль, ибо часто случайность
Рушит наши расчеты; мы смертны — будь же уступчив!»

16. «ДИАФОРА»

Если в повторе меняется смысл, перед нами —оттенок:
«Всякий муж, если только он муж, возмутится на это».
«Женщина, женщина! Впрямь, ты лишь женщина: это и горько».

17. «ПОЛИСИНДЕТОН»

Многосоюзие — там, где меж членами вставлены связки:
«Тот его вводит в обман, а он и рад, а меня уж
Даже тревога берет, что обида грозит чужеземцу».

18. «ДИАЛЕЛИМЕНОН»

При бессоюзии, наоборот, изымаются связки:
«Сам познай себя, сам исцели себя, сам себе умным
Будь советником, злых избегай, как змеи ядовитой».

19. «ДИЭРЕМЕНОН»

Вот расчлененье — оно в разновидное вносит порядок:
«Оба — Юпитера были сыны, и отца не срамили:
Поллукс — в кулачном бою, а Кастор — в бегу колесничном».

20. «ДИЭКСОД»

Вот пересмотр — когда мысль обегает предмет по порядку:
«Кто сильнее меня, тех нет; кто равен со мною,
Тех одолею; а кто слабей, не посмеют тягаться».

21. «ЭПИПЛОКЛ»

Будет сплетенье, когда конец сплетется с началом:
«Так я, подумав, сказал; сказав, убедил; убедивши,
Сам с посольством пошел; пошел и добился успеха».

22. «ЭПАНАЛЕПС»

При усиленье повтор бывает не прост, а усилен:
«Мы тебя знаем: о, да, воистину мы тебя знаем!»
«Ты — разумнее всех; ты меж нами подобен Минерве».

23. «ЭПИТРОПА»

Можно сделать уступку, оставив противнику выбор:
«Может быть, он и не знал; а быть может, не мог; а быть может,
Не захотел,— будь по-твоему; важно одно: он не сделал!»

24. «ЭПИФОНУМЕНОН»

Отступ мы делаем так, чтобы мысль ответвлялась от мысли:
«О, сильна красота! Молодым она — царская доля;
Но одарить красотой вольна лишь царица Фортуна».

25. «ЭПИЗЕВКСИС»

Вот удвоение — дважды подряд повторяется слово:
«Фивы, Фивы, соседственный град, столь славный издревле!»
«Сын мой, сын мой, опора моя в преклонные годы!»

26. «ЭПЕКФОНЕСИС»

Нам восклицанье дает немедленный выход для чувства:
«Вот, я разбит, и как не сказать: Фортуна, Фортуна,
Как жестока привычка твоя возносить, унижая!»

27. «ИСОКОЛОН»

Там равночленность, где равные члены слагают период:
«Тот, кто предела не знает алчбе и меры не знает
Трате,— щедрым бывает в дарах и хищным в захватах».

28. «МЕРИЗМ»

Распределение — в том, чтобы связывать с частностью частность:
«Руки крадут, а ноги бегут, а брюхо набито».
«В тратах ты беден, в дарах ты богат, в помышлениях царствен».

29. «МЕТАБАСИС»

Мы совершаем возврат, возвращайся мыслью к предмету:
«Слишком долго я вам говорил о вещах посторонних,
Но отступленью конец, теперь воротимся к делу».

30. «МЕТАФРАСИС»

Разнообразие — в том, чтоб непрямо предмет назывался:
«Он над ливийским народом царил, царил в Инахийском
Аргосе, он утвердил свою власть над Эбаловым градом».

31. «МЕТАКЛИСИС»

Вот отклоненье — повтор, слегка изменяющий слово:
«Честного отрока честно учи всему, что достойно».
«Слава славе к лицу, благому благое во благо».

32. «ОРИЗМ»

Определение — в том, чтоб раскрыть природу предмета:
«Любит тот, кто желает добра тому, кого любит;
Если кто любит кого для себя, тот себя лишь и любит».

33. «ГОМЕОТЕЛЕВТОН»

Вот окончаний созвучье — похоже кончаются члены:
«Там, где нет возмущенья, таятся порой исхищренья —
Гнев не вырвется в гласность, но в действиях скрыта опасность».

34. «ГОМЕОПТОТОН»

Равнопадежье — когда падеж на конце одинаков:
«Надобен нам не урок, а прок, не слово, а дело,
Не обещанье пустое, а вспоможенье прямое».

35. «ПОЛИПТОТОН»

Многопадежье — когда слово то же, а формы не те же:
«Ты — разумнее всех, тебя о совете мы просим,
Все послушны тебе, и с тобой идем мы к победе».

36. «ПАРОНОМАСИЯ»

Подобозвучье — слова различны, а звуки похожи:
«Малый, но милый», «шум, а не ум», «богатство — не братство»,
«Всем хороша обитель, да только живет в ней грабитель».

37. «ПРОСАПОДОСИС»

При подкрепленье короткая мысль развернется почленно:
«Мы не такие, как ты: мы — честно с тобой, ты — лукаво;
Ты и даешь, и берешь; даешь слово — берешь наши средства».

38. «ПАРАДИАСТОЛА»

Подразличеньем зовем уточнение схожих понятий:
«Если буян слывет храбрецом — пускай расточитель
Щедрым слывет, и великий злодей — человеком великим».

39. «ПАРЕНТЕЗА»

Вставка бывает, когда внутрь фразы вставляется фраза:
«Как только мы пришли,— а было весеннее время,
Праздник Цереры и Флоры,— пошли мы богам помолиться».

40. «ПАРОМОЛОГИЯ»

Вот оговорка — она смягчает значенье уступки:
«Подлинно, здесь — Академия, подлинно — скептики в сборе;
Все же и здесь под сомненье берется не все, а лишь что-то».

41. «ПРОЛЕПС»

Предупреждение — в том, чтоб заране отбить возраженья:
«Знаю, он будет рыдать и божиться, себе на подмогу
Добрых представит друзей, а вы все же расследуйте дело».

42. «ПАРОМОЙОН»

Уподобление — в том, чтоб предмет уподобить предмету:
«Если простолюдин в свободном живет государстве,
Он в нем — истинный царь: все вершит его голос в собранье».

43. «ПАРРЕСИЯ»

Свободоречие — в том, чтоб не сдерживать резкое слово:
«Ежели грубо скажу, виноваты вы сами, квириты, —
В слишком высокой чести у вас слишком низкие люди».

44. «ПРОТАСИС»

Предположение — то, что ты сам и назвал и отвергнул:
«Он украшает трофеями дом? Нет, нарядами— девку!
Он упражняет в законах себя? Нет, в любовных утехах!»

45. «ПАНТА ПРОС ПАНТА»

Соотнесение: «Грек, африканец, испанец — покорны
Риму: иной расплату понес, иной пресеченье
Встретил в коварствах, иной признал над собою победу».

46. «СИНАТРОЙСМ»

Нагроможденье являет нам перечень многих предметов:
«Все побуждает меня: и цель, и время, и место,
Голос друзей, и воля народа, и слово пророчеств».

47. «СИНОЙКЕЙОСИС»

Сила сближения в том, чтоб в несхожести выявить сходство:
«Мот и скупец друг другу сродни: что имеют, не ценят,
И потому-то всего им мало, и оба порочны».

48. «ТРИКОЛОН»

Там возникает трехчлен, где три сопоставлены вещи:
«Ежели ты не богат деньгами, не крепок здоровьем,
Не превосходен душой, то каким же ты хвалишься счастьем?»

49. «ХАРАКТЕРИЗМ»

Изображенье дают слова, слагаясь в картину:
«С чашей в руке, с венком на лбу, с запрокинутой шеей
Он возлежал, мутным взором водя, мокрым ртом улыбаясь».

50. «ЭПИТИМЕСИС»

Я исправленье даю, меняя слово на слово:
«Долго? Больше, чем долго! Доныне он ждал, и напрасно».
«Эта любовь... о нет, не любовь, а скорее безумье...»

51. «ПРОГИПАНТЕСИС»

Опережение — там, где второе становится первым:
«Пусть над тобою ни дождь не идет, ни сбираются тучи:
Рад дождю земледелец, но вовсе не рад ему путник».

52. «АНАСТРОФА»

Перестановка в словах бывает и в прозе, и в метрах:
«Самой по малой вине», «в необдуманном каясь решенье»,
«Листьям подобно древесным, по мудрого слову Гомера...»

53. «ГИПЕРБАТОН»

А переход — там, где речь на ходу переменит порядок:
«В том, что отказано мне людьми, заповедано богом,
Запрещено законом и правом,— о том я ни слова...»

54. «АНТЕНАНТИОСИС»

При отрицанье двойном скромным словом мы многое скажем:
«Это немалое дело!» — а значит, великое дело.
Так у Гомера Аякс «не последним меж греками» назван.

55. «ЗЕВГМА»

В связке несколько слов единым связаны словом:
«Эбал мечом, Ликон бьет копьем, а Педасим стрелою» —
Здесь относится «бьет» и к первым словам, и к последним.

56. «МЕТАБОЛА»

Для вариации мы ту же мысль повторим по-другому:
«С кем ты помог заключить нам союз? кого ты привлек нам
В дружбу? какие дела совершил? откуда богатство?»

57. «ГИПАЛЛАГА»

Много есть видов замены для слов. «Пышет Африка боем», —
Мы говорим, желая сказать: «Африканцы воюют».
Можно менять и число, и падеж, и глагольное время.

58. «ЭЛЛИПС»

Пропуск мы делаем там, где легко восполняется слово.
«Вот он в беде, но никто не поможет, никто не подскажет,
Все лишь винят»,— а «его» и «ему» мы легко пропускаем.

59. «ПЛЕОНАЗМ»

Даже излишество слов порою на пользу предмету:
«Самый приятнейший день был за этим для нас в Синуэссе»,
«Оный раненый лев...» — и «самый» и «оный» здесь лишни.

60. «ПЕРИФРАЗ»

И описание — тоже замена прямому названью:
Так, «рогатым скотом» мы коров и овец называем
И, предлагая: «Скажи!», говорим: «Скажи нам словесно!»

61. «ПРОСДИАСАФЕСИС»

Вот присовокупленье — добавка уместного слова:
«Это никак не ложится мне в ум» — «никак» есть добавка,
Можно и без нее, но с нею выходит складнее...

(*Перевод М. Гаспарова*)

Стихи о фигурах красноречия

Перевод по «Латинской Антологии» (Р. 485, см. ниже) и «Rhetores latini minores», ed. C. Halm, 1863. Стихотворение сохранилось в рукописи VIII в. без имени автора; первые издатели относили его, ввиду некоторых ярких архаизмов языка и стиля, к I в. до н.э., но метрические особенности явно свидетельствуют о том, что стихотворение написано не раньше IV в., а адресат его, Мессий, может быть отождествлен с грамматиком Мессием Арузианом, автором словаря грамматических конструкций, посвященного консулам 396 г.; архаизмы же могут объясняться ученым вкусом сочинителя, в качестве образца для дидактичес-

кого стиля использовавшего знаменитую поэму Лукреция «О природе вещей» с ее старинным слогом.

Стихотворение представляет собой перечень риторических фигур с определениями и примерами; в заглавиях трехстиший даны их греческие названия, в тексте — латинские. Порядок фигур до № 50— по греческому алфавиту (с некоторыми перебоями), далее идут добавления. Основным источником для алфавитной части было сочинение «О фигурах речи» Рутилия Лупа (нач. I в.), для дополнений — греческий трактат Александра, сына Нумения (II в.), но примеры в значительной части сочинены или подобраны самостоятельно, и довольно удачно.

Определения и примеры автора достаточно точны и комментария не требуют, но алфавитный порядок для современного читателя мешает понять логику античного учения о фигурах. Более или менее логический порядок материала был бы таков. (1) Фигуры мысли — те, которые не меняются от пересказа другими словами: они могут быть обращены к предмету речи (уточнять мысль, как оризм, эпитимесис, метабола, паромойон, этиология; уточнять чувство, как эпекфонесис; уточнять образ, как характеризм), к сопернику (антгипофора, пролепс, протасис, апокрисис, эпитропа, паромология, отчасти — эпифонуменон и метабасис), к публике (парресия). (2) Фигуры слова — те, которые разрушились бы от пересказа другими словами; среди них различаются: (а) фигуры переосмысления (уточнение смысла: диафора, парадиастола, синойкейосис, аллойосис, анакласис; детализация смысла: диэременон, диэксод, меризм, просаподосис, панта прос панта; оттенение смысла: антитеза, антенантиосис, антиметабола; пересказ смысла: перифраз, метафрасис, гипаллага), (б) фигуры прибавления (по количеству выделяются — плеоназм, синатройсм, просдиасафесис, полисиндетон; по форме — эпидзевксис, метаклисис, полиптотон, парономасия; по расположению — диафора, эпифора, койнотес, анадиплосис, эпиплока; по добавочному смысловому оттенку — эпаналепс), (в) фигуры убавления (брахилогия, эллипс, зевгма, диалелимен); (г) на стыке со следующей группой — фигуры порядка слов (прогипантесис, анастрофа, гипербатон, парентеза). (3) Фигуры фразы — это формы членения речи (комма, колон, период, исоколон, триколон) и параллелизации членов (гомеотелевтон, гомеоптотон).

1. Пример — оракул, полученный спартанцами перед войной с Аркадией (Геродот, I, 66).

2. Пример (сильно видоизмененный) — из Саллюстия, «Заговор Катилины», 20, 4.

5. Пример о дружбе заимствован из Рутилия Лупа, который приписывает его философу Феофрасту, ученику Аристотеля.

6. Пример из Цицерона, «За Мурену», 9, 22.

7. Пример из Демосфена, «О венке», 265 (обращение к Эсхину).

9. Текст испорчен, и пример мало подходит к определению.

16. Второй пример перефразирует стих Энния (из трагедии), приводимый Рутилием Лупом.

21. За эпиплокой в позднейшей терминологии закрепился иной латинский вариант термина: не «коннексия» (сплетение), а «градация» (ступенчатость); иные употребления термина «градация» неточны. Пример — из Демосфена, «О венке», 179.

25. Первый пример — из Эсхина, 3, 133; второй — из «Энеиды», 1, 664.

30. В примере имеется в виду, по-видимому, «дорийский народ»; из владений его Аргос и Спарта названы по именам сказочных царей Инаха и Эбала.

40. Академия — философская школа в Афинах, основанная Платоном, но впоследствии перешедшая на позиции скептицизма.

53. «Гипербатон» в позднейшей терминологии смешался с анастрофой, а за описанной здесь переменой конструкции закрепился термин «анаколуф».

54. «Антенантиосис» в позднейшей терминологии чаще называется «литотес» (иные употребления термина «литотес» — например, в значении «преуменьшение» — неточны). Пример из Гомера — «Илиада», XV, 11 («не бессильный данаец» — в пер. Гнедича).

59. Примеры — Гораций, «Сатиры», I, 5, 40, и Вергилий, «Энеида», XII, 5.

60. В подлиннике пропущен стих (поясняющий слова «рогатый скот», переданные архаизмом, заимствованным из Лукреция), восполненный условно.

61. Пример — из Гомера, «Илиада», I, 28 (искаженный в латинском переводе).

(*Перевод М. Гаспарова*)

СОДЕРЖАНИЕ

VI. Посвятительные надписи

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Литературно-художественное издание

ПОЭТЫ «ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ»

Зав. редакцией *Г.М. Степаненко*

Редактор *Л.В. Кутукова*

Обложка художника *В.С. Чернецова*

Художественный редактор *Ю.М. Добрянская*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Верстка *Ю.В. Одинцовой*

Подписано в печать 03.07.2003. Формат 70×108 1/32.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл.-печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 7,36. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1009. Изд. № 7266.

Ордена «Знак Почета» Издательство Московского университета. 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7. Тел.: 229-50-91. Факс: 203-66-71, 939-33-23 (отдел реализации). E-mail: kd_mgu@rambler.ru
В издательстве МГУ работает служба «КНИГА–ПОЧТОЙ». Тел.: 229-75-41

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.